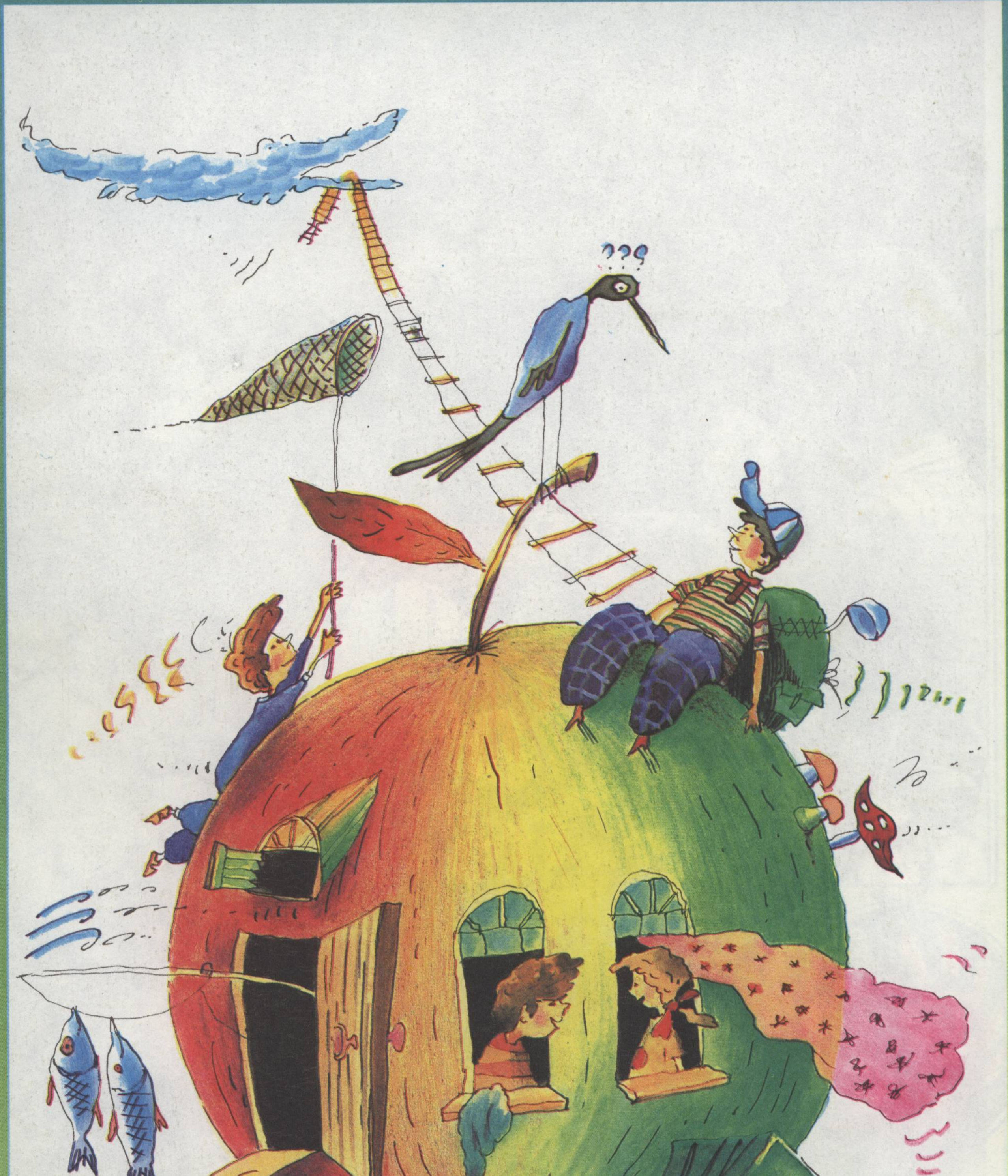
ISSN 0130–8009

ПИОНЕР

8'89

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Федор ТЮТЧЕВ

Как неожиданно
и ярко,
На влажной неба
синеве,
Воздушная воздвиглась
арка
В своем минутном
торжестве!
Один конец в леса
вонзила,
Другим за облака
ушла —
Она полнеба
обхватила
И в высоте
изнемогла.

О, в этом радужном
виденье
Какая нега
для очей!
Оно дано нам
на мгновенье.
Лови его — лови
скорей!
Смотри — оно уж
побледнело,
Еще минута, две —
и что ж?
Ушло, как то уйдет
всецело,
Чем ты и дышишь,
и живешь.

5 августа 1865

Рославль

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В АВГУСТЕ

Был Катин день рождения. Ей стало семь лет. С. 43.

Нужен поезд, он же — гостиница на колесах. С. 30.

С. 56.

Любовь, уважение, знание

Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева... Такое начало фразы предполагает почти обязательное завершение: ...широко известно в нашей стране и за рубежом. И вряд ли стоило употреблять этот привычный нашему слуху оборот, если бы он так точно не отражал меру популярности выдающегося советского ученого. На протяжении многих лет Дмитрий Сергеевич словом и делом верно служит отечественной истории и культуре, страстно борется с бездуховностью и невежеством, в какие бы одежды они ни рядились и как бы трудна ни была эта борьба.

Любовь к Отчизне. Уважение права всех людей любить и оберегать родную землю. Знание истории и культуры своего народа... Вот ориентиры на пути, ведущем к сокровищнице великих человеческих ценностей.

Раздумьями на эту тему с тобой и поделится Герой Социалистического Труда, председатель правления Советского фонда культуры, академик Д. С. ЛИХАЧЕВ.

Я начну свой ответ с... вопроса. Вернее, с вопросов. Должен ли человек любить себя? И какова мера этой любви? Есть ли связь между любовью — к себе и к другим людям? Для меня бесспорно одно: прежде всего человек должен себя уважать. Если он не любит хотя бы изредка рассматривать старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они растили, в вещах, некогда им принадлежавших, значит, он не любит их. И не уважает себя. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и неухоженные, значит, у него нет любви к своему городу. И нет уважения к себе. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей Родине. И, опять же, не ищите в нем уважения к себе.

Вы скажете: уважение к себе — личное дело каждого. Вовсе нет. Многократно умноженное в обществе, самодовольное и чуждое сомнениям, неуважение к человеку подавит любое сопротивление, растлит всякую душу и отворит кровь каждому, кто дерзнет защитить свое достоинство. Злая воля и невежественная рука не остановятся ни перед чем: нет для них святого ни в прошлом, ни в будущем Отечества. Кто сегодня сочтет все обиды, нанесенные душе народной? Разрушены и развеяны в прах на века сработанные храмы. От иных даже камешка не осталось, другие доживают свой век в поругании и жалком запустении. Да, это правда: звучали некогда в их приделах слова, от материализма далекие, устремлялись к куполам и сводам песнопения, современному слуху непривычные. Но всегда ли правы мы, следуя прямолинейным истинам: «клуб — хорошо, храм — плохо»?

Русские церкви далеки от религиозной отрешенности, они не рождают ощущения бессилия и страха. Нигде в мире нет такого радостного и веселого церковного искусства — затейливого и улыбчивого, а иногда так и немного насмешливого. Не надо далеко ходить за примерами: вот церковь Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Называлась она сперва церковью Покрова-на-рву, а потом народ окрестил ее именем Василия Блаженного — юродивого, святого, в честь которого был возведен один из ее приделов. Василий — это святой-глупец. И действительно, стоит зайти внутрь этого храма, чтобы поразиться его дурашливости. Внутри тесно и можно легко запутаться. Не случайно этот храм не впустили в Кремль, а поставили среди торга. Это баловство, а не храм, но баловство святое и святая радость.

Фотография Д. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Уважая прошлое, человек уважает и самого себя. Но уважение — это не единственное свойство, делающее человека человеком. Вот еще одно его качество — доброта. Хороший в русском языке — это прежде всего добрый. «Пришли мне чтения доброго»,— пишет в берестяной грамоте своей жене один новгородец. Доброе чтение — хорошее чтение. Доброта — это ценнейшее из всех человеческих качеств. Добрый человек уже самой добротой превозмогает все человеческие недостатки. Дурак русских сказок добрый, а следовательно, поступает по-умному и свое в жизни получит. Он и уродливого конягорбунка приласкает, и жар-птицу, прилетевшую воровать, отпустит. Те за него потом и сделают в трудную минуту все, что нужно. Доброта — она всегда умная. Дурак всем правду говорит, потому что для него не существует никаких условностей и нет у него никакого страха. Народ-то любит дураков не за то, что они глупые, а как раз за то, что умные: ум не в хитрости и обмане других заключен, не в плутовстве и преследовании своей узкой выгоды, а в понимании истинной цены всякой фальши, показной красивости и скопидомства. Да и не всякого дурака и чудака любит русский народ, а только такого, который никого не обидит, свое другим отдаст, природу сбережет, старых родителей уважит. Такому дураку не просто красавица достанется, а царевна из окошка терема перстень обручальный отдаст, а с ним вместе и полцарства-государства в приданое.

Иной раз и сегодня доброго человека дураком назовут, да вот только кто «называтель»? Многие наверняка слыхали такую «жемчужину» в псевдонародной мудрости: «Дурака работа любит, а дурак — работу». Положим, с дураком разобрались: это и Балда-работник, и мужик с Конягой из сказок Салтыкова-Щедрина, и сиротка-рукодельница — словом, все работящее население российской изустной и литературной классики. А вот кто им противостоит, кто считает себя умным в отличку от дурака-работяги? Бездельник да лодырь, хитрец-мироед да чванливый холуй...

А между тем уважение к труду, ко всякому делу — давняя, благороднейшая традиция народа. Плохо выполненная работа всегда осуждалась, а нерадивый, ленивый да неумелый подвергались осмеянию.

Жаль, что в наши дни совершенно забывают о необходимости уважения к своему труду, особенно в погоне за выполнением производственного плана. План, конечно же, необходимо выполнять и даже перевыполнять, но не за счет же качества труда, и не халтуру в помощники брать! В молодости одно время я работал корректором в типографии, пытался даже освоить ремесло наборщика. Я видел, как не уважали в рабочей среде халтурщиков. Иной, уходя на обед, бросит верстатку незаконченной, вернется, да и застанет замусоренным рабочее место, а то и бессмысленный текст, набранный в насмешку товарищами. Рабочая честь не прощала нерадения!

Вы, конечно, знаете, как до революции рабочие боролись за свои права. Но даже в самые острые моменты они никогда не портили изделий — даже в тех случаях, когда работали на жадного и неумного хозяина. Расскажу вам о некоторых формах протеста, к которым иногда — и небезуспешно — прибегали рабочие. Порой они молча, без всяких объяснений и требований, надевали фуражки козырьком назад. Вот управляющий и беспокоится, пытается понять, в чем дело-то. А если он не догадывался или не желал догадываться, то его вежливо брали под руки, сажали в тачку и вывозили из цеха на улицу.

Все это я говорю не зря. Всякий человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самом память прошлого, он губит часть своей личности. Отрывая себя от национальных, семейных корней, он обрекает себя на преждевременное увядание. А если заболевают беспамятностью целые слои общества? Тогда это неизбежно сказывается и в нравственной области. И не стоит удивляться многим и многим потерям, даже если не так давно мы принимали их за небывалые достижения нашего строя...

Как относиться к историческому, культурному наследию своей страны? Всякий ответит, что доставшееся нам наследство надо оберегать. Но жизненный опыт пробуждает в памяти иные, грустные, а порой и горестные картины.

Довелось мне как-то побывать на Бородинском поле вместе с замечательнейшим человеком — реставратором Николаем Ивановичем Ивановым. Он уже и позабыл, когда уходил в отпуск: не может ни дня прожить без Бородинского поля!.. Мы с Николаем Ивановичем обнажили головы перед памятниками, что были воздвигнуты на Бородинском поле благодарными потомками.

И это здесь, на поле нашей славы, в 1932 году произошло невиданное поругание народной святыни: был взорван чугунный памятник на могиле Багратиона. Сделавшие это совершили преступление против самого благородного из чувств — признательности герою, защитнику национальной свободы России, признательности русских брату-грузину. А как расценить тех, кто примерно тогда же намалевал гигантскую надпись на стене монастыря, построенного на месте гибели другого героя — Тучкова-Четвертого: «Довольно хранить остатки рабского прошлого!»?

Я родился и большую часть своей жизни прожил в Ленинграде. В своем архитектурном облике город связан с именами Растрелли, Росси, Кваренги, Захарова, Воронихина. По дороге с главного ленинградского аэродрома стоял Путевой дворец Растрелли. Замечательно: первое большое здание города несло печать выдающегося таланта. Дворец был в очень плохом состоянии — стоял близко от линии фронта, но советские бойцы сделали все, чтобы сохранить его. Прикоснись к нему руки реставраторов — и какой праздничной стала бы увертюра к Ленинграду. Снесли! Снесли в конце шестидесятых годов. И ничего нет на этом месте. Пусто там, где он стоял, пусто в душе, когда это место проезжаешь. И — горько, потому что утрата любого памятника культуры невосстановима: они ведь всегда индивидуальны, материальные приметы прошлого, всегда связаны с определенной эпохой, с конкретными мастерами.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. На земле остается все меньше места для памятников культуры — и не потому, что меньше становится земли. Все дело в том, что к патриотизму слишком долго призывали, а его надо воспитывать с самого раннего возраста.

Любовь к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи начинается с малого — с любви к своей семье, к своему жилищу, к своей школе. И еще — с уважения к таким же чувствам людей, которые тоже любят свой дом, свою землю, свое — пусть и непонятное тебе — родное слово.

Вот эти важнейшие человеческие качества и поможет тебе открыть в своей душе история:

Любовь.

Уважение.

Знание.

Записал С. БЫЧКОВ.

Юлий ДАНИЭЛЬ

БЕГСТВО

ПОВЕСТЬ*

Окончание.

Начало в №№ 6, 7.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Граф Иван Иванович Шувалов знакомится с тверским крестьянином Иваном Свешниковым. Иван очень образован, он владеет несколькими языками. Большую роль в его образовании сыграл Григорий Хвылянский, учитель сына местного барина на родине Ивана. Шувалов, увидя в Свешникове нового Ломоносова, предлагает Ивану место личного секретаря. По совету графа Иван пишет поэтическое переложение одного из библейских текстов. Стихотворение получается вольнодумным, направленным против церкви. Один экземпляр Иван отдает своей подруге Лизетте, которая тоже живет при доме Шувалова. Свешникова принимают в высшем свете, им заинтересовался сам князь Потемкин. Однако на Ивана смотрят лишь как на свежую диковинку, годную для развлечения скучающих вельмож. Готово и обидное прозвище — Ветошкин. Вольнодумные стихи попадают в тайную канцелярию, агентом которой оказывается и Лизетта. Начинается следствие. Свешников вынужден бежать из Санкт-Петербурга в свою деревню. Вскоре императрица дарит эту деревню вместе с землей и людьми полковнику Щетинину. Иван не желает быть крепостным. Он вновь уходит в бега...

Путь на юг

1

Григорий Александрович Потемкин ехал на юг. Он был задумчив и тих. Настроение было смутное. Позади остался Петербург, столица. Конечно, весь этот сброд, завистники, враги, голову подымет, начнет шептать, злословить за спиной. Делу будут вредить — вот что скверно. Пока он там — они только шипят изысканно, каламбурят. Что ж, хорошее словцо и он оценить может. Давеча один из придворных острословцев смотрел-смотрел на дворец его, императрицын подарок, и вымолвил: «Экое циклопическое сооружение!» Ловко сказано! И хоть в поношение говорилось, но он сей титул готов принять. Пусть: Циклоп, Полифем, гигант одноглазый, а с любым хитроумным Уллисом может потягаться. Только сии дворцовые Уллисы норовят не его ослепить, а царице глаза отвести.

В стенке возка, с правой стороны, была дырочка, маленькая, незаметная, укрывшаяся от рачительности слуг, она почему-то полюбилась Потемкину. Пренебрегая оконцем, он подолгу смотрел в нее, привалясь лбом к обитой шелком стенке, и потом до немоты удивлял спутников знанием того, что делалось вокруг («А что, поди, он дотемна из канавы не выберется?» — о мужике, свернувшем с дороги при виде потемкинской тройки). Ребячья забава, но не ради нее облюбовал Потемкин эту дырку. Привыкший быть на виду, он находил какое-то особливое удовольствие в том, что вот незаметным манером может наблюдать жизнь, убегающую назад, не вмешиваясь в нее, не командуя, не распоряжаясь. «Вот так бы,— думалось ему,— ехать и ехать, все видя и ничего не делая, все замечая и ничему не препятствуя». Он отдыхал.

2

Несколько дней Иван шел, сторонясь людей, огибая деревни, ночуя в лесу около костра или в редких, насквозь промерзающих скирдах. Но дальше так продолжаться не могло. Сумка с сухарями, давившая раньше угловатым грузом, теперь невесомо похлопывала его по спине. Надо было достать еды, постирать портянки, побриться... Нет, бриться он не станет. Если спрашивать будут, скажет, что идет в Киев, на богомолье.

В одно из утр наперерез ему выскочила очень

---

* Журнальный вариант.

неожиданная речка, узкая и, должно быть, неглубокая, но переправиться было негде. Иван побрел вдоль реки, тяжело ступая гудящими от усталости ногами. День только начинался, он уже устал. Плохо. Вокруг было весело. Снег местами сошел, ледяную мелочь прибивало к пологому берегу, куски льда крутились у прибрежных кустов, задевая за коричневые и желтые корни, тускло поблескивая на солнце. А солнце уже изрядно пригревало. Иван вдруг с отвращением ощутил свою небритость, стоптанные тяжелые сапоги, промокшие портянки, отсыревшую одежду, от которой почему-то пахло псиной.

За поворотом реки, на другом берегу, он увидел девчушку. Она швыряла комья земли в воду, а рядом как оглашенный метался щенок и звонко лаял на каждое бульканье.

— Здравствуй, милая, как мне перейти? — спросил Свешников.

— Здравствуйте,— ответила она.

Щенок залился еще пуще.

— Не забиячь! — прикрикнула она на него.— Пойдете так, а потом повернете, там река повернет, а вы так пойдете, прямо, а потом повернете, и будет сосна большая через речку.

— Ничего не понял,— засмеялся Свешников.— Так река, а так я, река повернет, я поверну.

Девочка тоже засмеялась.

— Идемте, я покажу.

Они шли вдоль реки, каждый по своему берегу, переговариваясь, и щенок бежал вслед, визжа каждый раз, когда оступался и попадал в снег.

— Как река-то называется?

— Балва,— ответила девочка.— Ух, и ямы здесь глубокие. Тот год двое потонуло. А вы куда идете?

— К святым местам, молиться. А деревня ваша какая?

— Село-то? — переспросила девочка.— Наше село Людиново. Бабка говорит, назвали так потому, что люди новые — люди-ново,— протянула она.

— Откуда ж вы взялись, новые?

— Демид привез завод ставить, только это уж давно было.

Свешников сообразил, что речь идет о заводчике Демидове.

— Ну, спасибо, милая,— сказал он, когда за поворотом показалось дерево, перекрывавшее неширокую речку. Он перешел на другой берег и зашагал к деревне.

— Странник, а странник!

Он обернулся и увидел, что девчушка догоняет его.

— Странник, ты эдак в Людиново не придешь, оно вон где.— Она указала в обратную сторону.

Иван двинулся было туда и снова остановился, услышав слова девочки:

— Там у нас команда стоит...

— Ищут кого? — вздрогнул Иван.

— Ага, офицер ихний мужикам говорил, что злодей какой-то ходит, так чтоб его не слушать, а вязать.

Девочка вдруг запнулась и со страхом уставилась на Ивана.

— Ну, что испугалась, я не злодей,— усмехнулся он.

Девчушка еще несколько секунд рассматривала Ивана и потом облегченно засмеялась.

— Нет, я только подумала, тому-то, сказали, двадцати годов еще нет, а ты уже старый...

Свешников невольно коснулся ладонью небритых щек.

— Умница,— сказал он.

Потом он спросил у девочки, где можно достать еды и переночевать.

— А ты иди в Вербежичи.— И она указала на несколько видневшихся невдалеке домишек.

До темноты Иван переждал, а в сумерки постучался в первую избу, на дверях которой был выжжен крест без перекладины.

Странника-богомольца ночевать пустили охотно, он, поужинав кашей и огурцами, улегся на печи с хозяйским сынишкой и заснул мгновенно. Проснулся он поздно. Рядом никого не было. Он пошарил свою одежду, не нашел, выглянул с печи. Его рубаха, выстиранная, висела на веревке перед устьем печки, зачиненные штаны и выстиранные, высушенные портянки лежали на лавке. Стол был прибран, пол подметен, и в печке потрескивал огонь, желтыми лучиками просвечивая сквозь дырочки заслонки. Иван слез, надел штаны, обулся. Вошла хозяйка. Иван поклонился, поблагодарил за работу.

— Сядь поешь, пока рубаха высохнет,— сказала она.

Иван двоеперстно перекрестился и сел к столу.

Подобревшая хозяйка, собирая позавтракать, вполголоса рассказала, что в заводском селе стоят солдаты и что ищут они одного человека и приметы сказывали: молодой, росту средне большого, волосы черные и вьются.

— А что он сделал, зачем ищут его? — спросил Иван.

Хозяйка, снизив голос до шепота, объяснила, что человек этот послан-де от наследника Павла Петровича про подушный оклад разведать, и еще он говорил — так рассказывали слышавшие,— что государь Петр Федорович жив и находится в Херсоне.

Свешников пожал плечами.

— Что, не веришь? — Хозяйка поджала губы и неодобрительно, даже с подозрением поглядела на Ивана.

— Трудно верить, хозяюшка,— проговорил он,— Петр Федорович умер давно, а наследник, слышно, в чужих странах с женой гуляет.

— Господи,— проговорила хозяйка укоризненно,— господи, да кто ни придет, за всех бога молить будем. Царь Петр Федорович к мужикам добер был — землю давал.— Она вздохнула.— Волю давал...

— Когда же это он волю давал? — не сдержался Иван.

— Да ты что, турок, что ли? — удивилась хозяйка.— Как это — когда? Годов десять тому будет либо поболе.

«Это она о Пугачеве,— подумал Иван.— Крепко корни пущены...»

Под вечер он снова шел, отдохнувший, вымывшийся в маленькой баньке, сытый. За двугривенный хозяйкины соседи навалили полный мешок сухарей. Он шел и думал о том, как жадно тянутся крестьяне к малейшей возможности перемены, как всякая, пусть даже неправдоподобная выдумка зажигает надеждой глаза и сколько пороху заложено в народе: поднеси огонь — вспыхнет! Вот еще самозванец объявился, еще один печальник за народ.

На другой день он встретился с этим печальником.

На окраине небольшого села, куда зашел он отдохнуть (чем дальше он уходил на юг, навстречу птичьим стаям, тем больше он смелел, не прятался от людей), на окраине этого села его перехвати-

ли мужики и, спросив, грамотен ли, повели в дом.

В просторную избу набилось много народу. В красном углу сидел молодой человек с кудрявыми волосами. Он очень быстро что-то рассказывал, суетливо оглядывая лица слушателей:

«...Не след называть его подушным окладом, какой это подушный оклад? Он — тяжелый оклад. Великий князь Павел Петрович про то знает, он вас не забудет, он отцову волю выполнит, Петр Федорович...

Мужики одобрительно зашумели.

— ...Петр Федорович,— повышая голос, продолжал юноша,— крестьян любит, об них думает. Он от мученической смерти ушел, скоро объявится.

— Господин хороший,— сказал один из мужиков, приведших Свешникова,— вот человек говорит, что грамотен. Покажи ему бумагу-то...

Юноша быстро глянул на Свешникова.

— На вот,— сказал он, доставая из кармана завернутый в чистую тряпицу сложенный вчетверо лист,— только здесь половина не по-русски.

Иван развернул бумагу. Это было письмо. Он прочел вслух обращение:

«Милостивый государь, любезный батюшка Петр Федорович! Почтеннейшее письмо ваше минувшего февраля от пятого числа я имел честь получить...»

— Вот видите — императору Петру Федоровичу письмо! — крикнул молодой человек.— Подпись, подпись читай!

«...читав оное многократно с совершенным удовольствием,— пробегал глазами письмо Свешников и отдельные фразы произносил вслух,— непреложный образ добродетелей... я в жизни моей в состоянии буду нести достойно имя сына вашего...»

— Вот! — опять выкрикнул юноша.— «Достойного сына вашего!» — стало быть, все по-отцовски сделает, подпись читай.

— Читай, кто подписался! — зашумели рядом.

Свешников перевернул лист и прочел:

«Ваш нижайший слуга и всепокорнейший сын Павел».

И под восторженный гул, которым мужики встретили имя Павла, Свешников про себя разобрал адрес, писанный по-французски, стоявший ниже подписи: «Тулон, улица Лудильщиков, в доме книготорговца Пьера Делин, господину Павлу Петровичу Стременцову».

3

— Петиметр! Прелестница! Задница, а не солдат! — Потемкин возвышался над остолбеневшим от ужаса солдатом.— Кафтан узок! К балу солдат готовим!

Кроткое и мирное настроение светлейшего кончилось так же внезапно, как и началось. Непривычное, вынужденное безделье начинало его раздражать, и он как с цепи сорвался, увидев, как при дороге солдаты помогали друг другу привести себя в порядок.

— Пиши! — Он махнул рукой Попову и, глядя в лицо солдат, продиктовал раздельно: — «Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет». Записал?

Потемкин рывком расстегнул застежки на своей бекеше, скинул ее на руки подскочившему казаку. Тот бережно — любимая одежда светлейшего! — отнес ее в карету.

«На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели,— он как куклу повернул солдата за плечи, спиной к себе,— нежели отягощать пудрою, салом, мукою...» Кушать сало и муку надо есть, а не на голову,— снова прервал он сам себя.— «Мукою», записал? «...Шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал и готов». Вот, виршами заговорил,— захохотал он и тут же снова нахмурился.— Кто такие? — отрывисто спросил он у оробевшего офицера.

Злодея ищем, ваше сиятельство,— запинаясь, проговорил офицер.

Он узнал Потемкина.

— Какого злодея?

Косясь на солдат и все еще робея, офицер вполголоса объяснил, что ищут некоего человека, который дерзновенно объявил себя наследником Павлом Петровичем и ходит по деревням, склоняет мужиков к возмущению.

«Наследником объявил себя, заморышем курносым, дурак, поди»,— подумал Потемкин и вслух произнес:

— Дурак.

Офицер растерянно умолк.

— Это я не про тебя,— сказал Потемкин.— Впрочем, и ты дурак, сколько у тебя команды?

— Сорок человек, ваше сиятельство.

— Где последний раз самозванца видели?

— В Листвянке.

— Когда?

— Вчера в полдень.

— Карту знаешь? Нарисуй.

Офицер концом ножен обозначил на земле расположение деревень.

— Ага,— Потемкин помолчал.— Отдели треть людей, пошли их по трое в эти вот деревни, сам с командой стой здесь. Как объявится где злодей, двое пусть караулят или следят, а третий — к тебе, понял? Делай так.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

4

Свешников переночевал в той же избе, где остановился владелец «августейшей» переписки. Утром он остался в избе вдвоем с незнакомцем. Оба молчали, испытующе поглядывая друг на друга, и наконец кудрявый заговорил первым:

— Ты далеко ли путь держишь?

— Нам с тобой не по пути,— ответил Свешников и повернулся лицом к самозванцу.

— Что так?

— А вот что.— Свешников приблизился к нему. Тот слегка попятился.— А вот что: ты зачем все придумал? Письмо-то твое — обман! Чего добиваешься? Зачем мужиков под кнут подводишь?

— Как — обман? — запротестовал было самозванец.

— А так — обман! Я не только по-русски читать умею — понял?

Юноша выпрямился.

— Ну и что? Что ж ты смолчал давеча? Они, может, и сами обману хотят. Они б тебя первого побили, а? А что под кнут они пойдут, так...— Он выругался.— Пока я гуляю. Кормят, вином поят, лошадей дают. Всю Россию так пройду, никто не остановит.

— Дурак ты,— брезгливо сказал Иван,— за тобой уже команда выслана.

— Той команде мужичков хватать не перехватать: пока та команда с ними разберется, меня — тю-тю — ищи ветра в поле!

Иван подошел к парню вплотную и ударил его кулаком по лицу.

— Сволочь! — сказал он и ударил его еще раз. Не глядя на побитого, он взял с лавки свой мешок и пошел к двери.

В это время дверь раскрылась, и в комнату вошли солдаты...

Полчаса спустя он уже трясся в телеге, неловко привалясь к грядушке скрученными назад руками и стараясь не встречаться глазами с невольным виновником своего ареста, тоже связанным и тоже избегающим его взгляда.

Вскоре они прибыли в то село, где остановился с командой офицер. Их немедленно погрузили в другую повозку и, не развязав ни на минуту рук, не накормив, на свежих лошадях помчали вдогонку Потемкину. Офицер решил подольститься, расчет был правильный: показать светлейшему успех его распоряжений. К ночи они настигли Потемкина, остановившегося в придорожном селе. Выслушав рапорт офицера, Потемкин велел утром привести арестованных к нему.

Их развязали. Иван не сдержал стона, когда развел освобожденными руками; самозванец всхлипнул, ничком упал на лавку. Подобревший от удачи офицер велел дать им хлеба и молока, и они, перемогая боль и усталость, поели. Утром чуть свет их подняли и повели к Потемкину.

Светлейший сидел у стола в дорожном костюме, накинув на плечи зеленую бекешу. Он покосился на вошедших.

— Ну, который из них самозванец? — спросил он у офицера.

— По приметам и по допросу — этот, ваше сиятельство.— Офицер сильным толчком выдвинул самозванца на середину комнаты.

— Звать как? — Потемкин встал и надвинулся массивной своей фигурой на парня.

— Григорий...

— Григорий? Тезка...— Потемкин недобро усмехнулся.— А может, ты не Григорий, а Петр или Павел? Император или великий князь? Или, может, твоя фамилия — Отрепьев?

Он схватил самозванца за грудь и встряхнул его. Тот мотнулся неживой куклой.

— Григорий Зайцов, господин... генерал.

— Зайцов... Кто такой? Отец кто?

— По-номарь...

— Пономарь... Чего ради мужиков смущал, говори! Кто научил?

— Никто, господин генерал... Сам надумал. Письмо нашел... чужое. В деревнях читал, показывал мужикам, чтоб кормили и...

— Какое письмо? — насторожился Потемкин.

— Вот, ваше сиятельство.— Офицер протянул Потемкину злополучное письмо.

Тот, хмурясь, стал читать. Несколько раз, отрываясь от чтения, окидывал взглядом поникшую фигуру Зайцова.

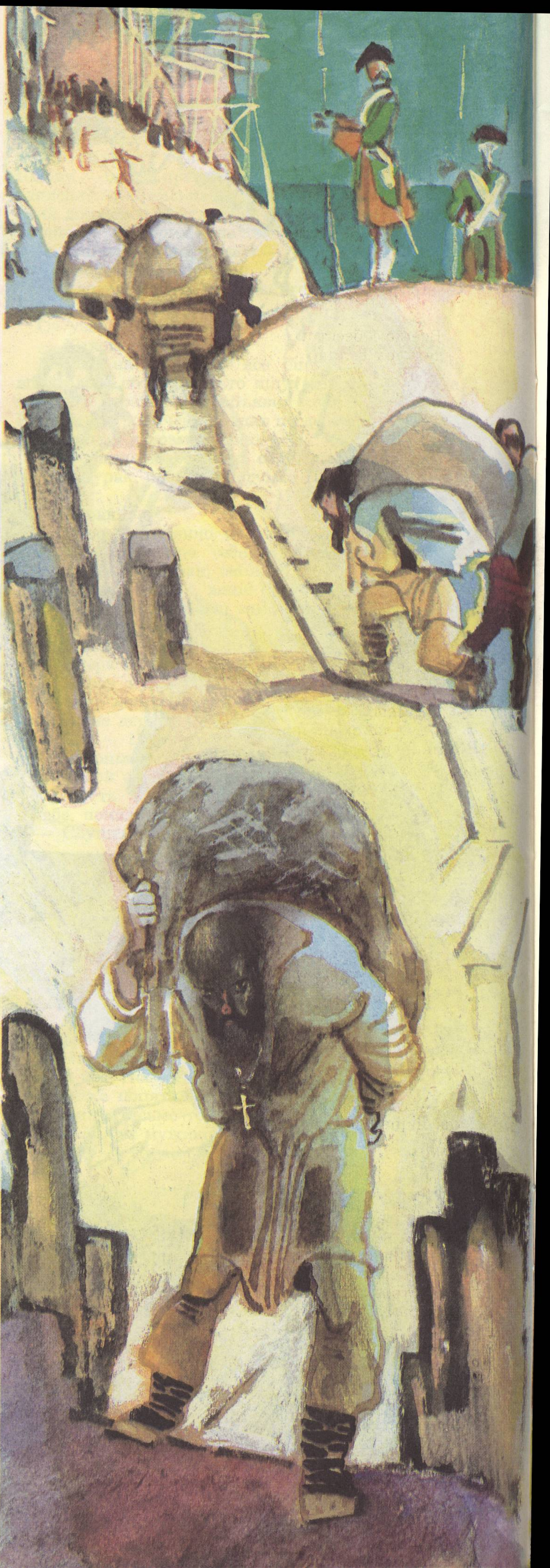
— Хитер, ничего не скажешь,— проговорил он наконец, сложил письмо и отдал офицеру.— Хитер мозгляк чужие письма приспосабливать. Ну что ж, уведи, сдашь по начальству. Да, запамятовал было, твоя как фамилия?

— Поручик Михаил Блажнов, ваше сиятельство.

— Василий Степаныч, запиши,— кивнул Потемкин секретарю.

Зайцова увели, Потемкин оборотился к Свешникову.

— Ну, а ты что за птица? Выдь на свет! — скомандовал он.

Иван повиновался.

— Этого, ваше сиятельство, в одной избе с тем задержали. Мужичье говорят: чужой, богомолец, я прихватить велел для порядку.

— Правильно; ну, отвечай, что ты за человек, богомолец?

— Разрешите, ваше сиятельство, вам одному рассказать,— сказал Иван.

— Что такое? — удивился Потемкин.— Постой, постой,— забормотал он, поворачивая Ивана за плечи лицом к свету,— Василий Степаныч, взгляни-ка...

Всегда бесстрастный, невозмутимый Попов вгляделся в лицо Свешникова и ахнул.

— Всем уйти,— сказал Потемкин негромко.

Комната опустела.

— Сядь.

Иван сел.

— Рассказывай.

— Я сбежал, ваше сиятельство.

— Что-о?

— Сбежал. Наше село отдали во владение господину Щетинину, а я сбежал.

— Ну-у...— Потемкин изумленно уставился на Ивана.— Он притеснял тебя, этот, как его?

— Щетинин нет, ваше сиятельство.

Потемкин поднял бровь.

— Так что же ты?

— Не сумел быть рабом.

Оба замолчали. Вот он каков, ученый мужик! Не хочет быть рабом! Не хочет быть рабом...

— Ты знаешь, что тебя ждет?

— Знаю.

«Что же он не просит о заступничестве?» — Потемкин в упор разглядывал Свешникова.

«Что же я не прошу заступиться? Самое время»,— мелькнуло в голове у Ивана.

— Раньше думать надо было! Раньше! — вдруг вскрикнул Потемкин.

Иван молчал, потупившись.

— Сечь батогами будут! Ноздри рвать! Навечно в солдаты!

— Если вы не заступитесь... ваше сиятельство,— с трудом выдавил наконец Иван.

— Если я,— сердито повторил Потемкин. Он встал, почти коснувшись головой низкого потолка, и прошелся по комнате. Потом отворил дверь: — Эй, кто там? Позвать сюда офицера. Э, слушай, любезный, богомольца этого я при себе оставляю. Можешь отправлять. Хвалю, исправен, напомнишь о нем, Василий Степаныч, иди.

— Слушаю, ваше сиятельство.

— Теперь вот что: Василий Степаныч, богомольца нашего одеть прилично, накормить, он едет в заднем возке. На первой стоянке явишься ко мне, Свешников.

— Благодарю вас, ваше сиятельство.

— Ступай.

И когда Свешников, поклонившись, вышел из комнаты, Потемкин, наклонив голову и глядя ему вслед, выговорил ворчливо:

— Дерзок...— Посмотрел на Попова и уже с удовольствием повторил: — Дерзок! Приручить надобно, будет пригоден к работе.

И в той же комнате, что недавно была для него местом заключения, Свешников, соскабливая бритвой темно-рыжую щетину со щек, думал сосредоточенно и зло: «Поучать вельмож готовился, советовать придворным — ох, дурак! Сам у вельможи защиты просил, только что руку не поцеловал».

Каторжный

1

В Херсоне было шумно и неспокойно. Множество людей, собравшихся в городке и вокруг него, пригнанных насильно, погнавшихся за наживой, ищущих убежища, толпилось около казенных мест, кабаков, у церкви, заключало сделки, молилось и пьянствовало.

Но были в Херсоне и такие люди, до которых все это не доходило или доходило с большим опозданием; их было семьдесят восемь человек, и работа их была — делать земляные укрепления. Все семьдесят восемь были каторжники. Их стерегла особая команда, балаган их был рядом с воздвигаемой крепостью, и дважды в день офицер проверял их число. Они таскали на верхи землю в мешках (тачки были дороги), утаптывали ее ногами и снова спускались вниз за землей. Два пуда земли входило в мешок — вверх! Трамбуй чище! Торопись! — и короткий отдых, пока спускаются порожнем, и снова — наваливай, вверх!

В один из таких бесконечно повторяющихся дней каторжник Григорий Хвылянский, поднимаясь наверх, потерял сознание. У него закружилась голова, и он упал. Ему показалось, что он очень медленно и плавно опускается на землю. На деле же он стремительно опрокинулся назад, и только мешок, уроненный им за секунду до падения, задержал его на крутом склоне. Скашивая на него глаза, товарищи прошли мимо, вверх — останавливаться было запрещено. Когда же они, утрамбовав принесенную землю, двинулись обратно, то по приказу надзиравшего солдата сволокли вниз упавшего товарища и положили его в холодке. Он скоро очнулся, открыл глаза, увидел фигуры каторжников, вяло спускавшихся с горы, вспомнил, что с ним произошло, и снова опустил веки. Торопиться некуда, года два назад его избили в харьковской тюрьме за прошение, написанное на имя Черткова, генерал-губернатора; Хвылянский просил войти в тюремные дела, пресечь зло. «Сила начальников, с дерзостью соединенная, не требует представлений,— писал он.— Брать у них приходится, что дают, а давать, что требуют...» Его сильно избили и бросили одного в сырую камеру. С тех пор он больше никогда не лез на рожон, смирился, тогда-то его и перевели в Херсон. Он жил каторжником, стараясь ничем не выделяться, и ничего, даже мелочи, не решал сам. «Может быть, еще немножко удастся полежать,— думал он, стараясь дышать незаметнее,— может, подумают, что я еще без памяти».

Солнце переместилось, пока он лежал, и теперь било в закрытые веки, но он лежал неподвижно, отдыхая, наслаждаясь неожиданным покоем.

Невдалеке послышались голоса, разговаривали трое. Голос одного — пронзительный, высокий, торопливый — он знал очень хорошо: это был голос офицера, начальника солдатской команды, что стерегла их. Другой, неторопливый басистый голос, принадлежавший, видимо, очень большому и сильному человеку, был ему незнаком, третий — где-то он слышал этот голос? — негромкий голос, в котором чувствовалась усталость, прозвучал совсем рядом с ним:

— А что с этим человеком? Почему он здесь лежит?

— Он захворал, господин секретарь.

— Велите, сударь, перенести его в тень.

— Слушаюсь, господин секретарь, сейчас распоряжусь, э-э, да он, никак, очнулся!

Хвылянский и в самом деле не сдержался, открыл глаза, чтобы взглянуть на того, чей голос был ему так знаком.

— Ну-ка, вставай!

Хвылянский медленно поднялся, они смотрели друг на друга, каторжник и молодой чиновник в скромной, но добротной одежде. Он стоял чуть впереди своих спутников и сострадательно глядел на Хвылянского. Потом взгляд его отвердел, стал пристальным, лицо дрогнуло, он сделал еще шаг вперед, но вдруг, круто обернувшись, зашагал прочь. На ходу бросил через плечо поспешившим вслед за ним спутникам:

— Много ли проку от него сейчас? Пусть отдыхает сегодня.

Удивленный офицер, поотстав, велел отправить Хвылянского в балаган и бегом догнал шагавшего прочь чиновника.

Удивительный человек был этот чиновник, никто из херсонских служак не понимал, откуда он взялся, что ему известно и, самое непонятное, что он здесь делает. Прибыл он от Потемкина, а для чего — бог ведает. Бумагой, которую он привез с собой, приказано его допускать всюду, куда ни пожелает, все показывать, ни в чем преград не чинить, обо всем осведомлять. А вот власть у него какая? Ничего об этом не сказано. Все ждали с нетерпением, когда он как-нибудь распорядится, покажет пределы своей власти. Но господин секретарь — так он был назван в потемкинской бумаге — ни разу еще не приказал, не скомандовал, разве что, набредя на брошенные нерадивым хозяином бревна, мимоходом обронит, как бы думая вслух или советуясь:

— А это чье добро? В крепости или на верфи пригодилось бы...

Единственное, что он потребовал от коменданта,— это пару верховых лошадей, на которых он попеременно ездил то на глубокую пристань, то еще дальше — на лиман, к устью Днепра, то кружил около самого Херсона. Его поместили в центре Херсона, в доме на Богородицкой улице. Он занимал там две комнаты и спальню велел устроить в первой, а кабинет в дальней. Приходивших к нему за делом он встречал в первой комнате, а в кабинет не приглашал. Дома, однако, он днем бывал редко, да и в гости не ходил. Недосугом отговаривался от приглашений в чиновничьи дома. Его квартирный хозяин, Лазарь Прокопьевич, старик старообрядец, с морщинистым, как грецкий орех, лицом, был доволен своим постояльцем. Не как у других — спокойно, ни табачного дыма, ни пьянства, ни гостей — тишина.

Сегодня, однако, постоялец воротился домой рано и, деликатно постучавшись, вошел на хозяйскую половину.

— Лазарь Прокопьевич, завтра вечером у меня гость. Прошу вас, распорядитесь с ужином, чтобы получше. Вот это на расходы.— Он положил на стол ассигнацию.

Офицер, худой и высокий человек по фамилии Лисенков, почтительно ел и пил, жаловался на скуку и невыгодность службы. Почему-то казалось, что его костлявое тело непрерывно движется, и только мешковатый грубого сукна мундир мешает увидеть это движение. Когда он тянулся к чему-нибудь на столе, рука выскальзывала из рукава и, почти по локоть голая, нерешительно повисала над блюдом.

— Судите сами, господин секретарь,— говорил он, проникновенно глядя в глаза Свешникову,— судите: жалованье маленькое, доходов никаких, бедность...

— Уж будто никаких доходов? — Свешников откинулся на спинку стула, заложил ногу за ногу.— Так уж и нет доходов? А я уведомлен иначе.

Лисенков сжался как бы в ожидании удара. Но Свешников не ударил. Помедлив немного, он кивнул офицеру и, переходя на «ты», нечаянно копируя потемкинскую интонацию, сказал:

— Ты ешь, ешь, закусывай смелее. Выпей вот еще рюмочку да расскажи, что у тебя за народ под охраной.

Торопливо опрокинув рюмку, офицер начал говорить. Он рассказывал о грабителях, фальшивомонетчиках, поджигателях!

— Вот извольте, сударь, поджег барскую псарню. Уж не знаю, из чего у них там с господином его вышло, только собак сгорело на огромные суммы. Многих деревень псарня стоила...

— Да, кстати, что это за человек, который лежал давеча вне себя? Разбойник?

— Нет, господин секретарь, не разбойник. Он за фальшивые бумаги осужден, завещание подделал. Он был учителем у помещика,— запамятовал фамилию,— в Курской губернии помещик жил, вот, стало быть, жил он учителем в доме и вдруг возьми да и влюбись в крепостную девку. Она тоже при господском доме была, в услужении. Ну, учитель этот, его фамилия Хвылянский, из хохлов, он ее выкупить хотел. А из каких таких доходов. Жалованьишко ничтожное, считайте, что за стол да за квартиру служил, а помещик крутит, ни «да», ни «нет» не говорит. А потом вдруг в одночасье помер. Хвылянский при нем был тогда. Сразу к ларцу, где завещание-то было. Ну, и приписал к завещанию: «Такой-то, мол, Агашке или Парашке — вольную»! И так-то неискусно приписал, так очевидно, что, как наследники взяли бумагу — что такое? Подделка! Ну, и следствие сразу. Почему Агашка, а не к примеру, Катька? Чей тут интерес? Учителя? Его к допросу. Крутил-вертел — повинился, судили его и в каторжные работы...

— Навечно?

— Нет, господин секретарь, не навечно. На пятнадцать лет.

Свешников хотел что-то спросить, но Лисенков предупредил его:

— Пять годков отработал, еще десять пробудет. А там — ищи свою Лукерью. Хе-хе...

Отпустив офицера, Свешников задумался. Устроить побег не так уж и трудно. Офицер этот, Лисенков, что угодно сделает, если его припугнуть да посулить.

2

Последние два дня Григорий Хвылянский ходил сам не свой. Почудилось ему, что ли? Ванюшка Свешников, деревенский паренек, застенчивый и горячий, Ваня, единственный ученик, которого учил с охотой,— здесь? Чиновником? Но если это он, то почему же отвернулся, не нашел случай поговорить? Не узнал? Или узнал, но не захотел уронить себя знакомством с каторжным? Неисповедимы пути господни, может перемениться человек...

Григорий Афанасьевич сидел на нарах и разминал ладонями натруженные за день ноги. Сегодня у каторжных было как-то необычно. Уже троих за день по очереди снимали с работ и водили в город: на допрос. Товарищи рассказывали, что чиновник

допрашивал о работе, о жилье, о провианте. Они были оживлены, веселы, еще бы! Они были в городе, видели вольную одежду, дома, улицы, женщин. И каждый тремя часами меньше работал. За такую-то благодать-прогулку и лишнее отработали бы!

— Эй, Хвылянский!

В дверях появилась фигура солдата.

— К его благородию!

Лисенков встретил каторжного в дверях своего домика, бледный, небритый, с воспаленными глазами, он сказал Григорию Афанасьевичу:

— Ступай на допрос, жаловаться будешь — пожалеешь, что на свет родился.

Так, те трое рассказывали, что поручик их тоже предупреждал. Как жаль, что уже сумерки, ничего не видно будет. Все равно хорошо! Все же что-то новое.

Он шел впереди солдата, чуть спотыкаясь, жадно вглядываясь в очертания домов, в фигуры прохожих. Поворачивая за угол, он чуть не столкнулся с молодой женщиной, та отпрянула и, разглядев каторжного, вскрикнула испуганно:

— Ой, батюшки!

И низкий, грудной испуганный бабий голос, и стремительное, но плавное движение, которым она метнулась в сторону, и мягкие черты лица, размытые вечерним сумраком,— все ударило в сердце Хвылянскому так, что он даже остановился.

— Ну, иди, иди, бабы не видал,— проворчал солдат,— шагай знай, каторга.

— Не видал, брат, пять лет не видал,— вырвалось у Хвылянского.

— Иди, иди,— повторил солдат.

Улица, длинная, с известняковыми домами,

вдали маячит большое сооружение, церковь, кажется. Доска на доме: «Дом сей принадлежит майору Леону Товиту»,— прочел на ходу Хвылянский. «А сколько времени я не читал? Год или больше?» Еще поворот, глухой забор.

— Стой.

Заскрипела высокая калитка. Они прошли во двор, солдат взошел на крыльцо и постучал.

— Проходите,— произнес все тот же мучительно знакомый голос, который вот уже два дня звучал в памяти Хвылянского.

Они переступили высокий порог и вошли в комнату.

— Ты, солдат, останься здесь. А ты проходи в эту комнату.

Хвылянский прошел в следующую комнату, обернулся. Затворив за собой дверь и привалясь к ней спиной, раскинув в стороны руки с судорожно сжатыми кулаками, перед каторжником стоял Ваня Свешников. Серые глаза его, широко раскрытые, налитые слезами, смотрели на Григория Афанасьевича.

— Ваня,— хрипло сказал Хвылянский.

— Тише, тише, Григорий Афанасьевич, родной, тише, молчите.

Свешников запер дверь на задвижку, подошел к Хвылянскому, обнял его, посадил на стул.

— Григорий Афанасьевич, надо бежать.

— Куда?

— Во Францию, а там — куда придется, хоть в Америку, согласны?

— Согласен, но как же это сделать?

— Я сделаю, Григорий Афанасьевич. Первое — переоденьтесь, наденьте все это под низ, а свое, арестантское, сверху... Слушайте: я пойду сзади...

Когда на обратном пути в крепость они дошли до поворота в узкую уличку, ведущую в горы, каторжник внезапно остановился.

— Меня на сторону понуждает,— сказал он.

— Иди, иди, дотерпишь до места,— ответил солдат.

— Ох, братец, не смогу, не дотерплю.

— Экая рвань нескладная, з.....ц! — выругался солдат.— Ну ладно, отходи в сторону.

Хвылянский сделал шаг в сторону, и, когда солдат неспешно двинулся мимо него, он присел на корточки и что было силы рванул за ноги проходившего солдата. Загремело оброненное ружье, солдат ткнулся лицом в землю, и не успел он ни рвануться, ни закричать, как голову ему окутала какая-то плотная, пахнущая потом ткань, а вывернутые назад руки больно стянуло веревкой. Затем он почувствовал веревку под коленями; еще мгновение — и две пары рук подняли его на воздух, немного пронесли и швырнули наземь.

— Задохнется так, пожалуй,— услышал он голос.

Голову освободили, солдат увидел близко от себя звезды и едва лишь успел глотнуть воздух, как рот ему забили тряпкой, а потом затянули узел на голове, сжимая завязшие в тряпье челюсти. Несколько секунд спустя он услышал мягкий топот копыт по пыльной дороге...

Девятнадцать верст до клобка — до глубокой пристани. Девятнадцать торопливых верст по разъезженной дороге. Первые, в галоп взятые версты позади, теперь кони идут шагом.

—...Да что обо мне говорить, Григорий Афанасьевич! Вышел сам себя искать, да не нашел, заблудился. Жил в Петербурге при Шувалове, читал, учился, писал. В крепостные попал, сбежал, поймали. Потемкин выкупил, теперь я вольный...

—...Я, друг мой, не попомнюсь никак: утром — каторжный, вечером — свобода. В каторгу больше не пойду, хоть головой об камень. Ваня, милый, неужто ты вырос, спаситель мой...

— Григорий Афанасьич, не забыть бы. Вот семьдесят рублей — спрячьте подальше. А вот еще — отдадите, когда на место привезет.

И уж у самой пристани:

—...Где ж она теперь, Григорий Афанасьич?

— Не знаю: небось в дальнюю деревню сослали, силком замуж выдали. Потерял я свою любовь, друг мой.

— И я...

В стороне от верфи — нагромождение полусгнивших досок, обломки шлюпок, муаровая черная вода кажется неподвижной, как в пруду.

— Здесь,— сказал Свешников вполголоса.

И, как эхо, откуда-то с воды прозвучали тщательно выговоренные слова:

— Кто есть здесь?

— Это мы,— ответил Иван по-французски.

— О, наконец-то, приятель!

Хлюпнула вода под бортом покачнувшейся лодки, и на берег грузно выскочил невысокий человек.

— Если бы не то, что ты говоришь по-французски, я бы не стал ждать тебя так долго.

— Если б ты не ждал меня, ты не получил бы вот этого...

— А-а, деньги! Это никогда не помешает, остальное...

— Остальное получишь во Франции.

— Это и есть твой товарищ? Мы с ним как-нибудь объяснимся, а?

Я говорю по-французски, дружище.

— О-о! Значит, ты не соскучишься, любитель ночных прогулок, ну, в путь!

— Погоди, Григорий Афанасьич!

Ваня!

— Прощайте, Григорий Афанасьевич! Помните: дом Шувалова, мне передадут...

— Эй, поживее!

— Прощай...

Иван сорвал с себя плащ и, скомкав, швырнул в отходящую лодку.

Вольная

1

Нельзя сказать, чтобы чума пришла неожиданно.

Еще на памяти был чумной бунт 1771 года, когда силой усмиряли москвичей, обезумевших от ужаса смерти и разъяренных своеволием начальства. Бравые гвардейцы пришли тогда в старую столицу и стали там лекарями. А народу-то все равно было, от чего помирать: от чумы ли, от штыка или пули.

А прошлым летом вспыхнула она на Тамани, год царствовала там и вот теперь пришла в Таганрог и Херсон. Иные считали, что турецкие корабли принесли заразу; иные говорили, что доползла она до Херсона с полуострова; а большая часть твердила только, что это кара божия, да молилась усердно.

И чума пошла гулять по городу, обдавая смрадным своим дыханием дома купцов и солдатские казармы, балаганы арестантов и кабаки, церкви и пристанские склады.

Бесчисленные костры вспыхнули во дворах; врачи толковали, что хворь («язва», как ее назы-

вали) передается с дурным воздухом и поэтому надобно воздух очищать огнем. Резко и угрожающе запахло уксусом: им обтирались, обливали себя, пили его неумеренно, портя желудки; пили и заедали чесноком, который, толковали, тоже предохраняет от беды.

Только все это мало помогло. Смерть поселилась в городе прочно и приходила в гости без спросу. Она ударила в крепость, метнулась на восток от нее — в воинский форштадт, на запад — в греческое предместье и заметалась, вслепую кося людей.

2

Черные дыры в бородах — разинутые пасти раскольников. Старинное столповое пение. Они поют все громче и громче. Скоро не выдержат уши. Рев чинно стоящих бородачей тисками давит на голову.

«Что это?» — спрашивает у Ивана какая-то женщина.

«Раскольничий хор светлейшего!» — кричит Иван.

Но женщина его не слышит. Слишком громко поют староверы. А ему нужно, непременно нужно перекричать их, объяснить этой госпоже, что она в своей шубе похожа на церковный колокол. Это очень нужно, потому что тогда придет Лизетта. Очень громко поет, кричит хор. Быстрым шагом приближается Потемкин, хватает Ивана за плечи и, дыша огуречным рассолом, орет ему в самое ухо: «Каков хор, а? А соотчичи мои любезные косоротятся. Эй, громче!»

Иван рвется из рук Потемкина.

«Ты не хочешь слушать, холоп? Взять его!»

Не спеша женщина вынимает из «маньки» веревку и вяжет Ивана. Она долго обматывает веревку вокруг его тела, прикручивая кисти к бокам. Потом она ведет его по бесконечным коридорам. А за спиной, не смолкая ни на минуту, гремит грозное пение. Женщина — она уже не женщина, а староста Ермолай Ковшов — говорит, вталкивая его в тюремную камеру: «Здесь келья — гроб, дверью хлоп».— И гнусаво смеется.

Иван падает на пол, стучит ногами в дверь, и вот наконец-то входит Лизетта.

«Лизонька, ты пришла! — говорит Иван.— Развяжи меня, Лиза».

«Погоди,— отвечает Лизетта и, расправив пышные юбки, садится рядом с ним. Из-под юбок торчат носки туфелек.— Погоди, Ваня, ты должен запомнить это. Слушай: мушка звездочкой на лбу — величественная, у правого глаза — тиран...»

«Лиза, что ты говоришь! — кричит Иван.— Освободи меня!»

«На подбородке — люблю, да не вижу, а на щеке — согласие. На виске — страстная. Все дамы носят зеркальце и коробочку с мушками — для любовной беседы».

Она поднимается и, сделав реверанс, уходит, исчезает, растворяется в темном углу камеры.

«Лиза! — зовет Иван.— Ли-и-иза...»

Он мечется по постели, он просит пить, и, когда Любаша, женщина, которая приходила помогать ему по хозяйству, подносит питье, выбивает у нее чашку из рук. Они вдвоем в доме, и Любаша не знает, чем ему помочь. Она пришла сюда неделю назад. Она пришла и нашла его одного в брошенном доме, больного, бредящего, умирающего.

Любаша становится на колени перед черными, страшными иконами и молча кладет поклоны. С кем поплакать, кому слово сказать? Сзади вдруг прекращается движение, Свешников затихает, она бросается к постели. Спит, дышит ровно, значит, можно передохнуть, покушать. Любаша пошла в сени, из подпола достала мясо и сыр. Это все чужое, хозяйское, но где же он, хозяин? Ушел, убежал, может, помер уже? Любаша ест мясо и сыр, примостившись на крылечке.

— Пить! — донеслось из комнаты.

Она побежала к больному. Очнулся.

— Люба,— внятно выговорил Свешников,— как ты здесь?

Она поит его из чашки и торопливо, сбивчиво рассказывает.

— Люба,— сказал Иван,— когда я помру...

Любаша смотрит на его сами собой опускающиеся веки, на проваливающиеся щеки, обросшие темно-рыжей щетиной, натягивает на него простыню, чтобы не видеть выгнутые, как прутья, ключицы, и молчит, не перечит: не помрете, мол, Иван Евстратьич...

— Когда я помру,— повторил Иван,— бумаги мои схорони, спрячь, перешлешь в Петербург Шувалову Ивану Иванычу. Деньги в изголовье себе возьми... Сейчас забери... слышишь... ну...

Он сделал попытку приподняться, и Любаша поспешила исполнить его желание. Она достала из-под подушки кошелек и смятые в комок ассигнации, спрятала за пазуху.

— Вот,— сказал Иван,— теперь все... голова очень болит и живот.

Он полежал некоторое время молча, потом заговорил не по-русски, и Любаша со страхом слушала непонятную речь. Потом вдруг схватилась, накинула платок и побежала за ворота, куда идти, кого звать? Люди на улицах шарахаются друг от друга. Вдруг Любаша увидела двух людей. Они поравнялись с калиткой, сейчас пройдут, один из них по виду чиновник, другой воинский лекарь. Любаша его знает.

— Ваше благородие! — закричала Любаша.— Помогите!

Они остановились.

— Чего тебе? — Лекарь посмотрел на нее.

— Помирает он, помогите, сделайте милость.

— Кто он? Муж? — спросил чиновник.

— Нет, не муж, чиновник он приезжий, Свешников Иван Евстратьевич.

— Свешников? — Чиновник вдруг насторожился.— Давно заболел?

— Вот уж вторую неделю лежит без памяти.

— Вторую неделю? Если не врешь, значит, не чума, зайдем? — спросил лекарь чиновника.

— Идемте,— неожиданно для лекаря быстро согласился чиновник,— я его знаю, Свешникова.

Они вошли в комнату. Свешников был без памяти, дышал тяжело и стонал.

— Откинь простынь,— скомандовал лекарь.— Так, а теперь поверни его.

Он осторожно наклонился к постели, разглядывая больного, потом выпрямился.

— Нет, это не чума,— сказал он,— горячка мозговая или — задери-ка рубаху — или тифус. Клади тряпку холодную на лоб. Я ему сейчас кровь пущу.— Он быстро вынул из сумки блестящий ножик и обтер его об рукав.— Дай сюда тарелку, руку держи.

Кровь побежала вялой струйкой.

— Ну, вот и все. Завязывай. А ты, красавица, что же к этакому дохлому прислонилась, а?

Он ущипнул Любашу за плечо. Любаша повер-

нулась, подхватила полотенце и побежала во двор к колодцу — намочить в воде.

— Идемте, Николай Сергеич, пора.

Чиновник обернулся, все это время он стоял у распахнутой двери кабинета.

— Что он?

— Долго не протянет,— пожал плечами лекарь.— Ну, пошли...

— Вы идите, я догоню.

— Что, хозяйка приглянулась?

— Нет, просмотрю его бумаги, может статься, нужные для магистрата есть.

Лекарь ушел, магистратский вошел в кабинет и остановился у стола. Стол был аккуратно убран — Любаша сложила бумаги по размеру. Чиновник начал лихорадочно рыться в бумагах, иные комкал и бросал на пол, иные складывал и прятал в карман.

— Удача,— бормотал он,— вот удача привалила, а это что?

В это время в соседней комнате очнулся Свешников, он застонал протяжно, открыл глаза, услышал возню в кабинете.

— Кто там,— прошептал он,— кто там, Люба?

Из кабинета отчетливо донесся шелест листов.

— Бумаги? Не смеете... кто там? — Он, сделав усилие, сел на постели, потом встал, страшный, качающийся.— Кто там? — прохрипел он.

В дверях появился чиновник с какой-то бумагой в руке. Увидя вставшего Ивана, он сперва вроде бы как смутился, но тут же оправился.

— Как вы смеете, сударь, в чужих бумагах...— начал Иван, но ноги подогнулись, он неловко повалился в постель.

— Вот так и смею, не тебе, мужику, мне указывать,— вполголоса сказал магистратский и оглянулся на дверь.— Мужик, а? Ведь барином ходил, скотина, ложись вон да помирай.

Он швырнул бумагу на пол, плюнул вслед и, хлопнув дверьми, вышел. Прогремели каблуки на крыльце.

Вбежавшая с мокрым полотенцем Любаша подняла бумагу и, расправив, бережно положила на стол. Если бы она умела читать, то узнала бы, что это — вольная, которую Щетинин дал Ивану по желанию Потемкина и за которую он был отличен по службе; это была вольная — документ, противуестественная человечность которого почиталась в обществе за истинную; это была вольная, уже ненужная Ивану Свешникову, потому что вечером он умер.

3

Шувалов приказал Людоговскому перебрать бумаги у себя на столе и в бюро, а сам отошел к книжным шкафам. В кабинете было сумрачно, погода на дворе стояла промозглая, слякотная, осенняя. Под стать погоде было и настроение — Шувалов был раздражен, хмур и неприветлив. Он стоял, поглаживая кончиками пальцев красный сафьян, в который недавно были переплетены копии с писем Вольтера. Но и воспоминания о комплиментах острейшего мужа века, против обыкновения, не успокоили его. Хандра, хандра, дождь. Вон Людоговский — этот знай себе работает безо всяких настроений.

Людоговский и впрямь работал ровно, без оглядок на погоду. Он не позволял себе настроений, не в том чине. Присев на корточки перед выдвинутым нижним ящиком бюро, он аккуратно выкладывал на стоявшие рядом стулья горсти бумаг.

— Иван Иванович,— обратился он вдруг к патрону,— как прикажете со старыми прошениями?

— Знаешь что, голубчик,— обернулся Шувалов,— возьми-ка все это к себе да там и разбери, что-то мне сегодня не до того.

— Слушаюсь.

Людоговский собрал вынутые бумаги, сложил их в одну стопу и пошел к себе.

Очутившись в своей комнате, он опустил свою ношу на стол и стал разоблачаться. Он снял фрачок, развязал галстух, подвернул рукава рубашки. «Его превосходительству...», «Милостивый господин Шувалов...», «Благодетелю просвещенных человеков...», «Ваше превосходительство...» стой, а это что? «О причинах разрушения империи римской, сочинения Ивана Свешникова». Любопытно. Людоговский повертел рукопись в руках, заглянул в конец, рукопись обрывалась на полуслове. Очень любопытно. Не так давно пришло из Херсона известие о гибели ученого мужика. Пришли какие-то бумаги, которые покойный велел переслать патрону. Шувалов, когда узнал, что Свешников помер в чуму, бумаги не только читать не стал, а и не дотронулся, велел сжечь. А эти вот бумаги, думается, с той зимы остались. Ну-ка, почитаем...

Через полтора часа Людоговский, зевнув, отодвинул от себя рукопись. И к чему писать было, когда все равно не напечатали бы? Нам своих Руссо и Монтескье не надобно. Эх, ты, Ветошкин.

Он чуточку поколебался, потом взял рукопись и осторожно, чтобы не взметнуть золу, положил сочинение на тлеющие угли камина.

Через пятьдесят лет

Нет, ты не будешь забвенно,
Столетье безумно и мудро.

А. Н. РАДИЩЕВ

Вернувшись от Кочубеев, Александр Сергеевич долго не ложился. Сегодня он опять беседовал со старухой Загряжской. Он любил ее слушать, да и она его жаловала, а нынешний анекдот был презанятный. Право, хотя бы ради всех этих историй стоило прожить чуть не девяносто лет. И полжизни в прошлом веке! Жаль только, что память Натальи Кирилловны ограничена двором. Но и на том спасибо, все же в Лету не канет. Сегодня, однако, она говорила не про двор. Мужик-полиглот, скромник, приверженный Богу,— да таков ли он был, этот человек? Загряжская могла не упомнить, переврать. Так или нет, а записать надо. Старуха — клад живой. И говорит-то как. Нынче такой разговор не часто услышишь!

Пушкин сел к столу, выбрал перо и пометил дату. Как она начинала, Наталья Кирилловна? Ах, да:

«Вы слышали про Ветошкина? Это удивительно, что его никто не знает...»

Лев ЯКОВЛЕВ

Ты запомни

Ты запомни, как спрятался
В темный подвал,
Разжигая слезами обиду,
Как сырою картошкой
Рюкзак набивал,
Чтоб сбежать навсегда в Антарктиду,
Как, с кровати вскочив,
Прибегал босиком
И ложился меж мамой и папой,
Как дружил во дворе
С беспризорным щенком
И тебе он протягивал лапу.
Как любимый футбольный
Коричневый мяч
Прокололи чужие ребята,
Как тебя надевать
Заставляли, хоть плачь,
То пальто, то штаны после брата.
Эти полные болью
И радостью дни,
До которых мне не дотянуться,
Эти дни ты запомни,
Поскольку они
Пролетят и назад не вернутся.

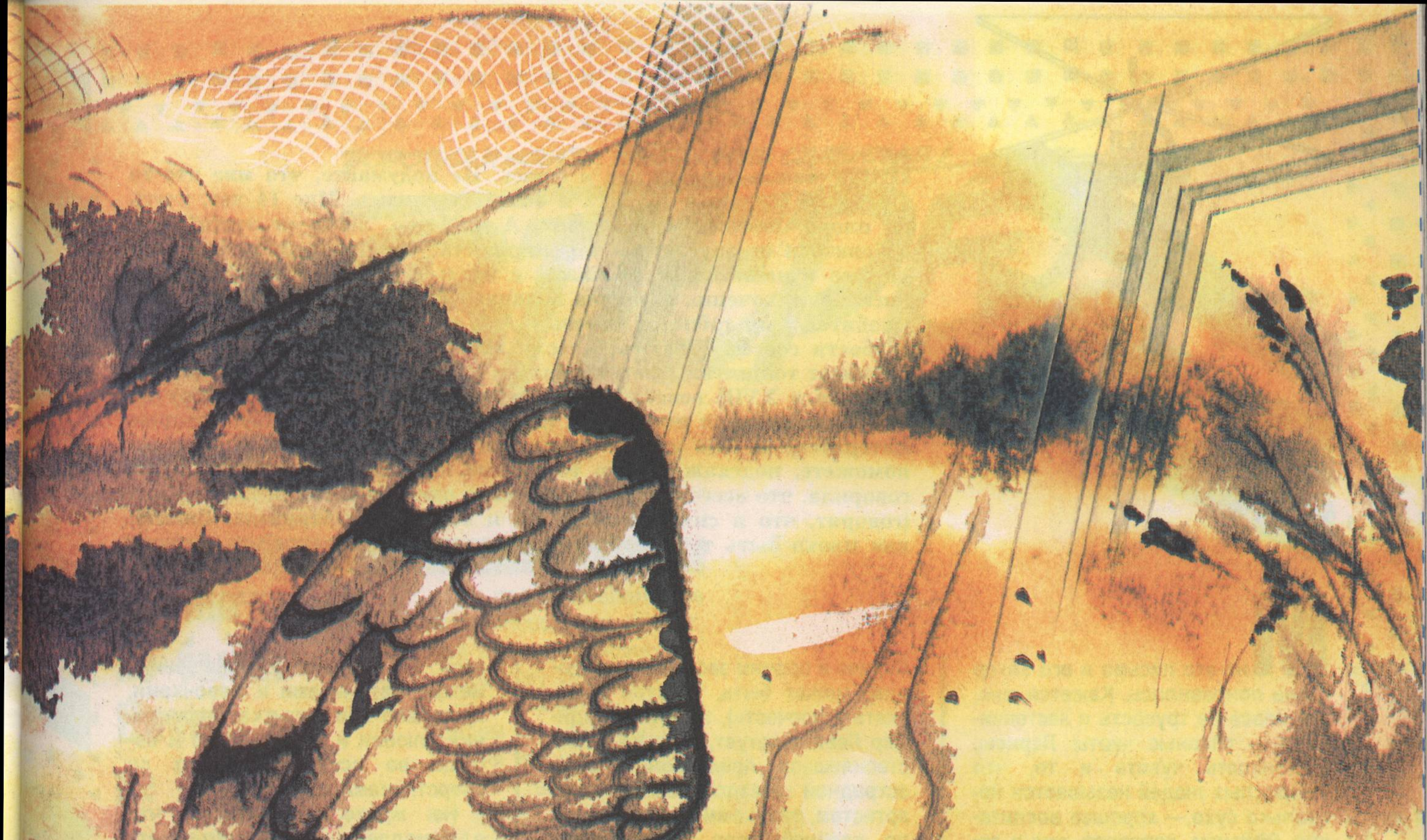
Вопросы

Порою вопросы,
Как будто занозы,
Надолго в тебе застревают.
И жалят вопросы,
Как злющие осы,
И боль эта не остывает.
Избавиться можно
От ос и заноз.
Но если в тебе
Застревает вопрос,
То как ни старайся,
Спасения нет,
Пока на вопрос
Не отыщешь ответ.

Я не сплю

Я не сплю.
Пятно рябое
На стене от ночника.
И мелькает на обоях
Тень ночного мотылька.
Шторы длинные повисли.
За окошком лай собак.
Перепутанные мысли
Не распутаю никак...
Я сказал ему сегодня,
Как обычно: «Эй, привет!»
Он в ответ глаза не поднял,
Даже не кивнул в ответ.
А потом на переменке,
Пробегая рядом,
Отпихнул меня он к стенке
И пошел к ребятам...
Мы три года с ним дружили!
Я ни в чем не виноват!
Почему глаза чужие
На меня теперь глядят?
Что мне делать?
Как мне жить?..
Ночь уже кончается.
Я хочу его забыть,
Но не получается.

Скучно

Скучно жить на белом свете,
Если знаешь наперед,
Как поступишь,
Как ответишь,
Что когда произойдет.
Скучно жить без огорчений
И считать: «Я всех умней»,
Скучно жить без приключений,
Без друзей — еще скучней.
Скучно жить всегда в покое,
Как болотная вода.
Хорошо, что жизнь такою
Не бывает никогда.

Как меня спасали

Жили во дворе друзья:
Вова с Витей,
Третий — я.
Поскандалил Витя с Вовой,
Обозвал его коровой,
Вова с Витей поскандалил,
Запустил в него сандалю —
И с тех пор навсегда
Разругались — вот беда!
Думал я и день, и ночь,
Как моим друзьям помочь,
Чтобы Витя с Вовой
Помирились снова.
И придумал —
Прыгнул в реку,
Крикнул: — Помогите!
В реку прыгнули с разбегу
Вова вместе с Витей.
А пока меня спасали,
Позабыли о скандале,
Витя спас
И Вова спас —
Так что снова трое нас!

Так ему и надо

Выпал зуб молочный,
На душе печаль.
Хоть он был непрочный,
Очень зуба жаль.

А дружок мой Колька
Сообщает всем:
— Вон еще их сколько,
Целых двадцать семь!

Папа с мамой рады:
— Выпал, ну и что ж,
Так ему и надо,
Ты, сынок, растешь.

Я теперь напрасно
Больше не грущу,
Я теперь прекрасно
В дырочку свищу!

Мы плыли

Мы долго плыли налегке
По лету — солнечной реке.
Осенний пасмурный залив
Был неспокоен и дождлив.
Среди метельной кутерьмы
Мы вышли на берег зимы,
Достали чайник заварной
И круто заварили
Душицу, мяту, зверобой —
Сидели, говорили...
И словно плыли налегке
По лету — солнечной реке.

Рисунок А. ГРИШИНА.

УЗЕЛ СВЯЗИ

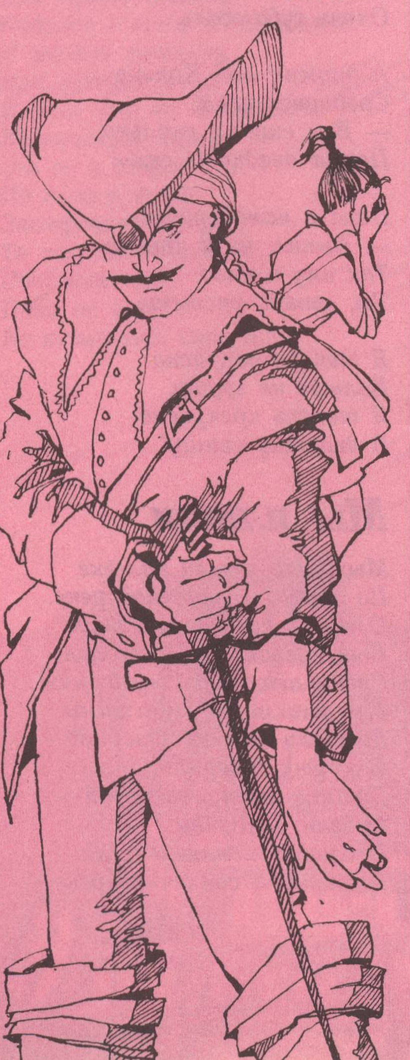
ЧТО НЫНЧЕ В МОДЕ?

Пишу вам в первый раз и боюсь. Не подумайте, что мне что-то угрожает. Просто я трусиха и очень стесняюсь. Мне 14 лет, учусь не плохо, иногда даже хвалят. А что мне, легче от этого? Как избавиться от трусости и застенчивости? Вот, например, подойдет ко мне одноклассник и скажет с наглым видом: «Эй ты, лапша кисельная, хочешь, таракана подарю?» или «Дура! Что испугалась? Слабительных таблеток съешь!» А я и не знаю, как ответить. От грубости совсем теряюсь. А если кто-нибудь выругается, то меня начинает тошнить. Ответьте, может, я не современная и таким, как я, место в XVIII веке? Я не обижусь, я привыкла. Я не хожу на дискотеки, у меня нет друзей (да и что за подруги такие, которые матерятся). И еще я хочу научиться играть на гитаре. Может, вы поможете, подскажете? Но только не посылайте в кружки, я же говорила, что всего боюсь. А еще меня один мальчик позвал в кино (говорят, что я симпатичная). Но я струсила и отказала. Видите, как плохо быть трусихой. Помогите, пожалуйста.

Лариса, г. Киров.

Мне это письмо и его автор очень понравились. Кажется мне, что вовсе не трусость и застенчивость — главные черты Ларисы, а тонкость чувств и то, что у взрослых людей называется несколько сухо,— хорошее воспитание. Впрочем, наверное, она и застенчива. Но застенчивость — вещь не такая уж плохая, да и поправимая.

Ну что Ларисе посоветовать? Психотерапевт Владимир Леви (его книги «Искусство быть собой» и «Искусство быть другим» Ларисе и прочим застенчивым людям, может быть, удастся разыскать и прочесть), так вот, Владимир Леви советует, если уж очень стесняешься, представлять себя эстрадной звездой, знаменитым артистом, телекомментатором или по крайней мере одноклассником — главное, представлять себя человеком раскованным, свободным и, незаметно для окружающих играя такую роль, преодолевать стеснение.

Может быть, Лариса и воспользуется этим советом. Вот только не хочется мне, чтобы она выбрала «роль» кого-нибудь из одноклассников. Конечно, конечно, так и слышу их возражения: мы, мол, в отличие от этой «лапши кисельной» застенчивостью не блистаем, трусостью не отличаемся, да и аллергии на ругань у нас нет. Мы раскованны и свободны.

Да нет, дорогие товарищи. Совсем вы не раскованны и уж тем более не свободны. Свобода, внутренняя свобода никогда не равнялась наглости, грубости, хамству. (Знаю, что кое-кто тут же начнет мне намекать на грубость и хамство взрослых, особенно по отношению к подросткам. Верно, верно, есть такое, но это разговор отдельный.)

На мой взгляд, наглость у вас, уважаемые товарищи, очень часто оборотная сторона застенчивости. А застенчивость (или наглость) рождается из неумения выражать свои чувства по-человечески. Возможно, Лариса просто нравится своему однокласснику, и он хочет оказать ей внимание, хочет, чтобы она и сама обратила внимание на него. Но только вместо человеческих слов: «Ты не занята сегодня вечером? Может быть, сходим в кино?» — у него произносится: «Эй ты, лапша кисельная...» и так далее. И неумение это проявляется не только в отношениях между мальчиками и девочками, не только при попытках проявления «любви и дружбы», но и вообще во всех отношениях со сверстниками и взрослыми.

Не ждите, пожалуйста, что я немедленно начну объяснять вам, «как надо себя вести в обществе», хотя эта проблема и важная. Меня интересует (я и хотела бы, чтобы заинтересовала и вас) проблема еще более важная.

Не задумывались ли вы вот о чем? Человек, произнося «Эй ты, лапша кисельная...» или еще более «крепкие» слова, унижает достоинство не только того, к кому обращается, но в первую очередь самого себя. Можно, конечно, объяснить «крепость» выражения да и вообще недостаток воспитанности модой. Недаром же Лариса беспокоится: современна ли она, не из XVIII ли века? Но, право же, беспокоиться ей не надо; именно она-то и современна по-настоящему, потому что современный человек — это прежде всего человек, обладающий достоинством и честью, человек свободный. Кстати, не потому ли вам всем так нравятся герои фильма «Гардемарины, вперед»? Мода на таких людей только начинается, но, будем надеяться, установится уже навсегда.

А что такое свобода, и что такое честь, и что такое достоинство? Давайте поразмышляем об этом. Загляните в словари, спросите у взрослых, приглядитесь к окружающим, задумайтесь над своей собственной жизнью: есть ли в ней место чести, достоинству, свободе? А потом напишите обо всем, что надумали, в журнал. На конверте поставьте отметку: «ЧЕСТЬ».

Ждем писем.

С уважением

Елена СЕЛЕЗНЕВА

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЕД 8/89

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

ОБИДА

Да нигде мы не были! Ничего мы не видели!

Подошли мы перед каникулами к нашей классной:

— Пойдемте на каникулах в поход! А?!

— Что вы, ребята! Кто-нибудь из вас что-нибудь сморозит, а я отвечай?

Ну ладно, в школе не получилось, так, может, дом родной поможет?

Прихожу домой...

— Мамочка, давай поедем куда-нибудь! У меня же каникулы!

— У тебя каникулы, а у меня...

И она начинает перечислять свои многочисленные дела.

Вот и скажите, при каких обстоятельствах можно написать в вашу газету путевые заметки?

Марина Богород, г. Подольск

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Серьезные размышления человека, путешествующего несерьезным образом — в качестве багажа

Мои взрослые друзья из съемочной группы передачи «Служу Советскому Союзу» взяли меня в командировку к десантникам в качестве багажа — вместе с осветительными приборами и чем-то еще очень тяжелым. Однако фонарем мне работать не пришлось. Скорее, как кинокамера, я глазел по сторонам, стараясь запечатлеть в памяти как можно больше, ведь до призывного возраста мне осталось не так уж много лет.

Мы увидели сколько угодно стрельбы, прыжков с несущихся над самой землей вертолетов, рукопашного боя. Десантники выполняли все это лихо, и, надо полагать, «противник» был деморализован и готов с радостью отдать себя на милость столь виртуозного победителя.

Все вроде бы хорошо, да только лезли мне в голову грустные мысли. Эти крепкие молодые ребята могут погибнуть, как погибали они в Афганистане. Конечно, человек должен уметь постоять за себя, за свой дом, Родину. Я это понимаю. Но немаловажно и еще одно умение: устоять от желания навязать другим свои представления об устройстве нашего общего дома — Земли. Тогда, может быть, придется и меньше противостоять?

Денис Быковских, г. Москва.

ЖИЗНЬ НА КОЛЕСАХ

С колокольчиком по Древней Руси

Летом мама взяла меня на экскурсию в Суздаль. В кабине нашего «Икаруса» был подвешен колокольчик, время от времени он позванивал, и мне казалось, что мы на тройке едем по Древней Руси.

С Поклонной горы Суздаль был виден как на ладони. Он сиял куполами соборов, белели стены монастырей...

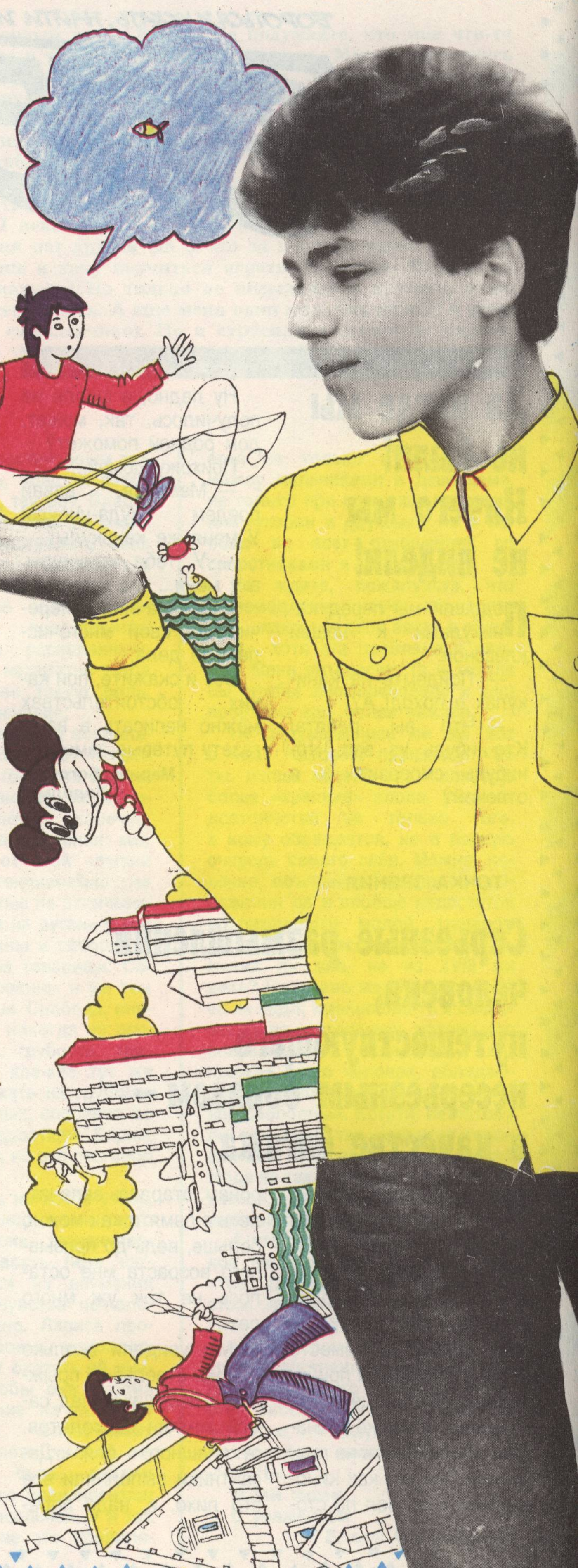
Мы въехали в город, маленькие, узкие улочки, слева в реке Каменке отражаются деревянные церкви, сараи, избы — это музей деревянного зодчества и крестьянского быта, справа — купеческие дома.

Тихо, по улицам лошади ездят. Так и кажется, что из лавочек Торговых рядов выглянут сейчас зазывалы и начнут расхваливать товар.

Экскурсия продолжалась в селе Боголюбове. Этот белокаменный город основал в XII веке князь Андрей Боголюбский. Здесь все в таком запустении, что грустно становится от невнимания к нашей истории. Над рекой на возвышенности стоит церковь. У меня даже дух захватило от ее красоты. Это церковь Покрова на Нерли. Мы все на нее смотрели не отрывая глаз и молчали, уходить не хотелось.

Когда ехали домой, во мне все звенело: «Покрова на Нерли, Покрова на Нерли!»

Андрей Колесников, г. Калининград.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Какие они, медайнцы?

Мой собеседник — **Игорь Галкин,** ученик 6-го класса 426-й московской школы. Недавно он вернулся из поездки по США от клуба «Здоровая семья».

— Игорь, прежде всего, что это за клуб?

— Клуб «Здоровая семья» — это походы летом, зимой купание в проруби, кроссы. В общем, спорт весь год.

— Родители одобряют твои занятия?

— Не только одобряют, но и всячески поддерживают. Папа сам бегает по снегу босиком, купается зимой. К тому же меня не волнует проблема одиночества. У меня масса друзей, и взрослых, и сверстников.

— Наверное, многие ребята из вашего клуба хотели поехать в Штаты?

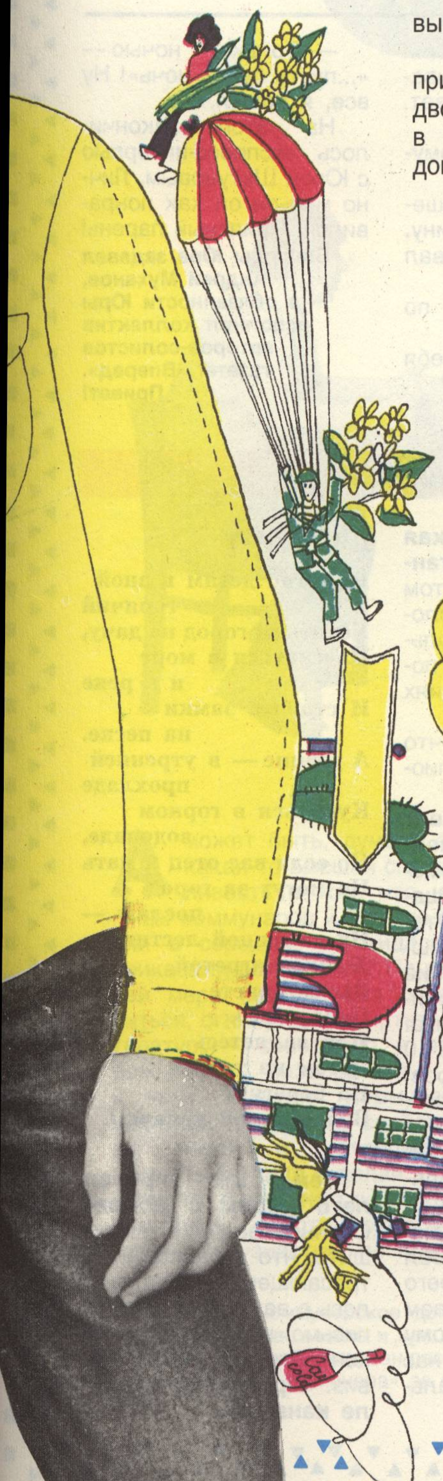
Да, конкурс был огромный. Были и слезы. Оценивались знания наших народных традиций, а я как раз выступаю в ансамбле русских народных танцев, и знание английского языка, и живость речи, и умение держать себя раскованно...

— Вы объяснялись на английском?

— На смеси наших родных языков. Американские школьники тоже изучают русский. А я учусь в обычной школе, поэтому за месяц до поездки учил английский «методом погружения».

— А в каких городах вы были?

— Из Москвы мы прилетели в Вашингтон, двое суток пробыли в нем. Были в Белом доме и в Капитолии.

Я узнал много нового об организации политической власти в США. Например, президентом может быть только коренной американец, то есть родившийся в США, а в сенат могут быть выбраны люди, прожившие в Штатах всего 10 лет. А потом мы поехали в Медайну. Это небольшой город в сорока километрах от Кливленда.

— Пожалуйста, опиши город и семью, где ты жил, поподробнее!

— Город фермерский. Дома в основном трехэтажные. Никаких небоскребов. Домашнюю живность рядом с домом там не держат. Все находится на ферме, куда каждый день и выезжают взрослые. Общественного транспорта, за исключением автобусов, развозящих в школу и из школы учеников, в городе нет. У большинства населения машины, у многих — по две. Нашу делегацию расселили по семьям. В «моей» семье было четыре мальчика. Близнецам Кевин и Брайан по 10 лет, Скотт (ему 13, он уже был в СССР) и Джефф шестнадцати лет. Джефф учится в колледже, играет в футбол за сборную города.

— Я так понимаю, что это не самая бедная семья?

— Да. Бедняков и безработных в этом городе мы не видели. Но на обратном пути, в Нью-Йорке, встретили их. Они спят на улице и ни на кого не обращают внимания.

— Что вы делали в Медайне?

— Ходили на уроки в местную школу, давали небольшие пресс-конференции...

— Вопросы вам задавали «опасные», с подковыркой?

— Нет. Обыкновенные вопросы. Много спрашивали о музыке. Особенно их волновало, люблю ли я «ливерпульскую четверку». На прощание подарили мне две пленки с записями «Битлз».

— Американская школа сильно отличается от советской?

— Всерьез об этом я судить не могу. Мы пробыли в Штатах всего шестнадцать дней. Но есть в их школах коечто, что нам неплохо было бы перенять.

— Например?

— Мы очень гордимся тем, что наши мальчики носят за девочками портфели. А в Штатах такой проблемы не существует. Там каждый ученик имеет в школе свой собственный ящик с кодом, куда складывает учебники. А домашние задания они выполняют на листочках. Или — извечная проблема наших школ — столовая. Сколько преград надо преодолеть, сколько справок принести, чтобы убедить учителя не кормить тебя насильно в школьной столовой невкусной едой, за которую мы еще и платим за месяц вперед. Там все проще. Каждый берет с собой деньги и может на любой перемене купить себе что-нибудь перекусить.

— Сколько дней в неделю они учатся?

— Пять. В день по восемь — десять уроков. Продолжительность уроков меняется. То уроки по тридцать минут, то по сорок. О техническом обеспечении школы и говорить нечего — высший класс!

— Еще раз съездить в Штаты хочется?

— Пока нет. Хочется побыть дома, с родителями.

Интервью взял девятиклассник Костя Степанов.

СТАРИКИ СКАЗЫВАЮТ...

Миф о больном верблюде и целебной воде

В летние каникулы я вместе с папой отдыхала в городе Нафталане, в Азербайджане. Об этом городе сложено много мифов. Вот один из них...

Когда-то давно здесь была пустыня, а из-под потрескавшейся от жары земли выступала черная вода. Однажды в караване, что следовал через пустыню, заболел верблюд. Хозяин не мог его оставить, иначе заболели бы все верблюды. Он столкнул больного верблюда в пропасть с нафталановой грязью. Но на обратном пути верблюд пристал к каравану, и был он совсем здоров. И хозяин подумал: «Если природа исцелила животное, значит, исцелит и человека». У него болели ноги, он опустил их в нафталановые лужи и так делал несколько дней. И чудо: хозяин выздоровел.

Человек рассказал об этом своим друзьям, а они рассказали своим друзьям. И дошло до того, что люди стали приезжать из-за границы, чтобы вылечиться; нафталановую жидкость караваны перевозили в другие страны и продавали за драгоценности.

Теперь же на этом месте стоит город Нафталан.

Катя Горбачева, г. Рязань.

ЗАВАЛИНКА

«Девочки, это интервью я посвящаю вам!»

Так начал нашу беседу солист группы «Ласковый май» Юра Шатунов.

Я месяц не слезал «с хвоста» этого парня, но добился-таки минутного свидания. Итак, задаю ему вопросы, присланные многочисленными читательницами газеты «Вперед».

— Скажи, Юра, у тебя есть девушка?

— Понимаешь, гастроли, поездки, записи... Тут в Америке побывали... Времени не хватает. Да и учиться надо.

— Дарил ли ты кому-нибудь белые розы?

— Да. Моему лучшему другу Андрею Разину.

— А где ты побывал этим летом?

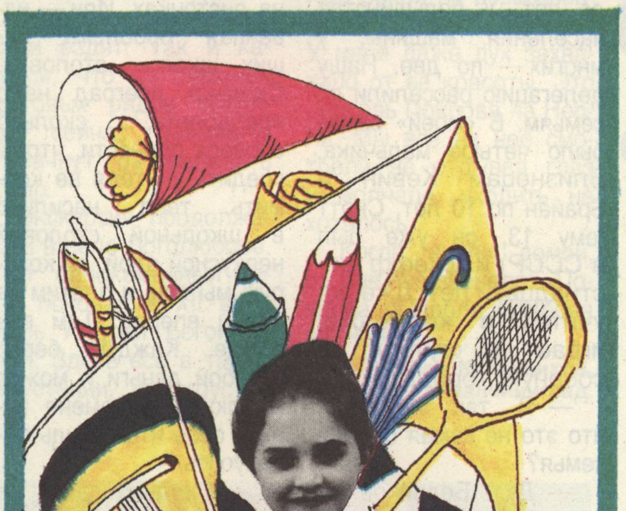
— Так, поездки по стране...

— Но был ли у тебя хоть какой-то отдых?

— Только ночью — «...пусть будет ночь»! Ну все, я пошел.

На этом закончилось экспресс-интервью с Юрой Шатуновым. Лично мне он ой как понравился. Приятный парень!

Вопросы Юре задавал Андрей Муханов, а обязанности Юры исполнял коллектив авторов-солистов газеты «Вперед». Привет!

Почту газеты «Вперед» разобрали и этот выпуск подготовили Катя Максимова, Андрей Муханов и Костя Степанов из Москвы.

ПОСЧИТАЕМ — ПОДУМАЕМ

Центральная детская туристическая станция сообщает: летом прошлого года 16 с половиной миллионов школьников нашей страны побывали на экскурсиях и сходили в походы.

Будем считать, что половина из них — пионеры.

Центральный совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина сообщает: 19,9 миллиона путевок были проданы прошлым летом в пионерские лагеря, лагеря оздоровительные, труда и отдыха.

Это, наверное, еще 10 миллионов пионеров, проживших смену в лагере, а может, и не одну.

А сколько ребят путешествовало с родителями!

И все-таки было немало таких, кто провел все лето у порога своего дома. Им мы предлагаем не отчаиваться, потому что приключения нас ждут не только в дальних странах...

Дж. РОДАРИ

Приятно детям в зной горячий
Уехать за город на дачу,
Плескаться в море и в реке
И строить замки на песке.
А лучше — в утренней прохладе
Купаться в горном водопаде,
Но если вас отец и мать
Не могут за город послать,—
На каменной лестнице,
Жарко нагретой,
Вы загораете
Целое лето.
Или валяетесь
Летом на травке
На берегу
Водосточной канавки.

Тем, кто провел лето рядом с домом! Срочное задание! Напишите, что забавного, потрясающего приключилось с вами. И пришлите письмо в «Пионер». На конверте поставьте девиз: **«Приключение возле канавки».**

Оформление Ю. ПАКА.

До встречи на сборах!

Валерий ХИЛТУНЕН

А может быть, думаю, есть какая-то высшая справедливость в том, что клуб юных коммунаров и все его секции в середине шестидесятых приказали долго жить? По крайней мере было время остановиться, оглянуться, почитать литературу — советскую и зарубежную,— разобраться что к чему. Все-таки коммунарам шестидесятых были свойственны порой и нетерпимость, и узость взгляда («делай так-то и так-то, а если не так, то ты не коммунар»). Хотя отдельные группы энтузиастов, не прекратившие своей деятельности двадцать пять лет назад, кое-что успели наработать и за последние четверть века. Увы, таких групп было очень и очень мало, а дел и задач — сверх головы.

И чтобы довести сейчас коммунарский «полуфабрикат» до товарного вида — срочно требуются помощники! Хочешь — и ты подключайся. Куда? Сейчас расскажу.

Эта встреча, наверное, войдет в историю. Виданное ли дело — ребята собрались для того, чтобы учредить Детскую палату новорожденного Союза учителей, который точнее было бы назвать Союзом педагогов, родителей и детей. Союз с самых первых своих шагов резко отличался от всех прочих творческих союзов — журналистского, писательского, архитектурного... Нигде и никогда не стоял даже вопрос о включении **несовершеннолетних** в состав этих взрослых, солидных организаций. Нигде и никогда не выбирался таким странным образом оргкомитет: «Учительская газета» попросила всех своих читателей назвать фамилии людей, которым они доверяют. Названы были и Дмитрий Сергеевич Лихачев, и Лена Алексеевна Никитина, самая, наверное, знаменитая мать семейства, и Алесь Адамович, и, конечно, вся плеяда педагогов-новаторов, от Амонашвили до Щетинина, по алфавиту: Волков, Иванов, Ильин, Лысенкова, Шаталов... И было решено, что Союз — это не очередная бюро-

Что такое коммунарское движение, когда оно возникло и как развивалось, Валерий Хилтунен рассказал в №№ 6 и 7 «Пионера» за этот год.

Коллаж П. МОКРОУСОВА.

кратическая структура, а вольная ассоциация всех, кто борется за новую школу и готов даже к неприятностям, поскольку борьба идет, к сожалению, с переменным успехом...

Ну, так вот, в такой Союз, ясное дело, захотели вступить и коммунары. Кстати, многие из их объединений еще в шестидесятые годы, чтобы не махать красной тряпкой перед лицом неприятеля, переименовали себя в какие-нибудь подростковые клубы, форпосты и черт-те еще во что.

Я смотрю на совсем юных ребятишек, собравшихся в преддверии съезда учителей. Жив, жив курилка — практически все подростковые объединения, которые представлены на встрече, корнями своими уходят в «Орленок», в коммунарские клубы шестидесятых.

В Детской палате ребята 13, 14, 15, 16 лет. Казалось бы, что могут сделать такие молодые люди? Но вот я листаю Каталог сборов, составленный ими. Тут десятки самых разных тем, и Каталог пополняется практически ежедневно.

Например, сбор под девизом «Рождение Совета». Тут задача ясна: помочь ребятам и взрослым сделать самый первый шаг в совместной деятельности, превратить Совет школы — а во всех школах сейчас рождаются Советы — в команду если не единомышленников, то сотрудников, понимающих друг друга с полуслова. Сбор идет 72 часа. В конце сбора появляются контуры программы, по которой Совет может жить дальше в ближайшее время. Хватило бы силенок провести такие сборы во всех школах! А то ведь грустное зрелище представляют собой сегодняшние Советы: слово звучное, ко многому обязывающее, но в большинстве случаев никто не знает, что это за штука такая и как ее к жизни приспособить. Один смышленый малец сколотил такой Совет явочным порядком, потом пришел к директору школы и говорит: «Вы, директор — исполнительный орган нашего Совета, а потому выполняйте наши решения». А директор ему отвечает: «Милый мальчик, при всем желании я не могу выполнять ваши решения, у меня для этого нет ни средств, ни материалов». Мальчик обиделся и сказал, что больше он в демократию играть не хочет. Тем все и кончилось. Сложное это дело — самоуправление.

А вот другой сбор, точнее, целая серия под общим девизом «Машина времени». Сегодня уже вряд ли кто станет спорить, что проходить историю лучше не в классе, шелестя страницами скучнейших учебников, а «путешествуя по эпохам». Но где, скажите, готовят гидов по таким путешествиям? Тут ведь мало быть профессионалом-историком или хотя бы выпускником истфака педагогического института.

Ну, а коммунарский сбор, по сути, и строится как «путешествие», так что опытный организатор сбора, покорпев над книгами, вполне может приоткрыть для желающих дверь и в средневековый город, и в Элладу. Если бы «Машина времени» каталась по эпохам регулярно — кто знает, не отпала бы необходимость в привычных уроках истории? Но это пока мечты, им если и суждено воплотиться, то где-нибудь к середине девяностых годов, хотя кое-что и сегодня делается.

Сбор «Синяя блуза». Вроде бы речь об агитбригаде, но одна особенность имеется: в роли драматурга, режиссера выступает к а ж д ы й. В этом, собственно, и заключен один из основных коммунарских принципов: на сборе нет деления на Авторов и Исполнителей, тут стираются грани между сценой и залом, между руководителями и подчиненными... Еще одна интересная деталь: сценарии составляются с ходу и на местном материале, высший класс — это когда удается не только зафиксировать недостатки, но и предложить способы их ликвидации.

Есть еще сбор «Перевод с непонятного». Он для тех, кто хочет изучить и подростковый сленг (в нем, оказывается, около пятисот слов), и моды, и музыкальные ансамбли — ну, в общем, то, без знания чего подступиться к современным ребятам практически невозможно. Я сам однажды стал «жертвой» своего любопытства. Меня усадили на стул и поочередно с помощью расчески и ножниц превращали то в панка, то в металлиста, то в любера. Я смотрел на себя в зеркало и думал: господи, как же немного и надо-то, чтобы причислить себя к стану неформалов...

Сбор «Единое древо». Его еще называют этнографическим сбором. Это не просто «путешествие» в историю того или иного народа, но и поиски каких-то общих корней — в мифологии, в секретах народного ремесла, в кухне, фольклоре и даже... в устройстве бани. Видел я сборы, на которых подавались «языковые тревоги», когда нужно было говорить только на чужом языке, и если ты знал всего лишь несколько слов, то приходилось выкручиваться кто как умел: жестами, мимикой. Видел я удивительную картину: с помощью специально подобранного оркестра из древних музыкальных инструментов удавалось сплотить в слаженный ансамбль представителей разных национальностей, которые понимали друг друга без слов.

Впрочем, я увлекся. Сводный Каталог сборов выходит регулярно, его можно заказать в Детской палате. Правда, копировать сценарии сборов практически бесполезно. В том-то и состоит и проклятие, и счастье коммунарства, что секреты технологии передать можно лишь из рук в руки. В редчайших случаях (за много лет мне лично пришлось столкнуться с одним таким человеком) кому-то удается провести настоящий коммунарский сбор, разобравшись в методике по книгам и журнальным публикациям. Все остальные постигали азы, работая рядышком с опытным человеком, который и сам порой не мог объяснить, почему именно в данный момент он делает так, а не иначе. Наверное, когда-нибудь наука сумеет разгадать это явление, но вряд ли скоро: тайны интуиции, творчества, озарения за семью печатями...

Но путь, повторяю, есть. Надо попасть на стажировку к кому-то из очень опытных организаторов (их список тоже есть в Детской палате), причем вполне может оказаться, что такой человек проживает не так уж далеко от твоего дома.

В Детскую палату надо писать по адресу: Москва, ГСП, ул. «Правды», 24, 6-й этаж, комната 673. «АП» — Детская палата Союза учителей. Может быть, этот адрес заинтересует и твоих учителей, пионерских вожатых, шефов.

Можно подать и от себя личное заявление: «Хочу стать комиссаром, пусть я пока мал, но готов учиться, учиться, учиться...»

Но это совет только для тех, кого мои заметки-воспоминания заинтересовали всерьез.

До встречи на сборах!

С. БОГАТЫРЕВА

«Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...»

Направо пойдешь... Прямо пойдешь...

Тяжелый, вросший в землю грубо отесанный камень лежит в чистом поле на перепутье. На широкой его грани — надпись старинной вязью: «Направо пойдешь — в Михайловское попадешь. Прямо пойдешь — в Тригорское придешь».

В сказках для того камень на распутье, чтобы задумался добрый молодец. Для того камень на нашем пути, чтобы вспомнили мы о сказках — начале начал нашей литературы. Для того и надпись на камне, чтобы вспомнили мы о том, что знаем об этих, для каждого из нас святых местах — Михайловском, Тригорском.

И то, и другое — Пушкин.

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья.
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья...

— это Михайловское.

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!

— это Тригорское.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор...

— это Михайловское.

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины...
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно, на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас, как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам...

— это Тригорское.

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!..
...Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью...

— это Михайловское.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

— это и Михайловское, и Тригорское.

В эти места Пушкин наезжал в разные годы, но безвыездно жил здесь долгое время лишь однажды, когда был сослан в имение родителей в 1824 году. Два года провел он тогда в Михайловском.

Он был молод — лишь недавно минуло ему 25; горячая африканская кровь бушевала в его жилах; он только что начал узнавать, что такое слава. Он был влюблен в таинства жизни, в чудесные звуки стихов — написанных и еще не сочиненных, в красавиц — знакомых и еще не встреченных.

И был грубо оторван от всего, чем дорожил, обречен на жизнь в глуши, на одиночество, скуку. «Скука» — главное слово первых писем его из Михайловского: «умираю скучно», «скука смертная везде», «скучно, да нечего делать». «Бешенством скуки» назовет он потом свое состояние...

Но он не только томился скукой и одиночеством. Он претворил уединение в поэзию, «бешенство скуки» — в торжество вдохновения. Он заглянул в бездонную глубину своей души и изумился, а может быть, и ужаснулся ее величию, ибо понял, на что он способен и какое поприще лежит перед ним. Здесь он приходил в отчаяние, здесь он собой восхищался. «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» — это здесь он воскликнул, себе самому прочитав вслух только что законченного «Бориса Годунова». Поэту читатель необходим как воздух, а, кроме себя самого, кого бы он мог посчитать достойным слушателем в оставленном всеми, нетопленом михайловском доме?.. «Добрая подружка» Арина Родионовна чудно сказывала сказки, певала старинные песни, однако историческая драма была не про нее.

По счастью, недалеко было место, куда ссыльный поэт мог хоть ненадолго бежать от скуки и одиночества: Тригорское — поместье, принадлежавшее Прасковье Александровне Осиповой-Вульф.

Тригорское — противоположность Михайловскому во всем. Там шумно и многолюдно, там весело, там чувствуется заботливая и твердая хозяйская рука. За столом собирается большая семья, подают пышные яблочные пироги, моченую бруснику, крыжовенное варенье — любимые Пушкиным деревенские яства. Уютное тепло многолюдной и хлебосольной семьи иной раз радовало его, а то и сердило. Однако в Тригорском встретил поэт и достаточно тонкое, и образованное общество, чего лишился, когда был сослан в деревню. А всего важнее то, что оказался он в окружении юных — и неюных — женщин, им восхищавшихся, им увлеченных и восхищавших его. Ими так славно было любоваться, и так легко их было осчастливить комплиментом, и так привычно было ощущение общей всех во всех влюбленности, флирта, нежных слов, секретов, намеков и недомолвок...

В Михайловском Пушкин писал стихи, в Тригорском читал их вслух, а для иных черпал вдохновение и находил образы.

В Михайловском он работал, в Тригорском отдыхал.

И если Михайловское — дом поэта, то Тригорское — дом его друзей и его героев.

То было женское царство. С каждой из его обитательниц связали Пушкина свои, неповторявшиеся отношения. Каждой нашлось место — если не в стихах, то в его письмах, в черновых тетрадях. И этим они дороги нам.

«Дом Лариных»

Длинный, как казарма, унылого вида господский дом внутри неожиданно красив и наряден. Вообще-то строили его не для жилья. Хозяева Тригорского приспособили под барский дом здание фабрики: думали, что на время, да так и не собрались поднять новый. Принарядили его, как сумели, пристроив два просторных крыльца по торцам. Когда поднимешься по ним и войдешь в комнаты, окунешься в атмосферу хлебосольной русской семьи. Ее давно уже нет на свете, самый дом был уничтожен, а потом возведен заново из руин — это удалось сделать благодаря тому, что сохранилось множество описаний его, зарисовок, есть даже одна фотография 1910 года. А дух дома — пережил все и всех, сохранился! Должно быть, добрый домовой — не тот ли самый, которого Пушкин заклинал сохранить «счастливый домик» в Михайловском,— сберег заодно и Тригорское.

Неуклюжий, похожий на казарму дом больше полутора веков влечет к себе ученых-пушкинистов, любителей поэзии и просто туристов: все видят в нем «Дом Лариных», описанный в «Евгении Онегине».

В самом деле, сходство велико. Пушкин писал «деревенские» главы «Онегина» в 1824—1826 годах, когда жил безвыездно в здешних местах, и единственный помещичий дом, где — помимо своего собственного — он бывал, послужил ему моделью.

Мало того. Послужил утешением. Стал помощником. Верным другом.

В доме почти круглый год жила Прасковья Александровна Осипова-Вульф с дочерьми. Две старшие и их сводная сестра, падчерица хозяйки дома, ко времени пушкинской ссылки были уже взрослые барышни, а две младшие еще не вышли из детской. Наезжал в имение старший сын, дерптский студент Алексей, гостил его товарищ поэт Языков, бывали соседи, много времени проводили родственники.

Прасковья Александровна, в которой узнают Ларину, была в самом деле усердная и умелая хозяйка, она ловко, а то и круто управляла изрядным имением и управлялась с многочисленной семьей. Однако отнести к ней слова Онегина:

...Ларина проста,
Но очень милая старушка

— было бы несправедливо: в 1825—1826 годах она еще не старушка, и она вовсе не проста. (Впрочем, мы не должны забывать, что оценки Пушкина вовсе не всегда совпадают с оценками его героя. Припомним: *«...я рад отметить разность*
Между Онегиным и мной...»)

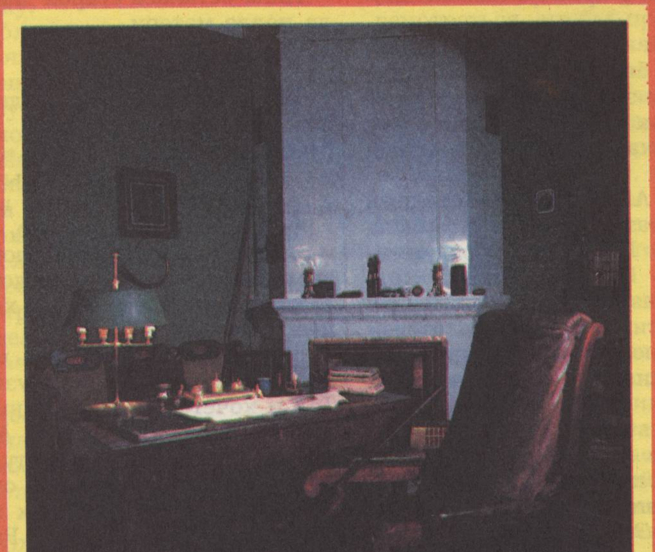
Прасковья Александровна умна и образованна, а главное, наделена душевной щедростью. Она поняла то, что не сумели ощутить родители поэта: как губительно для горячего сердца и живого ума заточение в глуши. Заметим, что для себя и своих дочерей жизнь в той же глуши она полагала естественной! Ее здравый смысл, трезвый взгляд на вещи не раз оказывали Пушкину добрую услугу. Когда он с отчаяния вздумал бежать из Михайловского за границу — затея была опасная и всего вернее обреченная на провал,— Осипова-Вульф сумела тактично ему помешать. Она написала Василию Андреевичу Жуковскому, старшему другу Пушкина, изящнейшее письмо, из которого недруги поэта не смогли бы узнать о его «преступных намерениях», но другу стало бы ясно, что над Пушкиным нависла новая опасность. Прасковья Александровна не брала на себя смелости решать, как должно поступить поэту, она просила совета и предостерегала. «Если Вы думаете, что воздух и солнце Франции... полезен для русских орлов,— и оный не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же Вы другого мнения, то подумайте, как предупредить отлет» — такими словами заканчивалось ее послание. Она старалась убедить Жуковского в том, сколь убийственна ссылка для таланта: «Желательно бы было, чтобы ссылка его сюда скоро кончилась... Если Александр должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас русских его талант, его поэтический гений, и обвинить его не можно будет».

Пушкин, надо думать, не знал об этом письме, но он живо ощущал заботу и расположение Прасковьи Александровны и платил ей благодарной привязанностью. Ему случалось предпочитать беседу с почтенной матроной обществу ее дочерей.

Цветы последние милей,
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья,—

сказал он в обращенном к ней стихотворении. А еще яснее, уже без аллегории, о нежности к дому Осиповых-Вульф поведали нам другие строки — стихи, которые так и называются: «П. А. О***»:

Приветствую тебя,
пустынный уголок,
Приют спокойствия,
трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих
невидимый поток
На лоне счастья
и забвенья...

Но и вдали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Младшую барышню в Тригорском называли Зизи — так переделали на французский лад ее старинное имя Евпраксия. К тому времени, когда Пушкин приехал в Михайловское, ей минуло пятнадцать — по тем временам она считалась на выданье. Это было создание веселое и беспечное, она очень нравилась Александру, и ей мы обязаны изящными строками пушкинской «альбомной лирики»:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Или другое небольшое стихотворение:

К Е. Н. Вульф
Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

И, конечно, это ее встречаем мы в «Евгении Онегине»:

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал.

Можно понять так, что «пьян бывал» от любви, но домашние знали, что Зизи славилась умением варить «жженку», крепкий, в прямом смысле слова пьянящий напиток.

Судя по портрету юной Зизи, который висит сейчас в Тригорском, она была круглолица и румяна. И из писем поэта мы знаем, что талия у нее была точь-в-точь такая, как у Пушкина (они однажды «мерялись поясом»), характер же — веселый и жизнерадостный.

«Ее сестра звалась»... Анна. Десятью годами старше и во столько же раз серьезнее, она была задумчива, часто печальна. Причиной ее задумчивости и ее печали был — Пушкин. Она любила Александра преданно и безответно. А он щедро осыпал любезностями и стихами всех обитателей Тригорского, кроме нее одной. Оно посвящал стихи ее матери, он изъяснялся в любви Зизи и Алине:

...Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня нетрудно!..
Я сам обманываться рад!

Анне не доставалось ничего подобного. На ее долю выпадали одни лишь насмешки да колкости. Было ли то небрежное равнодушие? Скорее нет. Осторожность. Пушкин знал о ее чувстве и опасался раздувать пламя, которое, не желая того, зажег. С нею говорить о любви было негоже, и легкие слова восхищения были бы тут неуместны, а то и жестоки. Ответить ей столь же глубоким чувством он не мог и потому предпочитал хранить молчание. Но он часто рисовал ее профиль в своей тетради, а значит, думал о ней. И в письме к Анне сквозит искренняя забота: «...я близко принимаю к сердцу все, что вас касается»,— говорит ей Пушкин.

Анна о своей любви молчать не могла или не хотела. Она написала Пушкину шесть писем, которые по понятиям того времени девушка никак не смела написать мужчине и которые мы до сих пор не можем читать без волнения, жалея Анну и радуясь за Пушкина: рядом с ним была еще одна столь любящая, столь преданная душа.

8 марта 1826 года:

«Знаете ли вы, что я плачу над письмом к вам?.. но это сильнее меня; я не могу с собой справиться... Не знаю, проклинать ли мне или благословлять Провидение за то, что послало вас в Тригорское?»

11 сентября 1826 года:

«Ах, если бы я могла спасти вас ценою собственной жизни, с какой радостью я бы пожертвовала ею и вместо всякой награды я попросила бы у неба лишь возможности увидеть вас на мгновение, прежде, чем умереть».

16 сентября 1826 года:

«Я так мало эгоистична, что радуюсь вашему освобождению и горячо поздравляю вас с ним, хотя вздыхаю, когда пишу это, и в глубине души дала бы многое, чтобы вы были еще в Михайловском, все мои усилия быть благородной не могут заглушить чувство боли, которое я испытываю оттого, что не найду вас больше в Тригорском...

Прощайте, мои радости, минувшие и неповторимые. Никогда в жизни никто не заставит меня испытывать такие волнения и ощущения, какие я чувствовала возле вас».

Зизи в положенный срок вышла замуж и родила одиннадцать душ детей.

Анна осталась старой девой и всю жизнь провела подле матери.

* * *

Когда из печати вышли «деревенские главы» Онегина, сестры Вульф узнали себя. Каждая была уверена, что с нее именно писана... Татьяна — ни одна не хотела быть простушкой Ольгой. У Анны были основания видеть себя в задумчивой деревенской барышне, чья жизнь и освещена и омрачена безответной любовью к соседу. Но каким образом мысль о сходстве с Татьяной взбрела в хорошенькую головку хохотушки Зизи — уму непостижимо!

В дальнейшем многие видели в них Татьяну и Ольгу, как в матери их узнавали черты Лариной. Так и хочется протянуть ниточку дальше — и назвать дерптского студента Алексея Вульфа прообразом гейдельбергского студента Владимира Ленского, тем более что и тут отыщутся общие черты. Доля истины есть в таких догадках. Но на самом деле все куда сложнее. Работа поэта, а такого поэта, как Пушкин, в особенности,— великая тайна. Тут в ход идут все жизненные наблюдения, но они претворяются в нечто совершенно новое, да-

лекое от реальности, давшей первый толчок воображению. На самом деле Татьяна в «Евгении Онегине» совсем не Анна, не Алина и тем более не Зизи; Прасковья Александровна не старуха Ларина, а дом Лариных — вовсе не тот реальный дом, в котором бывал Пушкин. Точных соответствий здесь нет, и не надо их искать.

Последний раз Тригорское увидело Пушкина 5 февраля 1837 года. Дорога из Пскова в Святогорский монастырь шла в то время мимо поместья Осиповых-Вульф, и туда завернул скорбный поезд. «Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу, чтобы не проститься с Тригорским и с нами»,— скажет потом дочь Прасковьи Александровны, одна из двух «малышек», с которыми Пушкин иногда играл в пору Михайловской ссылки. Обе они, теперь уже взрослые, 6 февраля поехали хоронить поэта, чтобы, как сказала их мать, «присутствовал при погребении хоть кто-нибудь из близких».

Но до этого черного для русской литературы дня было еще далеко, когда в июне 1825 года в Тригорское приехала погостить у родных Анна Петровна Керн.

Гений чистой красоты

Старые липы переплелись ветвями над головой, а извилистыми корнями под нашими ногами. Мы последнее поколение, которому позволено тут ступать. Старые липы умирают. Каждую весну одна из них не покрывается листьями, кора ее отваливается лохмотьями, обнажая безжизненную древесину. Липам мало солнца, слишком густую тень сплели они для себя.

Благословенна прохлада под их кронами в жаркий июльский день — такой, как выдался сегодня, когда ни тени облачной на небе, ни легчайшего дуновения в воздухе. Благословенны их ветви и корни, их прямые стволы, их вечно влажные, на ощупь кожистые листья. Когда листва опадет в последний раз, чтобы не возродиться снова, когда пожухнет кора, сухими и ломкими станут гибкие ветви, липовая аллея не умрет. Ей уготовано бесконечно долгое существование — как нашей литературе, нашему языку.

Мировая поэзия с благодарностью чтит Липовую аллею, ибо ей обязана рождением строк, по сей день не превзойденных. Каждый, кто владеет русским, знает их наизусть. А на другие языки их, говорят, так и не удалось удачно перевести.

На самом деле Липовая аллея ни при чем. На ее месте мог оказаться любой другой уголок сада, парка или дома. Дело в том состоянии души великого поэта, которое сложилось из тончайших неведомых нам чувств, мыслей и впечатлений. Первейшим из них была встреча с прекрасной молодой женщиной, Анной Петровной Керн, которую он когда-то однажды видел в Петербурге и красота которой на мгновенье, «чудное мгновенье», околдовала его.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Кто же она такая — Анна Петровна Керн? За что достался ей бесценный дар — пушкинское стихотворение? Он навсегда вовлек ее в орбиту планет, окружающих солнце русской поэзии. По сей день ее имя сияет пусть отраженным, «лунным», но бесконечно притягательным для нас светом.

Как познакомиться с человеком, с которым мы разминулись во времени? Нам придут на помощь глаза и впечатления тех, кто был с ним знаком, его современников. Посмотрим на портрет Анны Петровны Керн, миниатюру, писанную с нее неизвестным художником в двадцатых годах прошлого века, как раз в ту пору, когда Пушкин впервые увидел ее.

Круглолицая молодая женщина спокойно и кротко смотрит на нас. И мы испытываем разочарование. Неужто это и есть «гений чистой красоты», красавица, вдохновившая великого поэта на создание великого стихотворения? Право, мы ждали чего-то более яркого, значительного, необычайного!.. Может быть, орлиного взора, пышных кудрей, причудливо изогнутых губ, а может быть, тяжелых кос и таинственного мерцания в огромных очах... А тут — лицо, скорее простое: гладкие, расчесанные на прямой пробор волосы, широковатый нос, округлый подбородок — черты мелкие, слегка даже размытые. В это лицо надобно всмотреться, чтобы проступила и стала доступна взгляду его неброская прелесть. Она — в гармонии. В бесхитростном сочетании неярких красок и нерезких линий. Очень русская, северная, умиротворяющая красота.

На портрете работы художника И. А. Багоева, писанном в 1840 году, то же лицо мы видим омраченным тенью печали, недоумения и обиды. Женщина, изображенная здесь, словно вопрошает о причине своих бед, горестным «за что» дышит ее облик*.

...Вот мы и увидели ее лицо. Теперь мы знаем, как она выглядела.

Попробуем пойти дальше: узнать, о чем она думала, что ей нравилось и что огорчало, была ли она образованна, понимала ли искусство? Попытаемся угадать — могла ли она оценить стихи, ей посвященные? До нас дошли письма Анны Петровны, ее юношеский дневник, ее поздние воспоминания. Такие свидетельства — самые драгоценные: они приоткрывают для нас душу человече-

* Этот портрет не считается достоверным: у специалистов нет уверенности, что именно Керн изображена на нем.

скую, его внутренний мир, его чувства и его суждения.

«Дневник для отдохновения» писался Анной Петровной летом 1820 года; она жила тогда в Пскове с мужем и двухлетней дочерью Катенькой. Это был, собственно, не дневник, а письма, вернее, одно бесконечное письмо, в котором она день за днем, а то и час за часом описывала свою жизнь. Обращалась Анна Петровна к своей старшей родственнице, Феодосии Полторацкой — та жила в родных местах Керн. Дневник отсылался ей по частям, в виде пространных писем — отправляла их Анна Петровна с каждой почтой.

С «Дневником», когда с ним знакомишься, происходит то же, что и с портретом; в него следует вчитаться, как в портрет требовалось вглядеться: первое впечатление — обманчиво.

Сначала кажется, что принадлежит он заурядной провинциальной барыне, существу в высшей степени чувствительному и восторженному. Свою адресатку она готова утопить в нежных словах и поцелуях. Она трепещет от любви к молодому офицеру, которого на «языке цветов» именует то Шиповником, то Иммортелем. Прекрасный «цветок» остался далеко, Анну Петровну связывает с ним лишь тоненькая ниточка общих воспоминаний о нескольких встречах — всегда в обществе, на людях, о редких беседах, о многозначительных взглядах и столь же многозначительном молчании. Его идеальный облик с головы до ног сочинен «в уме» романтической мечтательницей, и, возможно, столь же выдуманной была их любовь. О себе Анна Петровна самого высокого мнения, она уверена, что все от нее без ума, и простодушно восхищается собственной красотой. «Представьте, я сейчас мельком взглянула в зеркало, и мне показалось чем-то оскорбительным, что я ныне так красива, так хороша собой. Верьте или не верьте, как хотите, но это истинная правда»,— вздыхает Анета. Она неравнодушна к нарядам: «Посылаю вам... узор, который очень хорош. Если будете себе шить платье, то пусть будет такое, а больше никому не давайте»,— предупреждает она в одном письме, а в другом со вкусом любуется собою: «...на мне было белое вышитое платье на розовом чехле, зеленые шелковые башмаки и зеленый платочек, на голове ничего». Что ж, все это заботы и хлопоты, уместные в ее годы: Анете минуло двадцать, по нашим понятиям — ранняя молодость. Однако в те времена возраст воспринимали иначе, к тому же Анна Петровна давно была замужем, да еще за человеком, игравшим благодаря чину заметную роль в обществе. Все кругом видели в ней вполне зрелого человека.

Она и была такой. Сквозь все придуманное, невзрослое проступают в «Дневнике» истинные глубокие чувства. Мы видим молодую женщину бесконечно несчастную. «Молитесь за бедную Анету, невинную жертву судьбы», «Как грустно течет для меня время», «Я очень несчастна!.. Я растеряла свои мысли, свои способности, ничего не думаю, ничего не чувствую, ничего не делаю», «... не знаю, куда деваться от тоски, видно, я рождена для печали, она со мной неразлучна», «Никакая философия на свете не может заставить меня забыть, что судьба моя связана с человеком, любить которого я не в силах и которого я не могу позволить себе хотя бы уважать», «Бедная я!» — вот такими отчаянными признаниями наполнен ее «Дневник».

Анна Петровна окружена поклонниками, она решительно всем нравится — и в то же время она очень одинока. «Представьте себе мое положение — ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от чтения уже голова кружится, кончу книгу — и опять одна на белом свете», «...это так мучительно чувствовать себя совсем одной среди множества людей». Одиночество Анеты — это одиночество превосходства. Здесь, в Пскове, почти нет людей, с которыми можно было бы беседовать на близкие ей темы, обсуждать прочитанные книги, касаться нравственных и религиозных тем. Муж «только спит и курит», военные из его окружения народ грубый и примитивный, дочь слишком мала, мать далеко, а подругу себе под стать найти ей не удалось. Вот и приходится изливать душу двоюродной тетке!

Анна Петровна много читала, и не только французские романы, но и Шекспира, и религиозную литературу. Читает она серьезно и вдумчиво, прилежно переписывает понравившиеся ей места и даже переводит их с французского на русский язык. Особенно привлекают ее внимание изречения о любви и дружбе — «Дневник» так и пестрит выписками. Каждую цитату она сопровождает своими рассуждениями на ту же тему — Анна Петровна, несмотря на свою молодость, любит и умеет размышлять!

Она наблюдательна, остро чувствует малейший оттенок фальши и умеет отличать незаурядных людей. «Хотя я получила довольно небрежное воспитание, чувство восхищения перед прекрасным, что вложено в меня природой, позволяет мне тотчас же распознать алмаз, будь он даже покрыт самой грубой корой, и мне никогда не пришлось бы краснеть за предмет своей привязанности». Запомним эти слова.

У нее четкие представления о нравственных ценностях: ее глубоко огорчают неискренность и себялюбие, которые она замечает в характере младшей сестры; ее возмущает, что муж грубо выгнал из дому некую А. А. А.— особа эта была неприятна Анне Петровне, однако она полагала, что с той обошлись несправедливо, и встала на ее защиту. «Я думаю, что в самых больших ссорах учтивость не неуместна»,— замечает она по другому поводу. Она расположена к людям и доброжелательна: чаще отзывается о ком-нибудь с похвалой, чем с осуждением. «...Душа моя неспособна к ненависти...» — говорит о себе Анна Петровна и добавляет в другом письме: «Бог мне свидетель, зла я никому не желаю...»

Итак, она способна на серьезные чувства, она стремится к духовной жизни, она умеет думать. К тому же она бескорыстна — с искренним пренебрежением относится к богатству, к высокому положению своей семьи в обществе, не дорожит драгоценностями.

«Дневник» знакомит нас с человеком, умеющим видеть и размышлять над увиденным, к тому же — достаточно образованным для своего времени. Нет, положительно Анна Петровна Керн изрядно отличается от провинциальных барынь своего времени!

Теперь мы знаем, какой она была в ту пору, когда познакомилась с Пушкиным.

Если забежать вперед и прочесть то, что Анна Петровна писала в зрелые годы, то убедимся, что она вообще была впечатлительна, умела восторгаться красотой в природе. В одном из ее воспоминаний встречается описание водопада Иматры, о котором она говорит совсем простыми словами, без затей и украшений, зато точно, толково и восхищенно. Она и людьми склонна восхищаться: без

Но и вдали, в краю
чужом
Я буду мыслию
всегдашней
Бродить Тригорского
кругом,
В лугах, у речки,
над холмом,
В саду под сенью лип
домашней.

устали любуется достоинствами своих друзей. Но глаз у нее острый, слабости она умеет примечать. Вообще у нее есть замечательное свойство, не так уж часто встречающееся: талант к дружбе. Нежная дружба связывала ее с двоюродной сестрой Анетой Вульф, сентиментальная дружба — с Феодосией Полторацкой, веселая дружба — с Дельвигом, влюбленная дружба — с Пушкиным.

Два щедрых дара определили судьбу Анны Керн: она была очень красива и она умела ценить красоту во всем — в природе, в людях, в музыке, в литературе.

В ранней юности красота не принесла счастья Анете: ею пленился пожилой генерал, и 16-летнюю девочку против ее воли выдали замуж за человека, который был в три с лишним раза старше да еще отличался грубыми манерами, был вспыльчив и неуживчив. Мудрено ли, что брак оказался решительно неудачным! Что из этого вышло, мы знаем по ее «Дневнику». Кроткая и «безобидная» — так она сама себя называла — Анна Петровна в конце концов решилась на разрыв с опостылевшим супругом, с опостылевшим образом жизни провинциальной генеральши и уехала в Петербург. По тем временам это был поступок нешуточный — он нанес сокрушительный удар репутации Анны Керн и к тому же обрек ее на жизнь, как тогда говорили, «в стесненных обстоятельствах». Но о своем «сумасбродстве» она, похоже, так никогда и не пожалела.

Пушкин угадал в ней скрытую за внешней кротостью решительность: «...у нее робкие манеры и смелые поступки»,— писал он задолго до того, как Анна Петровна подтвердила эту характеристику.

А вот она при первой встрече не угадала в Пушкине поэта. И вообще не обратила на него внимания.

* * *

Они встретились в доме ее тетки, Елизаветы Марковны Олениной, супруги президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки. В гостиной Олениных собирались поэты, писатели, художники, актеры. Главным гостем в тот вечер был прославленный Иван Андреевич Крылов. Он участвовал в литературных играх, ему выпало по фанту читать свою басню, что он и сделал к восторгу публики. Ему почтительно внимали, и лишь немногие позволяли себе в его присутствии глазеть по сторонам. Пушкин — позволял. Его взор то и дело обращался к прелестному, ясному лицу Анеты Керн. Когда играли в шарады и Анета изображала Клеопатру, Пушкин обратился к ней с шутливым замечанием, но его слова показались ей дерзкими и остались без ответа. Юному поэту так и не удалось завладеть вниманием красавицы — им прочно завладел старый баснописец. Неудивительно: ведь имя Пушкина ничего не говорило Анне Петровне, стихов его она еще не читала.

Они стали ей известны в скором времени и сразу же ее покорили. Теперь уже Анна Петровна стала искать возможности увидеть Пушкина. Она была способна на «смелые поступки» — и первая написала поэту, с которым почти не была знакома. Для приличия письмо было спрятано в послание их общего знакомого, Аркадия Гавриловича Родзянки — несколько реплик, вкрапленных в текст. Пушкин ответил стихами, легкими и нескромными. В руки Керн они попали месяц спустя, в Тригорском.

Она приехала туда в гости к горячо любимым сестрам и тетушке на этот раз с тайной целью: увидеть Пушкина. Желание ее сбылось. Вот как она рассказала об этой встрече четверть века спустя. «Мы сидели за обедом... как вдруг вошел Пушкин с большой, толстой палкой в руках... Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться: он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен,— и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту».

В Тригорском жизнь шла по своим, тригорским законам. Прасковья Александровна усердно занималась хозяйством, памятуя, что летом день год кормит. Алина прилежно склонялась над пяльцами или музицировала. Зизи проказничала. Анна следила преданным взглядом за боготворимым Александром. А Анна Петровна, вырвавшись из несносного генеральского дома, веселилась, как могла; напропалую кокетничала с кузеном Вульфом и с Пушкиным, секретничала с подругой и тезкой Анетой, шутила с Зизи, днем со всеми гуляла в просторном парке или отправлялась в лес, вечерами пела в гостиной Тригорского дома.

Пушкину особенно понравился один такой вечер, когда Анна Петровна спела романс на стихи поэта Ивана Козлова «Венецианская ночь». «Скажи от меня Козлову,— писал он вскоре П. А. Плетневу,— что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его «Венецианскую ночь»... я обещал известить о том милого вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее, но пусть вообразит себе красоту и задушевность — по крайней мере дай Бог ему ее слышать!» А для Анны Петровны самым сильным впечатлением тех дней было чтение Пушкиным «Цыган». Однажды он явился в Тригорское с большой черной тетрадью и сказал, что принес ее для Керн. Когда все взрослые обитатели поместья собрались в гостиной, Пушкин прочитал им недавно законченную поэму.

«Впервые мы слышали эту чудную поэму, и... я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу,— рассказывала потом Анна Петровна.— Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаивала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический и, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»:

«И голос шуму вод подобный».

Когда настало время уезжать, на прощание решили устроить прогулку в Михайловское. Отправились туда после ужина, в двух экипажах. Погода была на диво хороша — лунная июльская ночь. Пушкин в роли радушного хозяина был любезен и оживлен. По просьбе Прасковьи Александровны он показывал парк Анне Керн, доселе там не бывавшей. Они не пошли по центральной Еловой аллее, а свернули в Липовую, к старым деревьям, корни которых «...вились, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать»,— как вспоминала потом Анна Петровна.

Утром следующего дня, явившись с визитом к дамам в Тригорское, Пушкин в гостиной протя-

нул Керн обещанную ей первую главу «Евгения Онегина», недавно изданную в Петербурге. Между неразрезанными страницами лежал листок почтовой бумаги. Это было написанное ночью стихотворение.

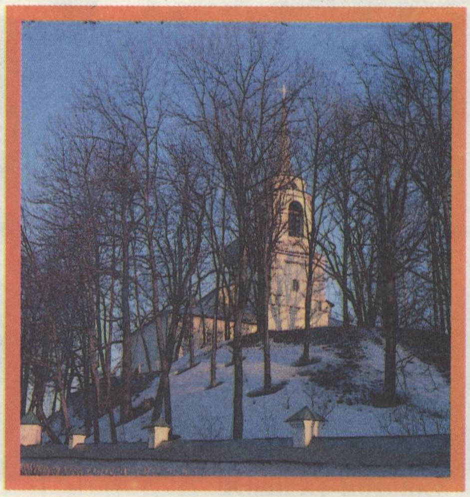
Что испытала Анна Керн в это поистине «чудное мгновенье» своей жизни? Мелькнула ли у нее мысль о бессмертии? Скорее всего, нет. Она была счастлива в этот миг — бесспорно. Сердце ее преисполнилось гордостью и волнением — мы помним, она умела ценить прекрасное, любила слово и, верно, догадалась о том, какую жемчужину держит в руке. Но сумела ли она понять смысл стихов? Должно быть, она жадно искала там похвал своей красоте, свидетельств восхищения — для нее это было любовное послание, очень свое, очень личное. Разглядела ли она, что стихи — не только о любви, но о поэзии и о судьбе поэта? Что «чудное мгновенье», о котором он вспоминает, не только встреча в доме Олениных, но и волнения ранней молодости, блеск петербургских салонов, общение с высокими умами и яркими талантами, с прелестными и благосклонными красавицами — все то, что ослепило его после лицейского уединения и аскетизма? Что «без слез, без жизни, без любви» — это существование поэта вне творчества? Что «душе настало пробужденье» — это о поэтическом вдохновении, посетившем его в Михайловском, в ссылке, в одиночестве? Что «сердце бьется в упоенье» не только от ее, Анны Керн, близости, но и от всего, что он пережил в Михайловском, открыв в себе дивную силу, обретя уверенность: «Я могу творить»?

«Все это чертовски похоже на любовь, но это не любовь»,— скажет потом Пушкин. Но если не любовь, то что же тогда? Может быть, страница поэтической биографии?.. Припомним: Пушкин увидел Керн на литературном вечере, общение их началось обменом посланиями в стихах и прозе. Вершиной их было — стихотворение. Даже воспоминания были далеки от реальности: «Камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе»,— писал поэт, а уж ему ли было не знать, что в Липовой аллее нет и никогда не было ни одного камня!

Анна Керн была для поэта еще одним поводом для вдохновения, в ту пору, когда вдохновение не покидало его.

А для Анны Петровны с ее романтическим, немного книжным восприятием жизни поездка в Михайловское, прогулка под луной об руку с великим поэтом и чудесное продолжение — подаренные ей стихи — были вершиной жизни, самым драгоценным воспоминанием. Встречи с Пушкиным впоследствии были куда прозаичнее. Она пыталась вызвать в его душе былое волнение и вновь настроить его на поэтический лад, но тщетно.

В 1828 году Анна Петровна на правах близкого друга семьи участвовала в важном событии: сестра Александра Сергеевича Ольга выходила замуж против воли родителей, и Анне Петровне выпало исполнить роль «посаженой матери», благословить молодых, когда они вернутся из церкви после венчания.

Фотографии С. САФОНОВОЙ.

Необычайно сильный мороз стоял в этот день в Петербурге. Холодно было ехать в старой фамильной карете семейства Пушкиных, когда Александр Сергеевич и Анна Петровна направлялись в приготовленную для новобрачных квартиру поэта Дельвига.

— А ведь мы с вами в первый раз вдвоем, сударыня,— сказал по-французски Пушкин, дабы нарушить молчание.

— Этот необыкновенный случай отмечен сильным морозом,— отозвалась в тон ему Анна Петровна.

После всего, что было между ними! После стихов, после страстных писем, которыми Пушкин засыпал ее из Михайловского! После долгой разлуки!.. Они вели разговор на самую банальную из банальнейших тем. Они беседовали — о погоде.

К Пушкину обратилась Анна Петровна и несколько лет спустя по весьма далекому от любви и поэзии поводу: просила помочь ей в хлопотах о наследстве, из которых все равно ничего не вышло.

Такова была внешняя сторона их отношений.

А между тем Анна Петровна хранила как святыню все его письма к ней.

А между тем стихотворение продолжало жить своей собственной жизнью, и судьбе было угодно, чтобы путь его еще раз скрестился с жизненным путем Анны Керн.

Красотой стихов пленился великий композитор Михаил Глинка. «Он взял у меня стихи Пушкина, написанные его рукою,— рассказывала потом Анна Петровна,— ... чтобы положить их на музыку, да и затерял их, Бог ему прости! Ему хотелось сочинить на эти слова музыку, вполне соответствующую их содержанию, а для этого нужно было на каждую строфу писать особую музыку, и он долго хлопотал об этом».

Романс был закончен в 1840 году, а посвящен — тоже Керн, только Екатерине, дочери Анны Петровны. Глинка, добрый друг семьи, был в то время страстно влюблен в Катеньку.

Анна Керн вторую половину жизни прожила так, как ей мечталось в юности. Она вышла замуж за человека, которого нежно любила. Жили они в добром согласии, но и большой бедности. Анна Петровна чувствовала себя счастливой, хотя ей пришлось забыть о балах, развлечениях, увеселительных поездках, да и о самом Петербурге. Она старалась помогать мужу: пробовала зарабатывать переводами, написала, а потом и напечатала свои воспоминания. В одну особенно тяжелую минуту ей пришлось расстаться с бесценным сокровищем — письмами Пушкина. Она продала их по пяти рублей за каждое. Теперь письма находятся там, где и должно,— в Пушкинском доме в Ленинграде.

Последняя встреча Анны Керн с великим поэтом произошла в 1879 году, после ее кончины. Рассказывают, что гроб с ее телом встретился с памятником Пушкину, который ввозили в Москву через Тверские ворота. Было ли так на самом деле, или людям захотелось по-своему продлить рассказ об их отношениях, мы не знаем и не узнаем никогда.

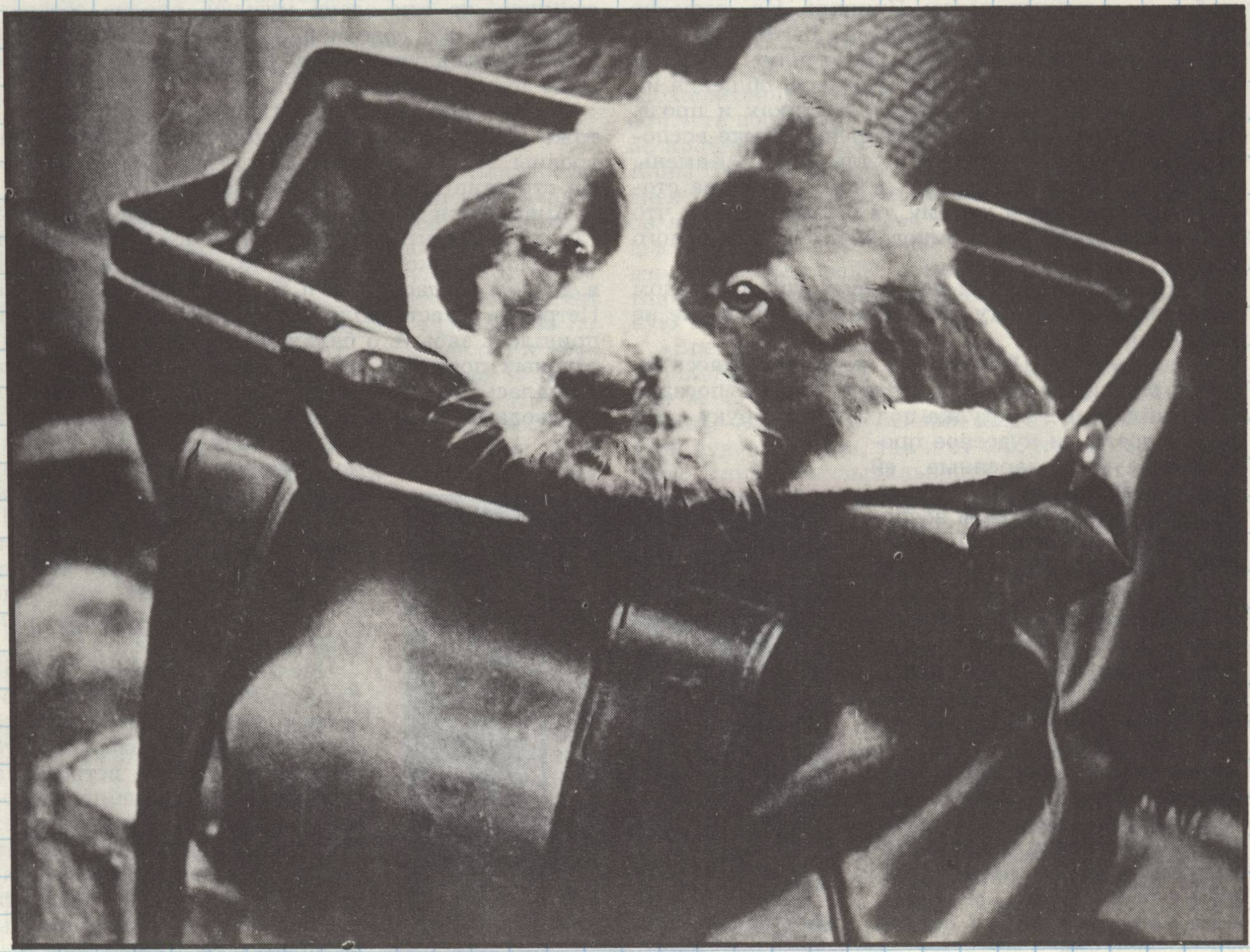

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПЕС. *И. Питалев, 8-й класс.*

ЖАРКО. *Д. Селиверстов, 15 лет.*

ПУТЕШЕСТВИЕ. *И. Хухлин.*

«Когда я приехал из трудового лагеря, мне жутко захотелось написать стихи: тем для этого появилось немало». Алексей БАКАДОРОВ, ученик 8-го класса «А» московской школы № 1105.

В лагере

Еще и росы не проснулись,
Не расшумелись воробьи,
А мы к машине потянулись,
Несли к ней тихо сны свои.

Но вот уж кто-то бросил шутку,
Но вот мой друг захохотал...
Очнулся я. И стало жутко,
Что вот такой рассвет проспал.

Над горизонтом дальним-дальним
Горит вовсю голубизна,
Бесследно в небесах прощальных
Плывет медузою луна.

И зреет рыжая пшеница,
И, щедро всю ее полив,
Жемчужится роса на листьях
И даже прямо на пыли.

Со смехом мы несемся к саду —
Но... это ли не новый сон:
Уже не яблоки — без сладу
Сияют с веток сотни солнц!..

Все расцвело и заалело,
Исчезли свежесть и озноб,
И слышно: в ведрах то и дело
Стучали яблоки о дно.

Петя ВИНОГРАДОВ стихи сочиняет с 6 лет. Сейчас ему 10. Он живет в Москве, учится в школе № 364, в 6 «А».

* * *

Утром солнышко взойдет,
На заре гулять я буду.
Все хорошее придет,
А плохое я забуду.

Очень

Очень я хочу купаться,
Очень — петь и загорать.
Очень-очень — кувыркаться,
Очень — прыгать и скакать!
За грибами в лес ходить,
Рыбу на реке удить.
Очень — рисовать и бегать,
Очень-очень — жечь костер!
И смотреть с улыбкой в небо,
И ходить с друзьями в бор.
Очень-очень плавать в речке
И стихи писать в лесу.
И давать траву овечке
Или наблюдать осу.
Очень — плавать на байдарке
И с палаткой в лес ходить.
Или с другом есть баранки.
Топором дрова рубить,
Собирать букеты в поле,
Делать из цветов венки,
Примоститься на заборе,
Брызгаться из брызгалки.
Мчаться на велосипеде,
Строить вместе шалаши,
Есть салаты на обеде —
Эти дни так хороши!
Я хочу, чтоб не кончались
Игры, радость эта!
Чтобы вечно продолжалось
Солнечное лето!

Лена УХОВА живет в Кировской области, в городе Вятские Поляны, занимается в музыкальной школе. Лена часто стихи и музыку сочиняет одновременно. «Кораблик» взял на борт ее стихотворение и песенку «Котенок».

* * *

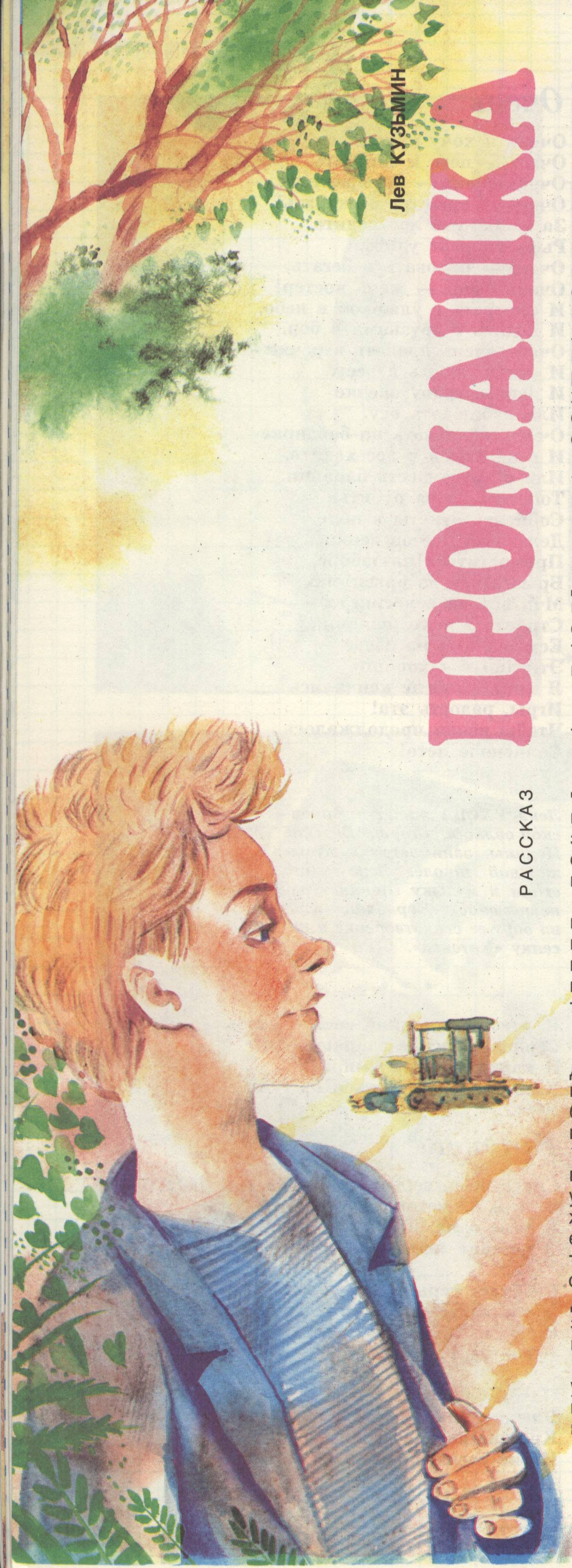
Я — солнца тонкий светлый луч,
Сердца людские озаряю
И каждый вечер умираю,
Чтоб утром вырваться из туч.

Котенок

Синее небо, серые крыши.
Красный цветок на окне.
В доме одна, я сижу тише мыши.
О котенке мечтаю я в тишине.

Он будет серым, маленьким, пушистым
И умываться лапкой будет чисто,
Он будет прыгать и со мной играть,
И сказку на ухо он будет мне шептать.

Ниток катушка, перо из подушки,
Блюдце теплого молока...
Крошке-котенку много ли нужно?
Но не согласна мама пока...

Лев Кузьмин

ПРОМАШКА

Рассказ

Трактор заглох среди поля. Вмиг стало слышно в недальних, одетых молодою зеленью березниках напористое кукование кукушки. Сразу стало видно: мир с его летучими, весенними облаками огромен, а трактор мой в этой огромности — всего лишь недвижная колымага, я же при ней — растерянная букашечка.

Растеряться было отчего. День за днем я ждал: выеду в поле не под суровым командирством наставницы Валентины, не мальчиком на подхвате, а сам по себе, заправским, полноправным рулевым. И вот весна вошла в самый разгар, по межам полей вытолкнулись встречь солнцу ранние цветы, сочные травы, и мне повезло. Валентину вдруг повысили, командировали на укрепление в новую бригаду, и тем же утром, когда Валентина помахала мне легким своим узелком, наш здешний бригадир Ваня-Дедок сказал:

— Ну, Левка, из-за чужой спины выглядывать хватит. Время военное — на долгую учебу нет лишней минуты. С трактором, с плугом, надеюсь, и ты управишься...

И я чуть было не заорал: «Управлюсь! Конечно же, конечно, управлюсь, расчудесный ты наш Дедок-Дедунюшка!» Но вовремя вспомнил: кличут так бригадира лишь заглазно, лишь за его белую, седым-седую бороденку, а вообще-то он еще куда как расторопен, напорист, и характер у него — с шуточками не нарывайся.

И я ответил солидно, без излишней суетливости:

— Постараюсь... Нынче же допашу до конца начатый с Валентиной загон.

И вот... допахал!

И вот трактор остывает, печально молчит, я топчусь рядом. Вокруг лишь усмешливый шепот ветра в прошлогодней стерне, в светлых, недальних березах кукушка словно бы издевается надо мной настырным голосом: «Ку-ку! Ку-ку! Доверили руль полному дураку!»

От огорчения, от тревоги я отупел совсем. Не возьму в толк, за что схватиться, не знаю, как к чему подступиться. Заводную рукоять пробовал крутить не один раз, даже выверил самое для меня трудное — магнето на искру, но и при хорошей искре трактор молчит.

И я затосковал напрочь.

Мне оставалось загорать, сидеть, постыдно дожидаться Ваню-Дедка. Дедок только и делает, что колесит день-деньской по колхозным пашням на избитом своем велосипеде, чутким ухом только и слушает, где какой трактор смолк.

Но и Ваня-Дедок при всей своей расторопности везде поспеть не может. Поднадзорная территория у него — целый сельсовет. Да и сам я не очень горю желанием с первого раза попадаться под горячую его руку. Ведь если неполадка в тракторе ерундовая, то бригадир под горячий запал-то не только меня отругает, а еще и непременно скажет: «Не-е-ет... Ты далеко не Витька Петухов!» И это позорней позорного, потому что Петухов Витька почти мне ровесник.

Витька старше меня лишь на полгода, а трактор у него работает изо дня в день, как часы, и бригадир нам, «салажатам», начинающим механизаторам, то и дело ставит Витьку в пример. За это мы Витьку

Рисунки И. ПАНКОВА.

любим не слишком. Да и он в нашей любви тоже не очень нуждается. Он, знай себе, крутит с утра до ночи баранку, пашет, боронит колхозные гектары; про него Ваня-бригадир даже однажды совершенно всерьез, совершенно торжественно провозвестил: «Если и есть среди нас настоящие бойцы трудового тыла, так это Петухов Виктор Николаевич!»

И вот только я про Витьку завистливо подумал, как в солнечной тиши за перелеском прорезалось, бархатно запереливалось дальнее тракторное урчание.

«Петушище! — так и всколыхнулся я.— Там, на соседнем поле, Петухов Витька. И нечего мне страдать, нечего раздумывать, надо мчаться на поклон к нему!»

Я ринулся наискось через рыхлую пашню, через частый березник, через глубокий, весь в голых, ломких зарослях прошлогоднего малинника овраг вылез на ту сторону.

Там распрекрасно тарахтит, катит почти мне навстречу, отваливает трехлемешным плугом пашенные пласты Витькин трактор.

Витька меня пока что не видит, я машу ему кепкой, бегу наперехват:

— Стой, стой, стой!

Витька тормозит, смотрит на меня недоуменно.

— Слушай! — кричу я.— Слушай! У меня мотор не заводится!

Витька разводит руками:

— А я при чем? Если не заводится, ожидай на помощь Ваню-бригадира.

И тут я с жалобного тона срываюсь, кричу возмущенно, зло, даже свирепо:

— Эх, ты! А еще передовой боец в нашем передовом тылу!

Тогда Витька усмехается криво, мотор глушит совсем, прыгает из-за руля сверху ко мне на пашню:

— Леший с тобой... Пошли, да быстрее. Теряю изза тебя дорогое время.

Я веду его прежним своим ходом через овраг, через перелесок, забегаю все наперед, опять заискиваю:

— Понимаешь, Витек, я и ручку пусковую сто раз крутил, и магнето проверял, а мотор — хоть бы хны. Мотор молчит, как заколдованный...

Витька идет, не то меня слушает, не то не слушает. По красно-рыжей его физиономии ничего не поймешь. А идет он степенно, руки в карманах пиджака, на скором ходу сутулится, явно подражает Ванебригадиру.

И вот мы возле моего злосчастного трактора, возле моей застылой, упрямой колымаги.

Тут я все отдаю на Виткину волю. Сам скромно и, конечно, тревожно переминаюсь рядом. Витька — ну, прямо профессор-механик! — заглядывает туда, смотрит сюда, ощупывает то, трогает се, и вдруг говорит:

— Ха! Ну, ты и раззява... Если в бригаде сказать, не поверят. Со смеху помрут.

— Отчего помрут? Во что не поверят? — тяну я шею, а Витька тычет пальцем в топливный бак:

— Глянь, да получше!

Я взлетаю наверх, на рулевую площадку, срываю крышку бака, а там, в темной глубине, керосина — ни капли...

Я бы так сквозь землю и провалился. Я делаюсь, наверное, красней, чем рыжий Витька, потому что глупее моей оплошки не придумаешь ничего. Керосин-то рядом. В конце загона, в запасной бочке керосина хоть залейся, а у меня — сухой, пустой бак!

— Витя, Витя...— бормочу униженно.— Пожалуйста, никому об этом не говори. Я про керосин забыл сначала впопыхах, а потом забыл с перепугу... Ведь трактор мне доверили всего в первый раз. Ты не скажешь, нет? Очень тебя прошу... Ну, прошу же!

Канючу, краснею, сам шарю глазами туда-сюда, надеясь найти для Витьки какой-нибудь подарок. Какой-нибудь подарок такой, от которого бы Витька не отказался и тем самым дал бы согласие на полный молчок.

Но нигде, даже в инструментальном ящике, ничего интересного у меня нет. В ящике лишь гаечные ключи, но они не мои, они казенные, да и у Витьки их, наверняка, набор полный.

Нету, разумеется, подарка и в моих собственных карманах.

Тогда я решительно распахнул пиджак, выдернул со свистом, с потягом из опояски штанов свой кожаный, с блестящею пряжкою ремень. Это было единственное мое, уцелевшее с довоенной поры богатство. Этот ремень привезла мне когда-то из Ленинграда тетушка. На железной пряжке был выбит корабль с мачтами, и ремень оттого походил как бы на моряцкий, на краснофлотский. Мне однажды в школе давали за него отличный перочинный нож, но я не сменялся.

В ту пору не сменялся, а теперь из опояски выдернул, зубы стиснул, голову наклонил, сунул ремень Витьке рывком:

— На! Владей! Лишь меня не выдавай!

У Витьки глаза стали огромными, круглыми. Он за ремень ухватился цепко. Он стал разглядывать подарок, а я поддернул ослабшие штаны, давай их подвязывать концом медной проволоки.

Подвязал,— с пустым ведром в руке рванул к бочке через поле. Наполнил ведро в два счета, вернулся к трактору, нацедил керосина через воронку в бак, принялся крутить заводную рукоятку.

Трактор чихнул.

Трактор на весь весенний, голубой и зеленый простор заржал, как сытый жеребец.

Я сам зареготал счастливым жеребеночком:

— Ага-га-га! Ага-га-га! Вот она в чем была промашка-то!

Кидаюсь к рулю, а Витька — гоп! — тут меня и перехватывает. Он меня за рукав держит и, совершенно как сам я вначале, толчком да отворотясь, впихивает мне за пазуху ремень мой обратно:

— Держи, не роняй! Держи, держи крепче! А то на радостях, ко всему прочему, штаны еще на борозде посеешь...

Он ремень мне отдал; он — руки в карманы, локти врастопырку — деловою, сутулой походкой пошагал через поле к себе за перелесок. А я сидел теперь за рулем, поддавал газу, и трактор мой — шумный, живой — опрокидывал пашенные пласты плугом ровно, укладисто, ходко.

Трактор шел уверенно, и я был уверен: Витька обо мне никому ничего не скажет.

Мосты дружбы

Нам давно хотелось встретиться с друзьями, которых мы знали только по переписке. А их очень много. В картотеке нашего КИДа — адреса сотен клубов интернациональной дружбы из всех союзных республик. Со многими из них мы регулярно обмениваемся выставками, посылаем друг другу сувениры и книги, не забываем поздравить с праздником, проводим заочные путешествия. Но почему только заочные? А если собраться вместе и устроить настоящее путешествие? Так родилась идея интернационального поезда, который мы решили назвать

«Крымская кругосветка»

Но одно дело — интересная идея, совсем другое — как ее осуществить. Нужен поезд, он же — гостиница на колесах. Это раз. Как составить такую программу, чтобы она понравилась всем? Это два. Где и чем будем кормить гостей? Это три. А самое главное — где взять деньги на все это? Ясно, что без старших друзей клуба поезд не организовать. Пошли в обком комсомола. Там нас поддержали. Помогли также в областном отделении Детского фонда и Комитете защиты мира, в Симферопольском бюро путешествий.

И вот настал день, когда начали съезжаться гости: из Москвы, Киева, Одессы, из эстонского города Вильянди, из Армении, Азербайджана, Узбекистана, Башкирии, Кабардино-Балкарии, Коми АССР. Более сорока КИДов откликнулось на наше приглашение. Почти четыреста человек.

За пять дней наш поезд побывал в Симферополе, Феодосии, Евпатории, Севастополе. Таких веселых вагонов еще не было на крымской земле. Зайдешь в один — слышатся ритмичные удары бубна: армянский танец. В другом разучивают эстонскую народную песню. В третьем — взрывы хохота: очередной сеанс юмора юных одесситов. В четвертом, притихнув, ребята слушают рассказ учителя из Армении Ашота Арутюновича Зурабяна о кровопролитных сражениях за Крым, в которых ему довелось участвовать в войну. Старый солдат все волновался: скоро ли Севастополь? И вот встреча, которая потрясла даже самых ироничных и непоседливых ребят: через сорок лет Зурабян разыскал своего фронтового друга.

На программу грех было жаловаться: легендарная Сапун-гора в Севастополе, картинная галерея, в которой собраны полотна Айвазовского, и музей А. Грина в Феодосии, музей планеризма в Планерском.

Прогулки на катамаране по волнам Черного моря. Бутылочная почта с пожеланиями мира и счастья детям Земли. Ярмарка солидарности, для которой каждая делегация привезла свои поделки и сувениры. Ярмарку провели в Феодосии: двести рублей перечислили в Фонд мира и двести пятьдесят — областному отделению Детского фонда.

В пути работали дискуссионные центры, устраивались политтурниры. Решались серьезные экологические проблемы: все участники поезда поставили подписи под петицией против строительства Крымской АЭС.

Пять дней пролетели быстро, и в конце оказалось: все было интересно, но... слишком мало времени оставалось для общения ребят друг с другом. Что ж, надо учесть на будущее. И вообще — никакая переписка не заменит простого человеческого общения. Ведь верно говорят:

Чтобы дружить, надо знать друг друга

На память о «Крымской кругосветке» остался альбом, в котором ребята поделились своими мыслями после поездки. Заглянем в него.

Юля Фалеева, Алушта: «Чтобы наша страна стала еще крепче, нам надо подружиться, найти новых друзей. Ребята из Одессы и Ташкентской области стали нашими самыми близкими друзьями».

Лена Омельченко, председатель КИДа «Мир» нижнегорской средней школы № 1: «Такие путешествия не только сплачивают ребят, но и воспитывают чувство интернационализма, дают возможность узнать героическое прошлое нашей Родины».

Лена Тищенко, Москва: «Было очень весело и здорово. Мы все так сильно подружились».

У себя во Дворце мы часто спорим: каким сегодня быть КИДу, что могут сделать сами ребята, чтобы не дать разбежаться трещинам национального высокомерия и неприязни. Давайте послушаем членов областного клуба «Дружба» — юных интернациона-

листов симферопольских школ.

«Нужно проводить вечера-встречи школьников разных национальностей, живущих в одной области или крае,— предлагает Кира Иванова.— Ведь и у нас, в Крыму, живут и украинцы, и русские, и армяне, и греки, и караимы, и татары. Мы, например, в нашей седьмой школе провели вечер крымско-татарской культуры».

«А я думаю,— говорит Таня Шарапа,— что надо организовать в школах факультативное изучение языков разных советских народов, а также их литературы, музыки, танцев, прикладного искусства. Мы задумали устроить авторский вечер-концерт крымской поэтессы-переводчицы С. Борисовой, будем читать стихи и исполнять песни, переведенные ею с восьми языков народов СССР».

«А еще хорошо бы научиться играть на народных музыкальных инструментах»,— мечтает Дима Летов.

«Мы хотим не просто путешествовать по путевкам «Спутника», а пройти походами по историческим местам в других республиках вместе с ребятами, живущими там, сообща помочь восстановлению памятников истории и культуры» — это мысль Вадима Темирова.

«Нужны интернациональные лагеря труда и отдыха во время всех каникул»,— слышен дружный хор сразу нескольких кидовцев-ветеранов. «И еще — совместные экологические акции»,— добавляет Таня Стебко. «К интернациональным фестивалям дружбы, встречам, конкурсам больше привлекать юнкоров, тимуровцев, спортсменов, ребят из музыкальных и художественных

школ. Пусть будет шире круг дружбы»,— убеждают Валерий Тривога и Оксана Ременюк.

Слушая ребят, я выделяю для себя одну важную особенность: они предлагают конкретные дела. Было время, когда мы говорили много слов о дружбе и считали, что этого вполне достаточно, чтобы она оставалась нерушимой. Сейчас мы убедились, что этого мало. Нужны дела, которые сплачивали бы детей разных национальностей, помогали им лучше знакомиться с историей, традициями, культурой других народов, учили бы уважительно относиться к иным обычаям и языкам.

Настало время укреплять мосты дружбы, которые связывают народы нашей многонациональной страны. И клубы интернациональной дружбы школ, Домов и Дворцов пионеров тоже могут помочь в этой работе.

Мне бы хотелось пригласить кидовцев из других республик и областей продолжить начатый разговор. Как и чем живут сегодня ваши КИДы? Что заботит вас? Что мешает? Кто помогает вам? Какие вы предложите дела для юных интернационалистов?

А. АШЕРОВА,
заведующая сектором интернационального и патриотического воспитания Крымского областного Дворца пионеров.

Председателю... пятнадцать лет

Да, Бенджамену Киланге всего пятнадцать. Хотя вернее было бы сказать — уже пятнадцать. Ведь пионеры Танзании доверили ему высший пост в своей организации. И недавно Бенджамену пришлось оставить родной дом в небольшом тихом поселке в провинции Табора и перебраться в огромный шумный Дар-эс-Салам.

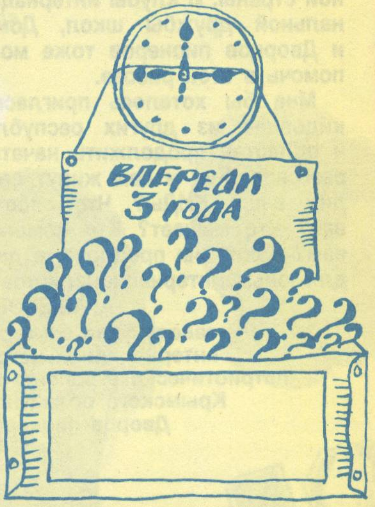
Дар-эс-Салам — крупнейший город Танзании и всей Восточной Африки. Здесь почти полтора миллиона жителей. Его название в переводе с арабского означает «Дом мира». Арабы появились здесь в восьмом веке. И тогда уже в гавани Дар-эс-Салама бросали якоря парусные суда мореплавателей и купцов из дальних и ближних стран, расположенных на берегах Индийского океана.

Разных пришельцев повидал за свою долгую жизнь Дар-эс-Салам. В конце XIX столетия устремились сюда германские колонизаторы. После первой мировой войны их сменили англичане. Лишь в 1961 году Танганьика (так называлась страна, столицей которой стал Дар-эс-Салам) добилась независимости. Три года спустя она объединилась с островным государством Занзибар. И на карте Африки возникла Танзания. Правящая в стране Революционная партия провозгласила курс социалистической ориентации.

Фотографии А. КРУПНИКОВА. Рисунки В. БУРМИСТРОВА.

Уютно пристроившийся на побережье Дар-эс-Салам находится все же как бы на «краю» страны: он слишком удален от ее глубинных районов. Вот и решено было два года назад сделать столицей населенный пункт в центральной части республики. Выбран был небольшой город Додома. Правда, все правительственные учреждения остаются пока в Дар-эс-Саламе. Додома еще не готова к своей новой роли. Понадобится время, и немалое, прежде чем она станет экономическим и политическим центром страны. Но очередной партийный съезд состоялся уже в Додоме, и после этого сюда переместилась штаб-квартира партии. В новой столице прошел и Третий национальный съезд пионеров Танзании. Вам, наверное, интересно узнать, что среди зарубежных гостей на нем была и делегация советских пионеров. И что в нее входили не только взрослые, но и два подростка — Катя Харламова и Виктор Гусев из школы при посольстве СССР в Дар-эс-Саламе. А не скучно ли им было на съезде? Конечно же, нет. Ведь съезд-то детский. В Додому съехались около пятисот пионерских активистов со всех концов страны. И были они полномочными представителями своих организаций, потому что делегатами их избрали на провинциальных конференциях. Любопытно, что при выборах национального исполкома на съезде на каждое из десяти мест выдвигалось до пяти кандидатов. А на пост председателя было предложено даже девять кандидатур. Представляете, какая была борьба? Выборы пришлось проводить в два тура, поскольку первое голосование не выявило победителя. Во втором верх одержал Бенджамен Киланга. Ему-то и его товарищам по исполкому и предстоит руководить пионерской организацией Танзании в ближайшие три года. Причем некоторым из них на первых порах придется и учиться, и выполнять свои обязанности в исполнительном комитете. Только после окончания школы можно будет целиком заняться пионерскими делами.

Как, возможно, спросите вы, и ни одного взрослого нет в руководстве пионерской организацией? В исполкоме — нет. Но в Центральном комитете Союза молодежи Танзании есть отдел учащихся и пионеров: здесь работают люди постарше. Они-то и помогают «детскому» исполкому. Особенно, когда нужно обращаться с пионерскими вопросами во «взрослые» организации.

Забот у пятнадцатилетнего председателя не меньше, чем у иного руководителя солидного государственного учреждения. Пионерские отряды добровольно и безвозмездно работают на строительстве школ и домов учителей, помогают убирать урожай и благоустраивать города и деревни. А делегаты съезда заявили, что можно делать больше и что надо расширять связи с комиссией правительства по благоустройству населенных пунктов. Партия призвала добиться полной грамотности населения. Значит, и пионеры должны следить, чтобы все дети школьного возраста обязательно учились. Хорошо бы открыть побольше пионерских станций. Пока их очень мало. Да и те, что появились недавно, работают еле-еле: нет денег, не хватает преподавателей. Правительство Занзибара предусмотрело в своем бюджете специально средства для пионерской организации. А в общенациональном бюджете этого пока нет. Очень нужен Национальный совет по шефству над пионерами.

И еще многое, многое другое...

Забот Бенджамена Киланги и его друзей не перечесть. А времени мало: всего три года. Надо спешить.

Н. АЛЕКСЕЕВ

ПОДНИМАЮЩИЕ ЗНАМЯ

Красный Тедди

Так любовно называли рабочие Германии своего вождя Эрнста Тельмана.

Он родился и вырос в рабочем Гамбурге. И с юных лет связал свою судьбу с борьбой за свободу трудящихся.

В дни Ноябрьской революции в Германии в 1918 году он — член Гамбургского рабоче-солдатского совета. Пять лет спустя сыграл выдающуюся роль в Гамбургском восстании пролетариата. С 1925 года Тельман становится председателем Коммунистической партии Германии и председателем Союза красных фронтовиков — боевой организации рабочих Германии, созданной для самообороны.

Самоотверженность и бесстрашие, беспредельная верность делу трудящихся окружили его имя легендами и снискали ему горячую любовь простых людей.

После прихода к власти фашистов Тельман уходит в подполье. Но гитлеровские ищейки выследили его. 3 марта 1933 года он был схвачен гестапо и заключен в берлинскую тюрьму Моабит.

Тельман погиб 45 лет назад, 18 августа 1944 года в концлагере Бухенвальд. Но добрая память о нем живет в немецком народе. С 1952 года его имя носит пионерская организация ГДР. Вступая в ряды пионеров-тельмановцев, мальчики и девочки дают торжественное обещание: «Эрнст Тельман всегда будет для меня примером. Я торжественно обещаю учиться, работать и бороться, как учил нас Эрнст Тельман».

БОРИС ЖИТКОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Лариса ИСАРОВА

К сожалению, я опоздала родиться и лично его не знала. Поэтому, перечитав все произведения Бориса Житкова, я решила побывать у тех, кто с ним дружил, его помнил, его любил.

После встреч и бесед с этими людьми Житков стал внешне мне представляться очень зримо. Маленький рост и постоянная выпрямленность фигурки, старомодная щеголеватость и морская педантичность. Постоянное внутреннее самоуважение и неумение расталкивать окружающих локтями. На последних фотографиях длинные волосы на висках и затылке, орлиный нос, профиль индейского вождя. Глаза смотрели на любого собеседника сначала тяжело, пронизывающе, но стоило ему увлечься, заинтересоваться, взгляд согревался, искрился иронией. Он редко повышал голос, но точно ток высокого напряжения бился в нем, сдерживаемый силой воли и выдержкой.

Жизнь Бориса Житкова прошла на редкость своеобразно.

Год рождения — 1882-й. Отец — народоволец, учитель математики, мать — пианистка. В этой семье поддерживались связи с политическими ссыльными, хотя родные братья отца — царские адмиралы. Воспитание детей было спартанским. Главное — развитие «политехнических навыков». Борис Житков с детства проявлял полную самостоятельность и независимость. Он дружил с матросскими детьми. С ними он крадет компас парохода, перевозившего штрейкбрехеров (рассказ «Компас»), возит оружие (пьеса «Пять огней»), стреляет из пушки в канун Нового года (рассказ «С Новым годом»), участвует в дружинах рабочей обороны (роман «Виктор Вавич»). Но наряду с конспиративной революционной деятельностью члена запрещенного Союза моряков Житков — гимназист, позже студент, с восторгом цитирующий Бодлера и Блока, увлекающийся фотографией, постановками балетов и морскими путешествиями,— вечный изыскатель человеческих душ.

Две кафедры, химии и ботаники, предложили ему остаться у них по окончании университета, но он поехал в экспедицию на Енисей в качестве капитана и ихтиолога. Потом вдруг пошел учиться в Политехнический институт на кораблестроительное отделение. Дальше практика на механическом заводе, плавание на парусниках по Средиземному морю, кругосветное путешествие, поездки на Север. Большую часть I Мировой войны мичман Житков проведет в Англии, принимая моторы для русских самолетов и подводных лодок.

Вернувшись в Одессу, Житков восстанавливает революционные связи, перевозит вновь оружие, скрывается от белых. Потом работает в сельскохозяйственной школе, на рабфаке...

А в 1924 году, переехав в Петроград, он внезапно превращается в детского писателя.

Житков умел писать с позиции ребенка, относясь к нему по-взрослому. Удивляет сейчас тот азарт, с каким он кидался защищать детей от взрослых, питавших их ум суррогатами знаний, идей, чувств. Житков воевал со всеми: с критиками, хвалившими нудную «полезную» книгу; с учителями, требовавшими от писателей «орудий обработки» детей; с родителями, мечтавшими о книжке-«гнезде», которая прибьет их чад к месту, чтобы не путались под ногами; даже с умными, благоразумными пионерчиками.

И хотя Житков мог разочаровываться в отдельных людях, он продолжал любить человека, мог презирать «педагогическую» детскую литературу и воевать с издателями, редакторами за создание честных, увлекательных детских книг.

Последние годы жизни особенно трудно дались Житкову: в редакциях выкорчевывался «житковский дух», были арестованы и погибли многие дорогие ему люди, мучила его тяжелая и безнадежная болезнь, но даже при этом он не потерял способности мечтать и получать упоение от работы...

Повесть «Утюг» была написана за несколько месяцев до его смерти. На первый взгляд она проста и безыскусственна. Что особенного в истории котенка, раскрашенного масляной краской и подаренного на день рождения маленькой девочке?! Однако с 1938 года это произведение не решались печатать, потому что перед читателями возникала на фоне мажорных рапортов наших газет удивительно серая, жалкая жизнь семьи советского служащего. И мещанка мама, хвастающая по телефону всем знакомым раскрашенной кошкой, и бездушный ремесленный художник, совершивший экзекуцию над животным, и девочка, не имевшая, видимо, ни игрушек, ни детских радостей,— мир этих людей удручающе жалок. Они запуганы жизнью. Поэтому так заискивает мама перед начальством мужа в надежде, что его повысят в должности. Ни о каком социальном равенстве говорить не приходилось, и мы сегодня можем ощутить, что в годы культа личности маленькие люди были беспомощны и бесправны, как и во времена Гоголя. Лишь один герой в этом рассказе — отец девочки — не убог душевно. У него сохранилось чувство собственного достоинства и сочувствия не только к людям, но и к животным. Он пытается бороться с эгоизмом своей маленькой дочери, но это сложно, ибо он чужой в мире, изображенном писателем.

В повести «Утюг» запоминаются особенно диалоги. Главное в них — это интонация. Житков не зря писал: «Люди говорят по большинству не словами, а тоном и мимикой, так что можно понимать не то, что человек говорит, а что он хочет сказать, а иногда и скрыть. А искусство писателя создать одними словами и мимику и интонацию».

Работа над произведением закончена 14 сентября 1937 года. Повесть ранее не публиковалась.

Всмотритесь, вчитайтесь в повесть «Утюг». Она многопланова, в ней есть множество секретов. Они откроются тем, кто умеет видеть, думать, спорить. А что может быть интереснее этого?!

Утюг

Борис ЖИТКОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

1. Зеркальный шкапчик

Был Катин день рождения. Ей стало семь лет. Утром папа подарил Кате кукольный шкапчик для кукольных платьев. На дверке было зеркало, а внутри на стене были крючочки, чтоб вешать платья.

Катю не могли дозваться чай пить, потому что она не могла оторваться от шкапчика. Она повесила на крючочки два кукольных платья и все открывала и закрывала дверку, чтоб посмотреть, как висят платья.

А потом она ставила кукол перед шкапчиком, чтоб они гляделись в зеркало. И выходило все совсем как настоящее. Дверка даже тихонько скрипела, как в настоящем шкафе.

Катя говорила за куклу:

— Ах, мне надо переодеться!

Открывала зеркальную дверку, а там висят два платья, на крючочках. Катя доставала одно платье, переодевала куклу и показывала ей в зеркало, какая она в этом платье. Катя не заметила, как папа ушел на работу, так заигралась.

Мама пошла на кухню, чтоб готовить пирог, потому что вечером должны прийти гости на Катино рождение: девочка Люба с мамой, потом еще два мальчика и еще одна девочка. Только та совсем маленькая.

Катя все думала, как она Любе будет показывать шкапчик. А мальчикам не даст шкапчиком играть, потому что они непременно дверку отломают или зеркальце разобьют.

А потом интересно, что ей подарят. Кате очень хотелось, чтобы подарили детский утюжок. Его можно ставить на керосинку рядом с кофейником, и он будет нагреваться и потом гладить куклам платья. Он будет гладить, как настоящий утюг. И его тряпочкой надо держать. И непременно мама ей сошьет такую маленькую утюжку, чтобы брать горячий утюг за ручку и не жечься.

Когда папа пришел с работы и пообедали, мама надела на Катю новое платье: желтое с красным воротником и с красными рукавчиками и на голове завязала красный бант из шелковой ленты.

Катя посмотрелась в кукольный шкапчик, и было очень красиво, как бант сидел.

Потом мама поставила на стол пирог и конфеты, и цветы, и стали ждать гостей.

А потом маму позвали к телефону, и вышло, что Люба не придет, потому что простудилась.

Ждали до самого вечера, и никто не пришел. И мальчики не пришли. И из больших никто не пришел.

Катя чуть-чуть начала даже плакать, потому что мама сказала:

— Ну, теперь уже десять часов, поздно. Никто уж не придет, Катюша. Давайте-ка будем сами пирог есть.

И стала резать пирог.

2. Утюжок

Мама сказала:

— Катюша, переодень платье, надень старенькое, а то еще замаслишь пирогом. Жалко.

Кате очень не хотелось, потому что это значит, что все уже кончилось. Она стала снимать платье и заплакала.

Папа говорил:

— Ничего, пусть побудет так, я ей салфетку повяжу. Она аккуратно будет есть.

Платье было уж у Кати на голове. Она его так и держала, вдруг мама скажет: ну, пусть так посидит до конца. Мама еще ничего не сказала, а тут в дверь постучали и папа сказал:

— Войдите.

А кто вошел, Катя не видела из-за платья: Катя поскорей натянула платье обратно и увидела, что это пришел папин товарищ. Он стал смеяться и показывал на Катю пальцем. Он смеялся во все горло, как будто кричал:

— Го-го-го! Го-го-го! — И все кричал и ничего не говорил и все держал палец и все тыкал на Катю.

А папа смотрел и ничего не делал. Катя крикнула папе:

— Пусть он не смеет! — И побежала вон из комнаты. Но папин товарищ поймал Катю и стал говорить:

— Поздравляю! Поздравляю! — И хотел поцеловать и очень щекотал усами и бородой. Катя вырвалась и побежала к маме.

Мама сказала:

— Это Онуфрий Васильевич, поздоровайся. Как не стыдно!

Онуфрий Васильич сказал:

— А я тебе подарок принес, хочешь?

Катя ничего не ответила, потому что очень на него рассердилась.

Онуфрий Васильич пошел за дверь и оттуда принес корзиночку с крышкой. Катя, хоть и уткнулась маме в юбку, а все равно подглядывала и видела корзиночку.

— Вот тут тебе подарок,— сказал Онуфрий Васильич.— И говори, что тут. Что скажешь, так оно и будет называться.

Он корзиночку протягивал Кате и снова стал смеяться: го-го-го!

Катя взяла корзиночку за ручку. Там было что-то тяжелое.

— Ну, говори, что там? — крикнул Онуфрий Васильич.— Ну, скорей!

— Утюг,— сказала Катя.

— Ну, значит, и будет называться утюг,— закричал Онуфрий Васильич.— Открывай!

Катя открыла крышку, а оттуда голова кошки. Только на голове были синие полоски и между синими полосками красненькие кружочки. Как будто на кошке был платок.

Потом вся кошка вылезла из корзинки. Она была белая, но вся в розовых букетах и в синих полосках. Она была вся разрисована, как будто на ней надет сарафан.

— Ай, какая смешная! — сказала мама и засмеялась.

— Фу, какая страшная,— сказал папа.

А Онуфрий Васильич захохотал на весь дом:

— Го-го-го! Это не слиняет. Это уж навсегда. Это я сам ее так. Я ведь материи крашу, и я художник. Я знаю, как.

Кошка посмотрела на всех и пошла по комнате, и стала все обнюхивать, и Катя увидала, что на лапках у ней нарисованы красные сапожки с белыми пуговками.

Онуфрий Васильич закричал:

— Утюг! Утюг! Утюжок! Кис-кис, поди сюда. Теперь ты, Катя, ее Утюгом и называй.

Папа сказал:

— Зачем ты, Онуфрий, ее так изуродовал?

Онуфрий опять загоготал и сказал:

— А по-моему, здорово! Кошка в сарафане! Го-го-го!

Мама сказала:

— Ну, садитесь, давайте пирог есть...

А Катя взяла кошку на колени и стала ее гладить. Кошка сразу замурлыкала и стала тереться крашеной головкой об Катину грудь. Потом Катя тихонько поднесла кошку к зеркальному шкапчику, чтоб кошка на себя посмотрела.

Кошка не захотела смотреть и уткнулась мордочкой Кате под мышку.

Катя все гладила кошкину спинку, и шерсть блестела будто шелк. И выходило, что кошка в шелковом сарафане, и по шелку нарисованы синие полоски, как ленты, и между ними розовые букеты.

На ночь Катя упросила маму позволить взять кошку с собой в постель.

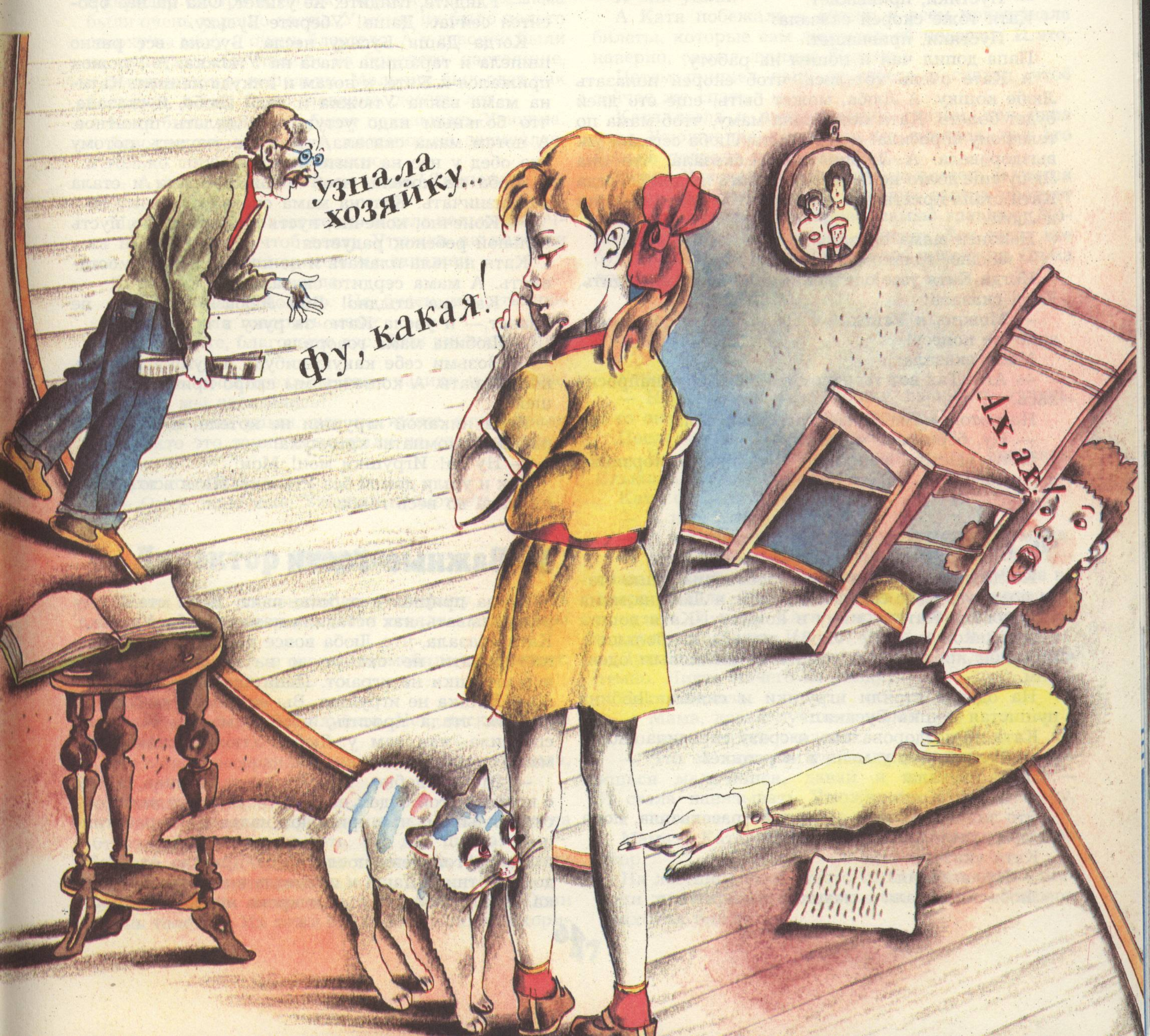
Шкапчик стоял рядом, на столе, так что Кате было все время видно.

Катя гладила кошку и приговаривала:

— Утюжок, Утюжок!

3. Очень крепкая краска

Катя, когда засыпала, думала, как она покажет Любе сначала шкапчик, а потом вдруг позовет из кухни Утюжка. Крикнет: Утюжок, Утюжок! Люба

даже не поймет, кого это зовут. И вдруг войдет такая кошка. Ни у кого такой нет. Даже в сапожках.

Наутро Катя сразу увидела новый шкапчик с зеркальцем и обрадовалась, а потом стала звать Утюжка. Мама принесла Утюжка из кухни и говорила, как там все смеялись.

Катя рассердилась на маму:

— Зачем ты показываешь. Моя ведь кошка. Я хочу сама показывать.

И надулась.

А папа погладил Утюжка, взял его на колени и сказал Кате:

— И чего тут смешного? Вот я взял бы тебя, выкрасил кошкой и вытолкнул бы во двор. Хорошо бы это было.

— Она не понимает, ей все равно,— сказала мама.— Видишь, лижется как ни в чем не бывало.

— Она как раз эти букеты и лижет,— сказал папа.— Все их слизать хочет.

Катя испугалась, привскочила на кровати и сказала:

— Ой, а она их не слижет?

Папа сказал:

— Вот то-то, что очень уж крепкая краска.

Мама сказала:

— Пустяки, привыкнет.

Катя тоже скорей сказала:

— Пустяки, привыкнет.

Папа допил чай и пошел на работу.

А Кате очень хотелось, чтоб скорей показать Любе кошку. А Люба, может быть, еще сто дней будет болеть. Катя попросила маму, чтоб мама по телефону спросила: может быть, Люба сегодня уж выздоровела. А Любина мама сказала, что она Любу еще долго не будет выпускать из дому. Тогда Катя стала приставать к маме, чтоб пойти сегодня к Любе.

Наконец мама сказала:

— Ладно, только ненадолго.

Когда Катя уже оделась и надо было выходить, Катя сказала:

— Можно, я Утюжка с собой возьму? Я в корзиночке понесу!

Мама сказала:

— Ага! Так вот ты зачем к Любе вдруг напросилась.

Но потом мама засмеялась и сказала:

— Ну, бери свое чудище.

Катя быстро запихнула Утюжка в корзинку и понесла.

4. Девочка Люба

Когда пришли к Любе, домработница Даша стала помогать Кате снимать галоши, а Любина мама уже повела Катину маму в комнату. Катя вошла с корзинкой к Любе. Люба лежала на большой, маминой кровати под маминым шелковым одеялом.

На одеяле стояли игрушки и сидела Любина пушистая кошка Буська.

Катя не поздоровалась, а сразу спросила Любу:

— Угадай, что у меня в корзинке?

Люба сказала:

— Знаю! Кошка.

Это значит, Катина мама уже рассказала, пока Катю раздевали в прихожей.

Катя сказала еще:

— Ну, а какая?

Люба захлопала в ладоши и закричала:

— Знаю, знаю! Все знаю! Раз-ри-сованная. Ага!

Катя чуть не заплакала и сказала:

— А если знаешь, так не покажу теперь.

А Любина кошка Буська спрыгнула с кровати и стала нюхать корзинку, а потом царапать лапой.

Катя сказала маме:

— Пойдем домой, я не хочу тут...

А мама сказала:

— Ты же сама просилась. Фу, как стыдно. Любочка ведь больна. Ты должна больной уступить. Покажи сейчас же.

Мама стала говорить Любиной маме, что это очень интересно, взяла корзинку и открыла.

Утюжок выскочил.

Люба чуть не выскочила из кровати, так хотела, чтоб скорей видеть. Любина мама крикнула:

— Ах, как замечательно!

А Люба закричала:

— Хочу такую! Мама! Хочу, хочу, хочу! Дайте мне скорей ее.

А кошка Буська зашипела на Утюжка, вскочила к Любе на кровать, и у ней вся шерсть дыбом встала от злости.

Любина мама пальцем тыкала на Буську и кричала:

— Глядите, глядите: не узнает. Она на нее бросится сейчас. Даша! Уберите Буську.

Когда Даша Буську несла, Буська все равно шипела и таращила глаза на Утюжка. А Утюжок прижался к Кате, к ногам и никуда не шел. Катина мама взяла Утюжка и дала Любе, и сказала, что больным надо уступать и делать приятное. А потом мама сказала, что пора уходить, потому что обед у нее на плите остался.

Люба не хотела, чтоб Утюжка брали и стала капризничать. Катина мама сказала:

— Конечно, конечно, пусть побудет у вас, пусть больной ребенок радуется.

Катя начала плакать и не хотела Утюжка оставлять. А мама сердито сказала:

— Как не стыдно! Вон Люба больная, а не плачет,— и увела Катю за руку в прихожую.

А Любина мама говорила:

— Возьми себе какую-нибудь игрушку, будешь пока играть. А кошечку мы скоро пришлем с Дашей.

Катя никакой игрушки не хотела, а Люба все равно из комнаты крикнула:

— Ну да! Игрушки мои! Мои!

Так и ушли домой без Утюжка. Катя всю дорогу плакала во весь голос.

5. Важные гости

Когда пришел с работы папа, Катя стала ему рассказывать, как оставила мама у Любы Утюжка. Катя сказала, что Люба вовсе не больна, больные по кровати не скачут, и в ладоши не бьют, и в игрушки не играют. Папа сказал:

— Кошка не игрушка. Вы ее совсем замучаете.

Катя стала просить, чтоб мама по телефону спросила, как там у Любы Утюжок живет. Но мама сказала:

— Это неудобно. Там больная девочка, а мы с кошкой этой будем надоедать. Сказали ведь русским языком, что пришлют назад с домработницей.

На другой день после обеда пришла от Любы домработница Даша и принесла в корзинке Утюжка. Нос у Утюжка был в кровь исцарапан. Даша

сказала, что Люба хотела непременно, чтоб обе кошки вместе играли, и бросала Утюжка с кроватки на Буську. Буська исарапала Утюжка, и Любина мама велела отнести Утюжка обратно и спросить: где можно заказать такую кошку?

Мама хотела говорить про Онуфрия, а папа громко сказал:

— Передайте, что только за границей, здесь нельзя.

Катя очень рассердилась на Любу, что она дала Буське поцарапать Утюжка. Катя стала Утюжка скорей поить молоком, и Утюжок выпил два полных блюдца. У Любы, видно, ничего не давали есть.

Вдруг маму позвали к телефону. Мама в телефон очень смеялась и ласково говорила с кем-то. Потом пришла и сказала, что очень просят прийти посмотреть Утюжка одни Любины знакомые: мальчик и девочка с их мамой. Мама сказала, что она позволила и они скоро придут. И начала прибирать в комнате, а Кате велела причесаться.

Мама сказала, что у них папа инженер и у них свой автомобиль. Они в нем, наверно, и приедут.

Потом позвонили, и слышно было, что спрашивают Катю и про Утюжка. Все жильцы вышли в коридор смотреть, потому что эти дети и их мама были очень хорошо одеты. У мамы их было пальто сверху на меху и очень блестело. А у девочки были на руке золотые часики на браслете, настоящие, и лакированные туфельки. Мальчик был одет как большой, а ему было, наверно, десять лет.

Катя была рада, что будет показывать Утюжка. Девочка засмеялась. А мальчик не засмеялся, а только спросил очень важно:

— А она ничего делать не умеет? Танцовать она не умеет?

Мама все просила их сесть. А села только девочка на немножко, чтоб взять Утюжка на коленки посмотреть, какие нарисованы сапожки.

Потом их мама сказала:

— Ну, Лена, довольно. Не будем мешать людям.— И стала говорить маме:

— Простите, благодарю вас. Дети уж очень просили.

Девочка посмотрела на свои часики и сказала:

— Ах, мы засиделись!

А когда они ушли, все на кухне спрашивали Катю, кто это такие приезжали на своем автомобиле.

Катя говорила:

— Одни знакомые. Утюжка посмотреть.

6. Директор цирка

Потом еще позвонили по телефону, и опять мама пошла говорить. А Катя стояла около мамы и говорила:

— Только пусть в своем автомобиле приезжают, если Утюжка смотреть.

Мама говорила:

— Пожалуйста, пожалуйста. Нет, нисколько не поздно.

А папа рассердился, зачем мама позволила, чтоб приезжали.

Мама сказала:

— Это говорил директор цирка. Как я могла отказать? Ему надо видеть, это для цирка.

Папа сказал, что пойдет к соседям. Взял газету и ушел в комнату рядом.

Потом опять позвонили, и пришли двое. Один очень толстый. Их тоже все соседи вышли в коридор смотреть. Они тоже на своем автомобиле приехали, потом толстый сказал другому так, что все жильцы слышали:

— Я вас завезу домой.

Мама сказала Кате:

— Ну, ты хозяйка, ты и показывай.

А Утюжок залез под кровать и все лизал, где его поцарапала Буська. Катя вытащила Утюжка и дала толстому в руки.

Толстый сказал:

— Ах, вот это всего только! А мне наговорили, не стоило нам приезжать.

Но все-таки стал Утюжка разглядывать. Они вдвоем переворачивали Утюжка, как тряпку. Утюжок замяукал. А Кате стыдно было сказать, чтоб пустили.

Потом они пустили Утюжка на пол, и он сразу убежал под кровать.

Потом толстый сказал Кате:

— Ты в цирк ходишь? На тебе два билета, приходи завтра с мамой.— И дал Кате две бумажки.

Мама говорила Кате:

— Ну, скажи спасибо.

А толстый похлопал Катю по щеке и сказал:

— Она у вас молодец.

И они ушли.

А Катя побежала в кухню и всем показывала билеты, которые сам директор ей подарил. И это, наверно, самые лучшие билеты.

Потом пришел папа от соседа и сказал, чтоб сейчас же спать.

Катя легла и видела одним глазом, как папа взял Утюжка на колени и все смотрел, как его Буська подрала когтями.

Потом Утюжок залез к Кате на постель и улегся в ногах. А Катя думала, кто еще завтра приедет смотреть Утюжка. Наверное, самые главные. Может быть, сам Ворошилов приедет. Вот тогда все будут знать, что к ней Ворошилов приезжал. Он на лошади приедет.

7. Во дворе

Утром папа сказал:

— Непременно надо кошку выводить гулять, а то она без воздуху запаршивеет.

После завтрака мама сказала Кате:

— Ну, пойди во двор, выведи кошку погулять. Слыхала, что папа сказал?

Катя сказала:

— А вдруг она убежит?

— А ты на веревочке выводи,— сказала мама.

— Мальчишки во дворе непременно отнимут,— сказала Катя. Кате очень не хотелось, чтоб все во дворе видели Утюжка. Пусть придут, попросят показать. И кому Катя захочет, тому и покажет, а другим не будет. Им нос будет, вот и все.

Лучше вечером повести Утюжка во двор, когда темно. Никто ничего не увидит.

Катя сказала:

— Мама, давай лучше вечером.

Но мама строго сказала:

— Что за глупости ты выдумываешь. Если боишься мальчишек, давай я с тобой пойду.— И стала навязывать Утюжку на шею ленточку, а к ленточке привязала веревочку.

Мама с Катей повели Утюжка на веревочке во двор.

На лестнице было много кошек. Все кошки шипели и отскакивали прочь, как только Утюжок подходил ближе.

Утюжку было страшно, что на него шипят кошки, и он жался к Кате. Катя взяла его на руки и снесла вниз, и пустила гулять на веревочке.

Во дворе бегали две собаки. Они, как увидали Утюжка, бросились со всех ног к нему. Катя напугалась, закричала, мама стала махать на собак рукой. А они бежали прямо на Утюжка. Катя хотела схватить Утюжка, но собаки не добежали. Они издали только рычали, а подойти боялись.

Мама сказала:

— Они никогда такой кошки не видали и испугались.

Утюжок никуда не отходил от Кати. Он терся об ее ноги и мяукал.

Один мальчик увидал Утюжка.

Он остановился и стал кричать:

— Ух ты, какие! Ух ты! Глядите!

И еще бежали мальчики.

Катя хотела скорей унести Утюжка, чтоб не видели.

А мама подталкивала Утюжка ногой и говорила:

— Ну гуляй, гуляй, не бойся.

8. У Любы еще лучше будет

Вдруг прибежала соседка из их квартиры и сказала, что к ним гости пришли: две дамы и девочка с ними.

Катя скорей схватила Утюжка и побежала домой. Катя думала, что опять пришли важные или на автомобиле приехали, чтоб смотреть Утюжка.

А это, оказалось, пришли Люба, и Любина мама, и с ними художница. Любина мама заказала этой художнице, чтоб разрисовать кошку так же, как Утюжка. Вот эта художница и хочет посмотреть, как разрисовали Утюжка.

А Люба тихонько говорила Кате:

— У меня будет в сто раз красивее кошка, чем у тебя. У меня в бальном платье будет, и будут еще бантики нарисованы и на лапках часики. Вот что!

А вечером пришел Онуфрий и опять смеялся на весь дом.

— Го-го-го! А как наш Утюг?

Мама рассказала, как приезжали смотреть, что был директор цирка.

А Катя сказала, что Любе еще лучше раскрасят кошку.

Онуфрий опять засмеялся:

— Пускай! А я вот нарисую Утюжку брови черные-пречерные и губы накрашу и щеки розовые. Го-го! Будет такая красавица, что весь город придет смотреть. Давай я ее на один день к себе возьму.

Папа сказал:

— Никуда ты не возьмешь. Кошка останется здесь.

Кате стало жалко, что папа не дает Онуфрию сделать, чтоб лучше, чем у Любы было, и Катя надулась. И села так, чтоб Онуфрий видел, что она сейчас заплачет.

Онуфрий увидел, подошел и сказал Кате на ушко:

— Я днем приду с красками и разрисую, пока папы нет. Ладно?

Катя закивала головой, что да.

Потом сказали, что пришли мальчики и девочки со двора, что они все на кухне и просят, чтоб показать Утюжка.

Катя закричала на весь коридор:

— С какой стати! Пусть идут вон, ничего мы показывать не будем. Я сейчас с мамой в цирк еду. Мне директор билеты подарил. Мама заглянула в кухню, в дверь, и потом сказала Кате:

— Пусть посмотрят. Ничего кошке не сделается.

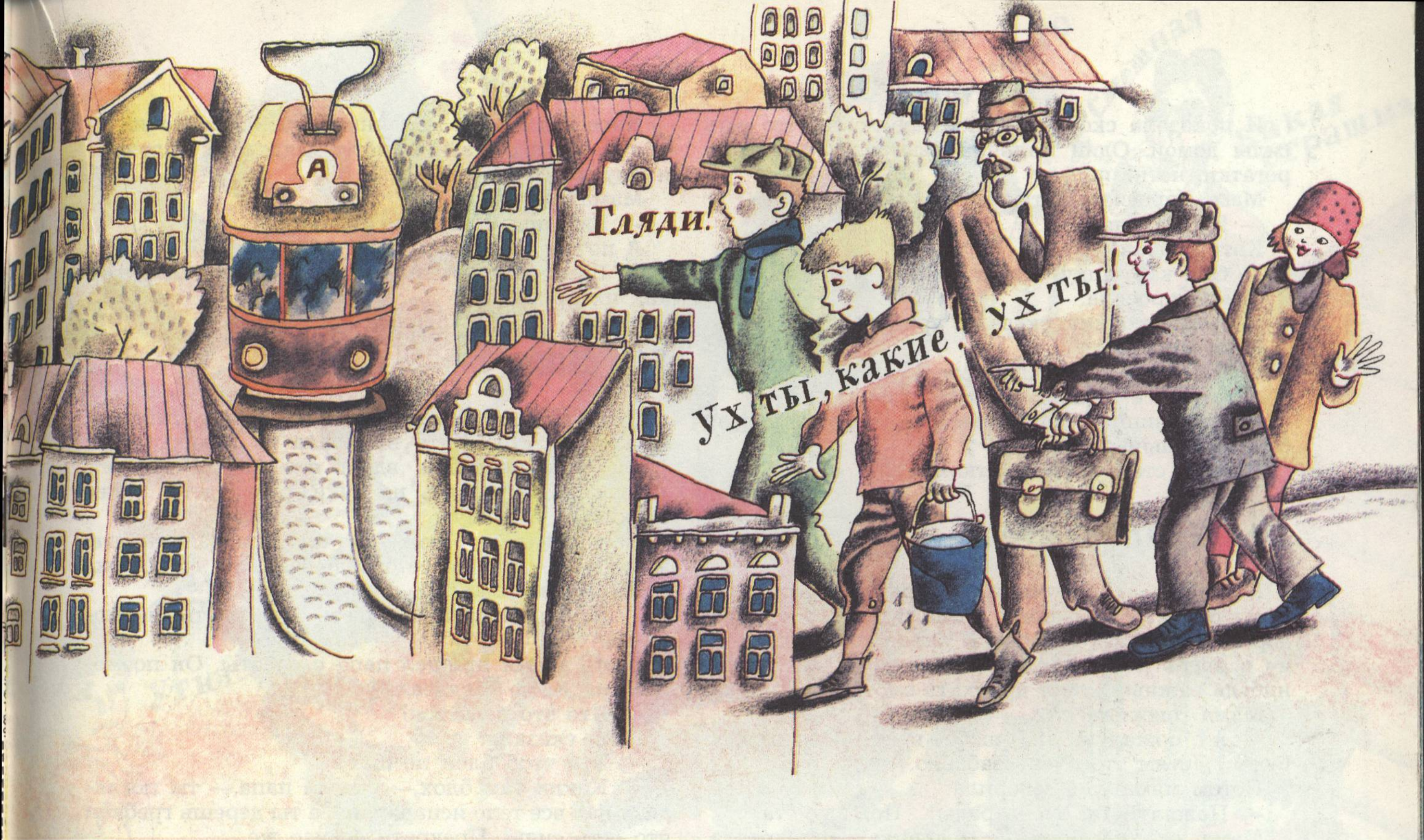
И еще тихонько прибавила:

— Твоя подруга там, Таня рыженькая.

А Катя опять громко закричала:

— Ну, и пускай рыженькая! А мы в цирк опоздаем. Пойдем, пойдем!

И Катя ушла с мамой в цирк. Мама по дороге говорила Кате:

— Что это с тобой стало? Кричишь, жадничаешь. Я все это прекращу скоро.

А в цирке было очень весело, и мама ничего больше не говорила, что прекратит, а только про цирк и как львов показывали.

9. Таня рыженькая

На другой день мама сказала Кате, чтобы она непременно пошла к Тане рыженькой, попросила бы прощения и позвала бы к себе посмотреть Утюжка.

Кате очень стыдно было идти просить прощения у Тани рыженькой. Катя сказала, что Онуфрий придет сегодня, он обещал: он принесет краски и нарисует брови Утюжку и губы. Когда все будет готово, она тогда позовет Таню рыженькую. А мама говорила, чтоб Катя сейчас же шла. И чтоб непременно просила бы прощения.

Катя оделась и пошла через двор в Танину квартиру. На дворе мальчишки, как увидали Катю, стали кричать все в один голос:

Сидит Катька на диване,
У ней кошка в сарафане.

Потом стали все в ряд и пальцами на Катю показывали и опять кричали:

Сидит Катька на диване...

Катя бегом побежала через двор и прибежала к Тане рыженькой. Таня сидела в кухне и чистила маме своей картошку.

Катя сказала:

— Я потому вчера не хотела показывать моего Утюжка, что все были. Я никому не хочу, а тебе хочу. Пойдем ко мне.

Таня рыженькая сказала:

— Нет, не пойду.

— Моя мама тоже сказала, чтоб ты непременно шла,— сказала Катя и хотела взять Таню за руку, чтоб вести.

А Таня рыженькая сказала:

— А мне мама сказала, чтоб я картошку чистила. Я хочу картошку чистить, а к тебе не пойду.

Катя сказала:

— У меня еще шкапчик есть. С зеркальцем. Для кукольных платьев. Они там на крючочках висят.

Таня сказала:

— Все равно, пускай и шкапчик. Я хочу картошку чистить. Вот и все.

И больше не стала говорить.

Катя пошла домой. Когда она шла вниз по лестнице от Тани, один мальчик снизу прикрикнул:

— Идет! Идет!

И все мальчишки сбежались и снова стали в ряд и запели со всей силы:

Сидит Катька на диване,
У ней кошка в сарафане.

Катя сначала шла через двор шагом, а мальчишки за ней пошли и все пели про Катю. Катя побежала со всей силы к своей лестнице. А когда добежала, крикнула из дверей:

— А ко мне директор из цирка приезжал, а вам всем вот!

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

И показала скорей язык и побежала, что есть силы домой. Один мальчик выстрелил в нее из рогатки, но не попал.

Мама спросила Катю:

— Ну, а Таня где?

Катя сказала:

— Она картошку чистит.

Мама спросила:

— А как кончит, сказала, придет?

Катя заплакала.

— Чего ты? — спросила мама.

А Катя все плакала. Потом сказала:

— Мальчишки противные. А Утюжка нельзя бензином вычистить?

И Катя стала искать Утюжка.

10. Председатель

В это время постучали в дверь и сказали, что маму просят к телефону. Мама побежала в коридор говорить по телефону, а Катя просунула голову в дверь и стала слушать: а вдруг опять кто-нибудь важный хочет приехать смотреть Утюжка.

Мама говорила:

— Ах, пожалуйста! В любое время. Очень рады будем. Детям это очень забавно.

Потом мама еще говорила:

— Пожалуйста, очень рады!.. Пожалуйста.

Мама от телефона на цыпочках прибежала. Очень веселая и красная. Мама сказала шепотом, что говорил сейчас по телефону самый главный папин начальник. Папа его никогда даже не видел: он не в том доме бывает, куда папа на работу ходит, а в самом главном, и что этот начальник называется председатель. У него есть мальчик, уже большой, ему двенадцать лет скоро, и этот мальчик хочет посмотреть Утюжка и председатель тоже. И, может быть, сам председатель с мальчиком приедет, а может быть, с мальчиком приедет его мама.

Катя спросила:

— На своем автомобиле?

Мама сказала:

— Не знаю. Наверно, у них свой автомобиль. Завтра они приедут. Днем, наверно. А где у тебя Утюжок?

Катя стала искать Утюжка. Утюжок сидел под кроватью. Катя скорей вытащила Утюжка оттуда, посадила на колени и стала гладить.

Стала приговаривать:

— Вот какой у меня Утюжок красивый, самый красивый на свете. Мама! Можно я Утюжку бусы надену?

А мама сказала:

— Ты вот молока-то ей с утра давала, кошке своей? Со вчерашнего дня блюдце сухое стоит.

Катя взялась за молочник. Утюжок вскочил на пол и терся о Катины ноги, глядел на молочник и мяукал.

Мама сказала:

— Видишь, какая она голодная.

А потом сказала:

— Бусы — это очень смешно будет. Я посмотрю, как их прицепить.

11. Папа

Перед обедом мама дала Кате старый гребешок и сказала, чтоб Катя вычесала из Утюжка всех блох: а то неудобно, вдруг кто-нибудь приедет, захочет кошку взять на руки, разглядеть, а там блохи так и скачут.

Катя посадила Утюжка на стул и начала чесать. Утюжок мяукал и все оглядывался на гребешок.

Катя говорила:

— Да не вертись, посидеть ни минуты не можешь.

В это время пришел папа с работы. Он посмотрел на Катю и сказал:

— Что это делается?

Катя сказала:

— Это чтоб блох не было.

— Каких там блох,— сказал папа,— ты погляди, у ней все тело исцарапано, а ты дерешь гребнем что есть силы. Прекрати сейчас же.

Папа пошел пальто вешать в коридор. Утюжок спрыгнул со стула и побежал за папой.

Папа купил на службе бутерброд и дал Утюжку колбасу.

После обеда мама послала Катю в кухню посмотреть, не закипел ли чайник. Катя подождала, пока чайник закипит совсем, и побежала сказать.

Когда Катя вошла в комнату, она увидала, что папа очень сердитый и ходит по комнате, а мама красная сидит за столом и смотрит вниз, и папа говорит:

— Пожалуйста без председателей и без всяких кошачьих знакомств.

А тут как раз позвонили, и пришел Онуфрий. Онуфрий загоготал сначала, а потом сказал:

— А ну давай-ка твою красавицу, мы ей красоту наведем!

Онуфрий достал из портфеля баночку и кисточки, а Катя стала ловить Утюжка. Утюжок боялся Онуфрия и опять убежал под кровать, а то сидел у папы на коленях.

Вдруг папа повернулся к Онуфрию и сказал очень сердито:

— Довольно этих дурачеств, и я не дам еще уродовать кошку. Убери все назад.

Папа пальцем показал Онуфрию на портфель. Это чтоб он краски и кисточки назад спрятал.

Онуфрий сказал:

— Что это ты нынче так сердито? Иван Грозный какой.

— Нечего кошек мучить, а садись вот лучше и чай пей,— сказал папа.

Мама сказала:

— Пожалуйста, Онуфрий Васильич, я вам налила.— Мама подвинула стул Онуфрию.

Онуфрий сел, начал пить чай и выпил уже полстакана. А потом вдруг вскочил, сказал: а ну вас! — взял свой портфель и вышел. Мама за ним побежала. Папа за Онуфрием не пошел, а все ходил по комнате.

Мама только что вернулась в комнату, а тут постучалась соседка и сказала, что маму спраши-

АВГУСТ

пн.		7	14	21	28
вт.	1	8	15	22	29
ср.	2	9	16	23	30
чт.	3	10	17	24	31
пт.	4	11	18	25	
сб.	5	12	19	26	
вс.	6	13	20	27	

Фирма «Роллс-Ройс Мотор Лимитед» — одна из достопримечательностей Великобритании. Посудите сами: машины на конвейере собирают вручную. Автомобиль, который вы видите на рисунке, имеет объем двигателя 6750 кубических сантиметров (у самых мощных «Жигулей» объем всего 1600), а скорость его 190 километров в час.

вает какая-то девочка в кухне, а сюда она идти не хочет.

Мама пошла. Катя выбежала за ней следом. Мама вошла в кухню, а Катя осталась за дверью и стала слушать, кто это пришел.

Катя узнала, что это Таня рыженькая. Таня сказала, что ее мама прислала спросить:

— Не дадите ли ситечко?

Мама сказала:

— Хорошо, пожалуйста. А ты почему не зайдешь кошку посмотреть?

— Мама сказала, чтоб скорей приходила,— ответила Таня рыженькая.

Мама спросила:

— А Катя приходила к тебе? Она сказала тебе, извини меня, пожалуйста?

Катя, как услышала, что мама спрашивает Таню рыженькую про извинение, испугалась и побежала скорей на цыпочках назад в комнату.

По комнате папа ходил очень сердитый, все взад и вперед, и курил папиросу.

Потом пришла мама. Мама ничего Кате не сказала, только сердито поглядела на Катю.

Катя скорей стала ложиться спать.

Мама подошла к Катиной кровати и сказала шепотом:

— Ты в кровать не прячься: я все, все знаю, дорогая моя: хороша, ничего сказать.

Утюжок вспрыгнул к Кате на кровать, но Катя его потихоньку оттолкнула.

12. Лгуши

Утром Катя проснулась оттого, что соседка в дверь кричала:

— Что это вам в телефон все звонят да звонят весь день. Я вам не прислуга ходить да звать. Ходите сами.

А потом Катя слышала, как соседка в коридоре сказала громко:

— Кошачья барыня!

Это она про маму.

Катя стала одеваться. Папы уже не было, он на работу ушел. Мама пришла от телефона сердитая и стала чайную посуду мыть и очень брякала, все говорила:

— Я уже не знаю, что там отвечать... Кажется,

из какого-то детдома звонили... Я уж не знаю... не знаю...

А когда Катя пила чай, мама села напротив, посмотрела на Катю сердито и сказала:

— Что это вы за лгуши такие! — И застучала пальцем по столу.— Танька твоя тоже говорила, что ты просила прощения, а я вижу, что все неправда. Ага! Вот и ты покраснела. Что это ты за манеру взяла лгать! От кого это ты научилась? Смотри мне в глаза! Я вот Таниной маме расскажу, какие вы обе.

Мама быстро собрала посуду, взяла кошелку и сказала Кате, чтоб она подбегала к телефону и говорила, что мама через полчаса придет.

Мама ушла на базар, и Катя кой-как оделась и побежала к Тане. На дворе мальчишек не было, и Катю не дразнили.

Катя позвала Таню в коридор и сказала:

— Танечка, вот хорошо, что ты моей маме так сказала. Мама хочет к твоей маме идти говорить, что мы лгуши. А мы вовсе не лгуши, вот я тебе говорю: пожалуйста, извини! Значит, говорила. А я тебе, Танечка, Утюжка подарю. Я завтра тебе принесу.

Таня говорила:

— Не надо, пусть у тебя будет. Тебя заругают, если подаришь.

А Катя говорила:

— Вот увидишь. Честное-расчестное слово. Утюжок мой, кому хочу, тому и подарю. И в шкапчик будем с тобой играть?

А Таня все говорила:

— Не надо, заругают.

Тут Танина мама крикнула:

— Таня, посмотри, утюг нагрелся?

Таня сказала:

— Ну, потом! — И побежала в кухню. Катя скорей пошла домой, вдруг там по телефону звонили. Соседка будет сердиться и скажет маме, что Катя убегала.

Катя только что дверь открыла, слышит звонит телефон. Скорей подбежала и крикнула в трубку: алло!

А из трубки мужской голос спрашивает маму. Катя сказала, что мама вышла и через полчаса будет.

Мужской голос в телефон сказал:

— Ну-ну! Так вот передай маме, что мы с сынишкой к трем часам приедем. Мы только кошку твою посмотреть. Покажешь?

Катя стала скорей говорить:

— Очень! Пожалуйста! Сейчас! Очень...

Трубка заглохла и больше никто не говорил. Катя повесила трубку.

13. Какой ужас!

Когда мама пришла, Катя сказала, что, наверно, говорил председатель и что он в три часа, сказал, приедет.

Мама сказала:

— Хорошо, что я печенья купила, а то к чаю нечего подать. Ты кошку свою причеши хоть немножко, да щетку мне принеси. Я хоть пол подмету. А то ведь что подумать могут.

Катя посмотрела под кровать. Утюжка там не было.

— В кухне, должно быть, сидит,— сказала мама.— Неси щетку, успеешь с кошкой.

Катя побежала в кухню, нашла свою щетку. Поглядела под стол — Утюжка нигде не было.

— Скоро ты? — крикнула мама из коридора. Катя побежала со щеткой.

— Теперь ищи кошку свою,— сказала мама и стала мести пол.

— Спроси, может быть, она у соседа.

Катя побежала к старичку-соседу и спросила:

— У вас, дедушка, нет нашей кошки?

— А это не она? — сказал старичок и показал: на сундуке сидела какая-то белая кошка.

Катя пошла. Кошка спрыгнула с сундука, подбежала к Кате, заурчала и стала тереться боком об ноги, горбить спину.

— Ишь, узнала хозяйку,— сказал старичок.

Катя глянула: вся шерсть на кошке была как нарытая. Она была кусками и полосами выхвачена и на ней были ямки и канавки. А голова была острижена, как под машинку.

— Фу, какая! — закричала Катя.— Она, наверное, запаршивела. Это не наша.

Катя выскочила от соседа. Кошка побежала за ней.

— Мама! — закричала Катя.— Там нет Утюжка.

Мама сказала:

— Ну, иди. Фу, тут на кресле волосы от нее. Она линяет, что ли? — И мама стала сбивать с кресла кошачью шерсть и вдруг оглянулась.

— Это что за чудище? — Мама увидела кошку, что увязалась за Катей. — Ах, ах! — закричала мама.— Ведь это она! Это Утюжок! Его остригли. Какая гадость, кто это? Так это здесь, на кресле, значит, и стригли.

Мама так и села на кровать.

— Что же теперь делать? Ведь они через четверть часа приедут. Какой ужас!

Мама побежала в коридор. Мама схватила телефонную книгу и все ее листала и говорила:

— Я не знаю их телефона!.. Может быть, они еще не выехали. Надо позвонить скорей. Ах, какой ужас!

Наконец, мама нашла в книге номер телефона. Позвонила, прижала к уху трубку, и топала ногой, и все говорила: «Какой ужас, никто не отвечает! Ах, какой ужас»...

14. <...>

В это время в дверь позвонили. Катя бросилась отворять. Вошел очень большой человек, на нем дождевое пальто размахивалось и очень шуршало. Катя в его полах запуталась, он сам дверь запер. А из-за него выбежал мальчик. Он пробежал, хромая, прямо к маме и громко заговорил:

— У кого кошка? Крашеная. У вас?

Катя поняла, что это председатель.

А старуха-соседка как раз вышла из кухни с горячей кастрюлькой и сказала тихо:

— Кошатники!

А председатель сверху на весь коридор:

— Что такое?

Старуха заговорила:

— А ничего, батюшка, ничего.

И зашлепала скорей-скорей к себе, и из кастрюли расплескала.

Председатель зашуршал своим плащом и сказал на всю квартиру:

— Это я звонил вам. Мы кошку пришли смотреть.

На мальчике была шапка с ушами, он головой вертел, кошку искал, и уши болтались. Катя усмехнулась, а мальчик к ней:

— Чего смеешься? У тебя кошка? Пойдем! Как тебя звать?

А мама говорила впопыхах:

— Ах, это я вам звонила. Право, мы не виноваты, такое несчастье, такое нам безобразие сделали.

Председатель сказал:

— Какое несчастье? В чем дело?

И прошел за Катей и за мальчиком в комнату.

Мальчик сразу увидел Утюжка и стал его ловить.

— Ах, ах! — говорила мама.— Лучше не смотрите.

А мальчик уже взял на руки Утюжка и к папе:

— Папа! Вот смешно: она стриженая, а не крашеная вовсе.

Председатель сверху глянул и сказал громко:

— Ну, Петя, значит, остригли.

Мама вверх глядела на председателя и говорила:

— Честное слово, она была чудно раскрашена. Один настоящий художник ее раскрасил.

— Глупый художник,— сказал во весь голос председатель.

— И вот вдруг смотрим,— сказала мама,— а кто-то все выстриг.

— И отлично сделал! — сказал председатель.— А то б она у вас с ума сошла.

— Извините, что так вышло,— говорила мама.— Я звонила вам, но никто не отвечал.

— Я вот ехал к вам, сказать хотел, что надо кошку вымыть как-нибудь. Честное слово, нельзя же живое существо так мучить.

— Может быть, чаю выпьете,— сказала мама.

— Стойте! — сказал председатель.— Я кошке рыбы привез. Как ее зовут? Утюжок? Вот здорово!

Председатель достал из портфеля рыбу в бумажке, а Утюжок уже услыхал, вырвался от мальчика и стал тянуться к рыбе.

— Ишь, шустрая какая! — сказал председатель. Присел на корточки и стал кормить Утюжка. Утюжок от радости урчал на всю комнату.

Председатель погладил Утюжка и сказал:

— Это все зарастет, отличная будет кошка.

— Папа! Смотри, шкапчик какой хорошенький,— закричал Петя и схватил Катин шкапчик.— С зеркальцем и отворяется.

15. Крючочек

Петя повернул шкапчик спинкой и дверка открылась.

— Это потому, что нет запора! — закричал Петя.— Катька, у тебя булавок нет? Дай мне три булавки, я тебе сейчас крючок сделаю. Давай, давай! И щипчики от сахару.

Мама вскочила и стала на комоде перебирать. Мама говорила:

— Пожалуйста, булавок сколько угодно.

Петя тоже к комоду подошел:

— А вот у вас плоскогубчики маленькие есть, чего ж вы не говорите. Какие хорошенькие! Папа! Смотри, какие плоскогубчики!

Катя сказала:

— Это папины щипчики.

Мама сказала:

— Это ничего, пожалуйста, берите.

А Петя давно уже взял и булавочки ими гнул.

Мама говорила председателю:

— Вы бы чаю стаканчик выпили с печеньем.

— Да нам идти сейчас,— сказал председатель и повернулся к Пете: — Ты надолго там мастерскую затеял? Ну, налейте стаканчик, не откажусь.

Катя сказала Пете:

— Ты не поломай! Смотри, как хватаешь.

А Петя сказал:

— Ты не лезь, я знаю!

И очень крепко взял шкапчик. Но шкапчик ничего, не поломался.

А мама все говорила председателю:

— Берите печенье.

Председатель говорил:

— Да беру, беру, видите.

Утюжок доел рыбу и вскочил председателю на колени.

Мама сказала:

— Ах, я ее видеть теперь не могу.

А председатель сказал:

— Почему? Отлично, что состригли всю эту ерунду. И будет веселая кошка.

— Да, так кошке спокойней, конечно,— сказала мама.

— Так в чем же дело? — сказал председатель.

А Петя уже кончил и все пробовал, как шкапчик запирается на крючочек и отпирается.

Катя сказала:

— Дай мне, дай я.

А Петя сказал:

— Стой ты! Поспеешь.— Локтем Катю отвел.

Потом понес своему папе показывать и сказал:

— Что, здорово или нет?

Председатель встал и сказал:

— Ну, ладно: кончил и пошли. Спасибо за угощение.

— Извините,— сказала мама,— извините, что так вышло.

— А очень хорошо вышло,— сказал председатель,— до свидания.

Председатель пошел по коридору, зашуршал своим пальто, а старуха соседка из кухни его увидела и скорей кланяться стала:

— Прощайте, батюшка. Час добрый.— А потом маму спросила шепотом:

— Кто ж это был, такой видный?

Мама ничего ей не сказала. Мама побежала к себе в комнату, взяла Утюжка на колени, прижимала его к себе и говорила:

— Какой милый! Какой милый!

Кате тоже хотелось Утюжка поласкать, а мама все у себя держала.

Потом пришла Таня рыженькая, и они с Катей играли в шкапчик и отпирали крючочком и запирали.

Вечером пришел папа. Он сказал, что это утром он состриг с Утюжка всю раскраску.

А на другой день от Любы по телефону сказали, что ее кошка всю краску слизала и чуть не околела.

Леонид ЯХНИН

Последний день Герники

Ночь взорвалась. В огне и грохоте рушились дома. Багровая пыль, мешаясь с дымом разрывов, застилала небо. Крики детей заглушались воем самолетов. В ужасе метались люди, ища спасения. Спасения не было нигде. Разрушенные дома зияли глазницами окон. В разломах сквозили вздыбленные балки и переплетения искореженных перил. Стены плашмя падали поперек улиц. Деревья скашивала бешеная воздушная волна. Огонь. Грохот. Вой моторов. И смерть, настигающая повсюду. Мать, умирая, прикрывает собой дитя. Беспомощный старик слабыми руками пытается разгрести груду камней, под которыми погребена его семья. «Иезус Мария!.. Пощадите!» Беспощадная слепая сила настигает всех и везде. Гибнет Герника. Почти никому досель неизвестный испанский городок. Утром 28 апреля 1937 года он перестал существовать. Германские фашисты, пришедшие на помощь мятежнику Франко, разбомбили город до основания. И было это в разгар испанской войны.

Минотавромахия

«Живопись не просто украшение стен. Она оружие для нападения и обороны от врага». Эти слова принадлежат великому художнику XX века Пабло Пикассо. Он имел право сказать так. Его сатирические рисунки «Мечты и ложь генерала Франко» в виде открыток разлетелись по всему миру, а вырученные от их продажи деньги Пикассо отдал в фонд республиканского правительства Испании. Рисунки превратились в оружие. Но и сама живопись Пикассо была оружием в борьбе с фашистами.

Гибель Герники захлестнула художника горечью и ненавистью. Два месяца в огромном сарае-мастерской писал не отрываясь он обширное панно. И в июне 1937 года Герника возродилась. Кисть художника победила бомбы. Картина «Герника» потрясла людей. С этого момента маленький городок басков стал известен миру. А его трагедия превратилась в символ разрушительной машины войны.

Нашествие фашистов подобно чудовищной фантасмагории. Борьбу, войну с фашизмом Пикассо назвал Минотавромахией. Страшное чудовище древнегреческого мифа — человекобык — Минотавр ежегодно требовал в жертву семь лучших девушек и юношей. Жертвы фашизма исчисляются десятками миллионов.

Люди Земли еще не знали, что через несколько лет рядом с Герникой встанут зверски разрушенные Хатынь, Лидице. Но тогда, в 1937-м многие впервые увидели страшное лицо фашизма и содрогнулись.

Быки и кони

«Герника» мало похожа на живописное полотно в нашем обычном представлении. Здесь только два цвета — черный и белый. Здесь нет перспективы в классическом ее понимании. Художник не пытается создать иллюзию пространства — добавить плоской картине третье измерение, глубину. Фигуры словно вырезаны из плоского листа. Они не объемны. И вообще что обозначают эти быки, кони, люди со светильниками?

Пикассо сам объяснил: «Бык — фашизм, кони — народ. Картина «Герника» символична».

Изломанные линии фигур. Воздетые к небу руки. Кричащие рты. Все переплетено, перемешано. Смещены пропорции и необычны ракурсы. Деформированы тела. И надо всем нависают равнодушные бычьи морды. Только они спокойны и неподвижны в этом тревожном хаосе тел, рук, голов, в этом ужасе смерти, разрушения. «Герника» насыщена символами. И каждый символ, словно египетский иероглиф, не просто условная картина, а художественный образ, в котором сконцентрирована мысль художника.

Черно-белый цвет — это ночь и высвеченные мгновенным мертвенно-белым светом разрывов кажущиеся поэтому плоскими лица. Неестественно повернутые головы, вывернутые руки, искаженные линии тел сразу говорят нам, что это убитые — только для мертвого естественны такие неестественные позы. И среди погибших в самом аду катастрофы — фигуры со светильниками в руках. Это свет жизни, который так легко задуть и в то же время невозможно погасить навсегда. А значит, это и свет надежды.

Вот какая сложная система символов. Но символ не перескажешь, не выразишь словами. Он действует на чувства, воспринимается почти интуитивно. И каждый видит за этим символом чуть больше того, что может объяснить.

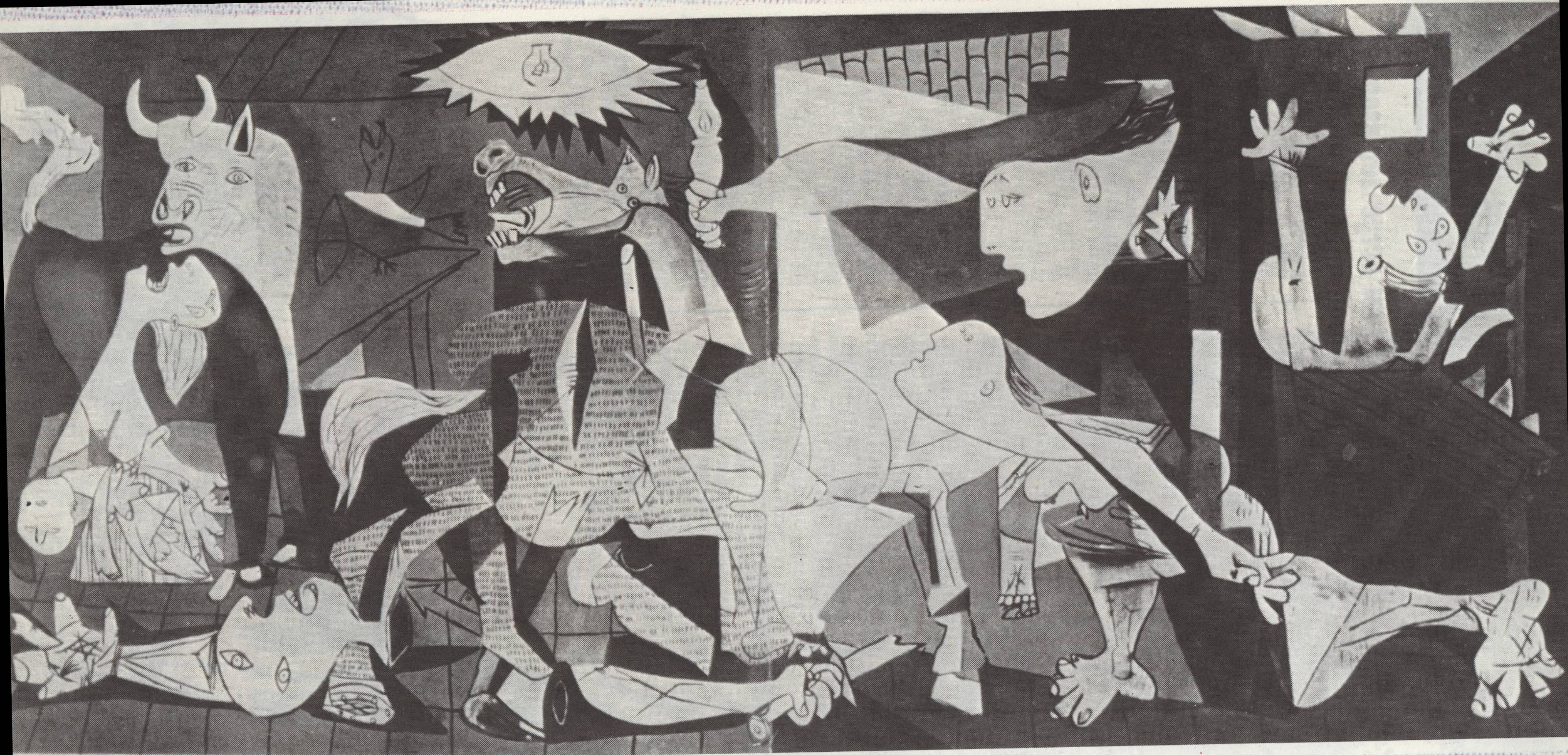
Символ света

Но почему Пикассо избрал для своей картины такую сложную систему символов? Зачем усложнил ее, не написав просто и понятно реальных людей, реальные самолеты, реальные развалины, реальных убитых. (Странное, между прочим, сочетание — реальные убитые, не правда ли?)

А может быть, художник не умел рисовать и за сложной символикой прятал свое неумение? Пабло Пикассо был великолепным рисовальщиком. Его рисунки даже сравнивали с офортами Рембрандта. Нет, напиши Пикассо реалистическую картину, вряд ли достиг бы он своей цели. В лучшем случае существовало бы еще одно свидетельство зверств фашистов, еще одна иллюстрация тому.

Пикассо нужно было большее — он хотел показать сущность фашизма, несущего миру разрушение и гибель, он хотел вывернуть наизнанку эту бычью философию равнодушной силы, затаптывающей все светлое, живое, свободное.

Система символов помогла художнику превратить трагедию маленького испанского городка в трагедию всего человечества. И мы видим, что художник пророчески предугадал чудовищную фантасмагорию мировой войны. Его «Герника» — это предупреждение человечеству. Она сама стала символом противостояния света свободы и человечности мраку тупой силы.

Пабло ПИКАССО. «ГЕРНИКА».

СОВЕТЫ ЗЕЛЕНОЙ ПРА

Приметы осени во всем встречает взор...

По календарю осень начинается 1 сентября. По астрономическим правилам — 22-го, в день равноденствия. В природе же — с первыми заморозками на почве. Красно-желтым со всевозможными оттенками разукрашивается лес. Созревают ягоды, растут грибы — благодать и изобилие.

Это месяц подготовки природы к зиме, а у зверей — лихорадочного оживления. Начинается гон у лосей. Самцы становятся непомерно драчливыми. Всякий зверь их сторонится. И вы, ребята, если встретите в лесу лося с прижатыми ушами (это говорит о том, что он готов к нападению), уступите ему дорогу, тихонечко уйдите. Только медведь не боится драчунов. Иногда даже сам за лосем охотится. Осенью косолапый не брезгует ничем. Ест ягоды, муравьев, жуков, ловит в реках рыбу. Он жиреет. Ведь для того, чтобы перезимовать и не проснуться в январе — феврале от голода, надо накопить несколько пудов жира. А уж перед тем, как залечь в берлогу, он наедается мухоморов: для того, чтобы перед долгим сном основательно прочистить желудок и избавиться от паразитов. Мухоморы едят не только медведи. Ими лечатся лоси и даже олени. Так что не сшибайте их, если пойдете за грибами. Не отстают от медведя и другие звери, птицы и даже насекомые. Все стараются наесться впрок, а кое-кто — и запасов наготовить. Например, белки и птицы-кедровки.

Пора приступать к заготовке кормов и вам, ребята. Не отставайте от обитателей леса — собирайте шишки, желуди, орехи, ягоды крушины и можжевельника, семена разных трав. Кисти бузины и рябины тоже пригодятся.

Осенью всем хватает корма, а вот зимой зверям и птицам придется туго. Тогда-то и пригодятся ваши запасы. **Развешивайте кормушки.** Для животных очень важно, чтобы корм не мок под дождем или снегом, не смерзался в лютые холода. Поэтому лучше всего кормушки устраивать в тихих местах. А особенно заботливо кормить обитателей леса в ненастье и лютые холода. **Кстати, кто за лето сделал, но не успел повесить скворечники и синичники,— не отчаивайтесь. Их можно повесить сейчас.** Не всем птицам хватит природных квартир, и многие с удовольствием поселятся в ваших домиках.

Очень скоро наш лес станет прозрачным и пустым. Когда ягод уже нет, многие птицы (глухарь, тетерев, рябчик) начинают есть почки, побеги и хвою. Для такого грубого корма нужна подготовка. Осенью пернатых можно встретить на берегах лесных рек, земляных осыпях и даже на убранных и перепаханных полях. Птицы роются в земле — клюют крошечные камушки и мелкую гальку. В птичьем желудке они становятся «жерновками» для переработки грубой пищи. Ведь жевать птицам нечем — зубов у них нет. Зимой отыскать камешки трудно. Вот и запаса-

ются ими загодя. **Вы можете помочь им, насыпая гальку или крупный песок на склонах или под густыми кронами елей, где их не сразу занесет снегом.**

А как готовиться к осени горожанам? Как они могут помочь природе? На субботниках вы, ребята, скоро будете убирать шуршащую листву около школ и домов. На улицах начнут чадить костры из сжигаемых листьев. **Уж лучше листву не сжигать, а, надежно закрепив** (чтобы ее не разметал ветер), **так и оставить до весны.** За зиму листья перепреют: получится неплохое удобрение. **Знайте, костер — мощный источник загрязнения воздуха.** Даже если сжигаются просто картон, бумага и опавшая листва — дым ядовит. За весну и лето листья в городе накопили много вредных веществ (свинец, кадмий, мышьяк и т. д.). Вот и находят ученые в дыму вроде бы безобидных костров много ядовитых химических соединений. Положение сильно ухудшается, если в костер попадают лаки, краски и полиэтилен. Вполне достаточно нескольких старых полиэтиленовых пакетов или кусочка пластмассы для того, чтобы в дыму появились страшные диоксины, цианистый водород и синильная кислота.

Осенние заботы — такие же важные, как и заботы других времен года...

Прощаюсь с вами, ребята. Уже до зимы.

Ваша Прапрапра... бабушка

ЗЕЛЕНАЯ КНИГА

Зеленая Книга открыла свои первые страницы: мы объявили о ней в № 2 за этот год.

Вырезки из газет, журналов об экологических драмах и трагедиях нам присылают не только ребята, но и их родители, бабушки, дедушки. На наш призыв — создать **Зеленую Книгу** — откликнулись те, у кого душа болит об израненной природе.

ЖДЕМ НОВЫХ ВЫРЕЗОК!

Не забудьте указывать, в каких периодических изданиях вы их нашли!

...При городской станции юннатов занимаются 450 учащихся от 9 до 14 лет... В прошлом году юннаты кружков охраны природы и цветоводства провели экспедицию по учету редких растений в урочище Русятки. Результаты оказались печальными... Сиротливо смотрятся островки этих цветов на карте Русятки. И хотя есть постановление облисполкома об охране раннецветущих и юридической ответственности, но продолжают рвать ландыши и другие первоцветы горожане. Бабушки спокойно продают эти цветы на рынке, у магазинов в центре города...

Юннаты города участвуют в рейдах «голубых» и «зеленых» патрулей. В 1983 году кружковцы провели экспедицию по реке Вязьме... Результаты экспедиции оформили на 150 больших чертежных листах. Доложили о ней обществу охраны природы и в горисполком. Нам ответили, что в ближайшее время планируется осуществить ряд мер: построить мост, поднять уровень, очистить русло, разработать проект набережной.

Из всех мероприятий налицо лишь начатое благоустройство набережной...

(Вырезки из газеты «Ленинский путь» прислали со станции юннатов г. Вязьмы Смоленской области.)

* * *

...Мне приходится рыбачить на старом Хопре... В этом благодатном уголке несколько лет назад были посажены молодые сосенки. Некоторые из них уже достигли высоты четырехпяти метров. Радовала глаз поднявшаяся между деревцами ковыль-трава. Но однажды...

Приехал на рыбалку и не пове-

Рисунки А. ДЕРЖАВИНА.

рил своим глазам: черная, выжженная трава, обгорелые деревья. Говорят, это дело рук заезжих туристов, которые проезжали по Хопру... и остановились на ночлег. Развели костер, а потушить «забыли». Почти десятигектарная площадь стала пустошью.

И лишь благодаря мужеству ребят, заметивших дым и пламя от железнодорожного моста и прибежавших к месту пожара, огонь был укрощен и не допущен к основному лесу... За этот благородный поступок хочу сказать им большое спасибо.

Г. Поздняков,
ветеран труда, участник войны.
г. Поворино

(Вырезку из газеты «Слава труду» прислала Лена Остапенко из села Кардаиловка Воронежской области.)

С 1981 года при ООН существует Всемирное общество защиты животных. Штаб-квартира в Лондоне. В задачи общества входит спасение животных, пострадавших в результате хозяйственной деятельности и стихийных катастроф.

Площадь суши составляет 29 % общей поверхности Земли. Площадь земель, пригодных для возделывания, оценивается всего в 3 % от той же величины. 99 % продуктов питания человек получает благодаря использованию природных качеств почвы. Для естественного восстановления слоев почвы толщиной в 1 см требуется примерно 100 лет.

(Материалы из журнала «Наука и жизнь» прислал Дима Кротов из г. Ленинграда.)

ВИКТОРИНА «ЗМЕИ»

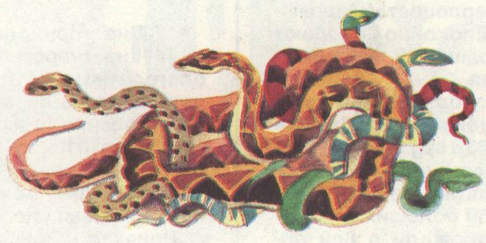
1989 год — год Змеи. Ему мы посвящаем нашу сегодняшнюю викторину. Ответы присылайте до 1 октября. Победителям ответит Зеленая Пра.

1. Как змея ползет?

2. Какое отношение крылатый конь Пегас имеет к змеям?

3. Где обитают змеи, которых ты видишь на рисунке? Перечисли названия этих змей.

Если взглянуть вокруг...

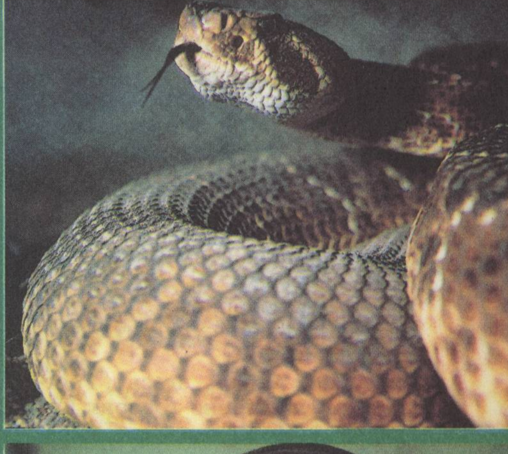
Что мы видим вокруг себя? Да много всякой разности. Дома, улицы, деревья, школьные стены, стенгазеты на них, лица учителей, друзей, недругов, автобусы машины, вечно спешащих людей,— и все это примелькалось, стало привычным и как бы незаметным. Другое дело, скажем, в лесу, в походе, у костра, на реке с удочкой или на байдарке. Здесь для нас все необычно и ко всему мы приглядываемся, отыскиваем новые неизвестные и неизведанные черты окружающего нас мира. А он ох как щедр на впечатления! Лягушка. Холодная и сырая. Бр-р! Противно. Но посмотрите, сколь совершенно это существо. И глазки, и ноздри, и лапки с малюсенькими пальчиками. Как оно прекрасно приспособлено для того, чтобы жить в воде, не бояться зимы, когда болотце промерзает до дна, легко находить пищу. А летучая мышь? С виду жуткое страшилище, вампир какой-то. Так и хочется бежать не чуя ног и без оглядки из того темного сарая, где она спит под потолком вниз головой. Но радар-то у нее какой: в полной темноте с приличной скоростью носится в ночи и никуда не врежется! Радар не хуже, чем у современного истребителя-перехватчика или у какой-нибудь наземной станции слежения. Недаром инженеры-конструкторы у животных, птиц, у насекомых да рыб кое-что перенимают, придуманное природой в своих изобретениях используют. И правильно делают: что велосипед-то изобретать! Все равно талантливей природы нам не стать. Появился в тридцатых годах лозунг: «Нечего ждать милостей от природы», ну и так далее. Вот милостей от нее и не ждали. А получили мертвые реки и озера, сведенные на нет леса, выжженную, отравленную землю. И за все это мы расплачиваемся своим здоровьем...

К чему все это долгое предисловие? Да чтобы сказать: «Вглядитесь в эти фотографии. Все эти существа, при всей своей даже самой странной внешности,— прекрасны. Да, вот так и больше никак! Прекрасны как жизнь. И в тот день, когда, не дай бог, не станет их, не станет и нас!»

В. КОЖЕМЯКИН

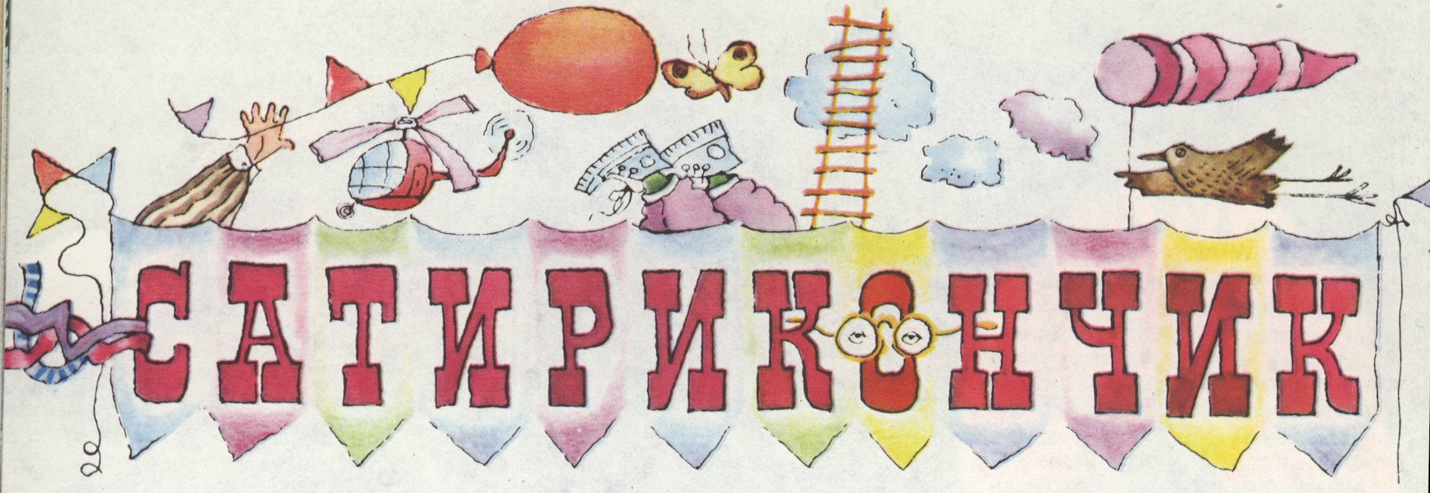
Фотографии Р. ПАПИКЬЯНА.

1. Фламинго.
2. Андский кондор.
3. Хамелеон.
4. Техасский гремучник.
5. Абиссинский ворон.

Страус нанду.— Смотри на IV обл.

В этом выпуске «Сатирикончика» у нас бенефис. Что такое бенефис? В общем-то слово это театральное. Так называли спектакль, поставленный в пользу одного из актеров. Этот самый один из актеров и роль главную играл, и весь сбор от спектакля получал. У нас главную роль будет играть (а значит, и весь сбор получит) писатель Константин МЕЛИХАН. В общем-то он на всю страну знаменит как специалист по джентльменам, но вот, оказывается, он и про веселую школьную жизнь тоже не забыл.

Константин МЕЛИХАН

УСПЕТЬ НЕ УПУСТИТЬ

Учились в одном классе два товарища: Петров и Сидоров. Петров прогульщиком был, а Сидоров — отличником. Вот и прикрепили Сидорова к Петрову, чтобы и Петров стал, как Сидоров.

Сидоров говорит:

— Что для отличника главное, Петров?

Петров говорит:

— Главное не упустить сегодня Гретцки.

— При чем здесь Гретцки? — удивленно говорит Сидоров.— Я тебя о деле спрашиваю.

— Дело в том,— говорит Петров,— что у Гретцки мощный кистевой бросок.

Рассердился Сидоров. А на другой день читает в газете: «Во втором периоде наши упустили Гретцки — и счет стал 3:1».

Удивился Сидоров. Подходит к Петрову. А Петрова нет. Звонит Сидоров Петрову домой:

— Петров, ты о чем-нибудь думаешь?!

— Думаю,— отвечает Петров,— как бы не упустить сегодня Марадону.

Рассердился Сидоров. А по радио вдруг говорят:

— Упустили! Упустили мы Марадону — и он послал головой мяч в наши ворота.

На другой день звонит Сидоров из школы Петрову домой:

— А упустили мы все-таки Марадону!

— Ничего! — говорит Петров.— Главное — не упустить сегодня Никоса Галиса.

— Понял,— говорит Сидоров.

И ушел с уроков раньше обычного. Комментатор по телевизору говорит:

— В который раз упустили мы Никоса Галиса! Свободно чувствует себя под нашим щитом Никос Галис.

На другой день звонит Сидоров из дому Петрову домой:

— Нет, но как мы упустили Никоса Галиса под нашим щитом!

Петров говорит:

— Только бы не упустить сегодня Льюиса на повороте.

— Далеко не уйдет,— говорит Сидоров.

— Не дальше финишной прямой,— говорит Петров.

— В крайнем случае мы Эрику Кох не упустим,— говорит Сидоров.

— На бревне,— говорит Петров.

Так они до сих пор говорят.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

«Ну, почему люди друг другу не верят? — размышлял мальчик.— Все чего-то проверяют, экзаменуют. Вот было б здорово, если б все друг другу верили. На слово.

Допустим, у тебя спрашивают:

— Штангу в сто килограммов возьмешь?

А ты говоришь:

— Возьму.

И все. Все тебе верят. Никаких дополнительных вопросов. Никаких дополнительных подходов. Сразу выставляют на соревнования.

А на соревнованиях выходишь на помост со штангой и кричишь:

— Возьму!

Судья говорит:

— А не обманываешь меня, старика?

Ты кричишь:

— Честное слово — возьму!

И зрители кричат:

— Возьмет! Возьмет!

Судья говорит:

— А двести кило?

Ты кричишь:

— Клянусь здоровьем моей бабушки!

И зрители кричат:

— Клянемся здоровьем его честной бабушки!

А судья — шапку с головы и об землю:

— А триста?!

А ты уже рубаху на груди рвешь:

— Возьму! Последней свиньей буду, если вру! Возьму, братцы! Но со второй попытки.

И кому же тогда присуждается победа? Тому, кто громче кричал. Или — тому, у кого металла было больше в голосе».

Так размечтался мальчик.

И вдруг он слышит голос учительницы:

— Выходи отвечать!

Он глаза открывает и говорит:

— Отвечу.

— Ну, отвечай, отвечай,— говорит учительница.

— Еще как отвечу! — говорит мальчик.

— Ну, ладно — пятерка,— говорит учительница.

— Только в дневник,— говорит мальчик.

— В дневник, в дневник,— говорит учительница.

— Ну, ставьте, ставьте,— говорит мальчик.

— И поставлю, поставлю,— говорит учительница.— Когда ответишь. А пока — двойка.

ЗАСЛУЖЕННАЯ ОЦЕНКА

Класс замер. Изабелла Михайловна склонилась над журналом и наконец решительно произнесла:

— Барсуков.

Все с облегчением вздохнули и захлопнули учебники. А Барсуков вышел к доске, почесался и почему-то сказал:

— Хорошо выглядите сегодня, Изабелла Михайловна!

Изабелла Михайловна сняла очки:

— Ну-ну, Барсуков, начинай.

Барсуков шмыгнул носом и начал:

— Прическа у вас аккуратная! Не то, что у меня.

Изабелла Михайловна встала и прошлась к окну:

— Ты что, не выучил урок?

— Да! — с жаром воскликнул Барсуков.— Каюсь! Ничего от вас не скроешь! Опыт работы — колоссальный!

Изабелла Михайловна улыбнулась и сказала:

— Ой, Барсуков, Барсуков! Покажи хоть на карте, где восстание началось.

Барсуков как-то неопределенно ткнул указкой.

— Ну, садись,— сказала Изабелла Михайловна.— Тройка...

На перемене Барсуков давал товарищам интервью:

— Главное — этой кикиморе про глазки запустить...

Изабелла Михайловна как раз проходила мимо.

— А! — успокоил товарищей Барсуков.— Эта глухая тетеря дальше двух шагов не слышит.

Изабелла Михайловна остановилась и глянула на Барсукова так, что Барсуков понял: тетеря слышит дальше двух шагов.

На другой же день Изабелла Михайловна опять вызвала к доске Барсукова.

Барсуков стал белым как полотно и прохрипел:

— Вы ж меня вчера вызывали!

— А я еще хочу,— сказала Изабелла Михайловна и прищурилась.

— Эх, такая улыбка у вас ослепительная,— промямлил Барсуков и затих.

— Еще что? — сухо спросила Изабелла Михайловна.

— Еще голос у вас приятный,— выдавил из себя Барсуков.

— Так,— сказала Изабелла Михайловна.— Урок ты не выучил.

— Все-то вы видите, все-то вы знаете,— вяло сказал Барсуков.— А зачем-то в школу пошли, на таких, как я, здоровье гробите. Вам бы к морю сейчас, стихи писать, человека хорошего встретить.

Склонив голову, Изабелла Михайловна задумчиво водила по бумаге карандашом. Потом вздохнула и тихо сказала:

— Ну, садись, Барсуков. Тройка.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

В ГОРОДЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Как известно, международные связи шахматистов в Европе стали налаживаться во второй половине XVIII века, однако в течение нескольких десятилетий споры между шахматистами решались только в матчах. Они проводились в разных странах, в разное время, и, естественно, в такой ситуации сравнивать класс игры лучших мастеров было непросто. А шахматный мир уже начал задавать вопрос: «Кто же сильней-ший?» Ответить на него мог только турнир. И вот в 1851 году в Лондоне во время Всемирной выставки был организован первый в истории шахмат представительный турнир. В нем играли 16 шахматистов из различных стран Европы. К сожалению, из пяти приглашенных русских шахматистов сумел приехать только

— Do you speak English? —

спросили Осю Б. из Новых Васюков на одной из туманных улиц...

Как вы уже догадались, наш неутомимый шахматопутешественник — в Великобритании. Позади у Оси Б. остались Франция, Венгрия, Индия...

К. Яниш, да и тот опоздал. Поэтому он смог сразиться с английскими мастерами за шахматной доской уже только после окончания соревнования.

Фаворитом турнира, проводившегося по кубковой системе с выбыванием, был англичанин Г. Стаунтон. Но первым на финише «состязания века» стал немецкий мастер А. Андерсен, выигравший все матчи. В Лондоне у него было немало интересных побед, однако мы сейчас посмотрим партию, сыгранную годом позже: она более всего характерна для его стиля. Обратите внимание на комбинацию, начатую на 20-м ходу, повнимательнее разберите ее, и тогда станет понятно, почему восхищенные современники назвали эту партию «неувядаемой, вечнозеленой».

Андерсен — Дюфрень

Гамбит Эванса

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. b4 C:b4 5. c3 Ca5 6. d4 ed 7. 0—0 d3 8. Фb3 Фf6 9. e5 Фg6 10. Ле1 Kge7 11. Ca3 b5 12. Ф:b5 Лb8 13. Фa4 Cb6 14. Kbd2 Cb7 15. Ke4 Фf5 16. C:d3 Фf5 17. Kf6 + gf 18. ef Лg8 19. Лad1 Ф:f3 20. Л:e7 + K:e7 21. Ф:d7 + Kp:d7 22. Cf5 + Kpe8 23. Cd7 +, и мат следующим ходом.

После окончания турнира Стаунтон решил восстановить свою репутацию. Он вызвал на матч Андерсена, но тот работал преподавателем в Германии, а летние каникулы уже кончались. Тогда Стаунтон бросил вызов Уильямсу, которому он проиграл в турнире. Финал этого матча отлично характеризует спортивную обстановку того времени: при счете 6:2 в свою пользу Стаунтон, которому оставалось выиграть всего одну партию, сдал матч, потому что его медлительный соперник действовал на нервы, иногда размышляя по 2 часа над самыми очевидными ходами, и каждая партия длилась от 15 до 20 часов.

Во второй половине прошлого века Лондон был центром шахматной жизни, и потому не случайно борьба с «тугодумами» началась именно здесь. В 1883 году рядом с шахматными досками впервые появились ныне хорошо известные шахматные часы с двойным циферблатом, которые стали непременным участником всех современных состязаний.

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

Однажды Тайманов и Ботвинник ехали в машине по Ленинграду. За рулем сидел Тайманов. На одной из площадей он превысил скорость и был остановлен инспектором ГАИ.

Тайманов решил прибегнуть к «сильному» средству:

— Я очень тороплюсь, так как везу чемпиона мира.

Инспектор заглянул в машину и, узнав Ботвинника, сердито воскликнул:

— И вы смеете везти чемпиона мира с нарушением правил! С вас двойной штраф!

* * *

Пока Ося Б. в пути, дедушка Остап Бендер сидит в редакции и отвечает на телефонные звонки. Вот один из его ответов.

— Да-да, это внук пошутил... В № 6 помещены две диаграммы. Чтобы их правильно прочитать, воспользуйтесь зеркальцем. К левой диаграмме поставьте его с левой стороны. А к правой диаграмме — с правой.

ПОДУМАЙ И РЕШИ

ШАХМАТНЫЙ ХАМЕЛЕОН

Посмотрите сначала на первую позицию.

Диаграмма 1

Белые начинают и дают мат в два хода.

Решив эту задачу, в исходной позиции поменяйте местами все белые и черные фигуры, у вас получится такая картина.

Диаграмма 2

Задание остается прежним — белые начинают и дают мат в два хода, а решение, понятно, становится другим.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ

«Пионер» № 8, 1988 г.

Диаграмма 1. Мат в три хода.
1. Cf6 gf 2. Kpf8 f5 3. Kf7×

При повороте доски на 180° — 1. Kpc3 b1Ф (1...b1K + 2. Kpc2 + Kc3 3. C:c3×). 2. Kc2 + Ф:c2 + 3. Kp:c2×.

Диаграмма 4. Мат в три хода.
1. Фf5 C:f5 2. Ла 7 + Kp:g6 (2... Kpg 8 3. Лg7×, 2... Kp:e6 3. Kf4×, 2... Kpe8 3. Ле7×) 3. Лg7×; 1... C:d4 2. Kpd7 C:f5 3. Kh8×.

«Пионер» № 10, 1988 г.

Диаграмма 3. Белые делают ничью.
1. Kpc8 b5 2. Kpd7 b4 2. Kpd6 Cf5 4. Kpe5 Cc8 5. Kpd4 b3 6. Kpc3 Ce6 7. c8Ф C:c8 8. Kp:b3. Ничья.

Рисунок А. БАЛДИНА.

ЧИТАЙ В СЕНТЯБРЕ:
повесть Юрия Коваля «Промах гражданина Лошакова», заметки с областного пионерского слета, очередной выпуск рубрики «Переходный возраст».

Сдано в набор 05.06.89.
Подписано к печати 20.06.89. А 08873.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 794.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

ДОМОВЁНОК и компания

«Завтра — пикник. Приходи к трем соснам на берег»,— прочитал Колобок записку, которую вечером обнаружил у себя на подушке. Он побежал в соседнюю комнату, к Винни-Пуху, и нашел его озадаченным, тоже с запиской в руках.

Записки, оказалось, получили все обитатели домика! Никто не признавался, что написал их. Тем не менее каждый стал срочно готовиться к пикнику.

Чем хорош пикник? Это не дальний поход, куда надо собирать и долго нести большущий рюкзак с вещами. Пикник — это легкая и приятная прогулка до ближайшего леса или озера, печеная картошка и игра в бадминтон. Или что-то иное... На пикник можно отправиться даже после обеда, взяв с собой только бутерброды. Но Колобок!.. Он решил все же приготовить для пикника овощной паштет.

Всякому овощу — свое время

И тут же Колобок принялся чистить морковки (их у него было 4 — граммов 750!), порезал морковки кружочками и бросил в кастрюлю, где было совсем немного воды. Добавил туда перца, тертого мускатного ореха (если его нет, не расстраивайтесь!). Пока морковка кипела, Колобок помыл цветную капусту, разделил ее на маленькие кочешки и мелко порезал луковицу. Все это он потушил в другой кастрюле около трех минут. Перемешал сливки, сметану, шесть целых яиц и четыре желтка, рубленую зелень (петрушка, укроп) и перец. На дно утятницы аккуратно уложил фольгу и смазал ее жиром. Слоями положил в фольгу морковь, затем капусту и залил все сметанной смесью. Завернул фольгу и поставил в уже нагретую духовку на полтора часа. А сам стал собирать для пикника картошку, вареные яйца, помидоры, огурцы, соль, хлеб, масло...

— Если завтра будет такая же жара, масло мгновенно растает,— забеспокоился повар.

— Это не беда,— утешил его папа Карло, зашедший проведать друга.— Мы накроем масленку марлей, а концы марли опустим в речку. Вот масло и не растает!

— Не растает, но уплывет,— возразил Колобок.

— И не растает, и не уплывет,— заверил папа Карло.— Я колышками марлю прикреплю.

— Что же ты, с собой топор потащишь?

— Невелика тяжесть,— ответил папа Карло.— Я все равно собираюсь его взять, чтобы стол и скамейку сделать.

— Ой, ой, паштет! — вспомнил Колобок. Он вытащил его из духовки, поставил на два часа в фольге охлаждаться, а потом прямо в фольге положил в рюкзак.

Стол под открытым небом

Если вы хотите сделать очень крепкую скамейку, чтобы она сохранилась надолго, ямы для столбов надо вырыть глубиной 80 сантиметров и 60 сантиметров диаметром. Перед тем как засыпать яму, основание столба рекомендуется обложить камнями, но прежде концы столбов обжечь на костре до обугливания и после побрызгать скипидаром, чтобы не сгнили.

Крышку стола можно сделать из ровных досок, но если доски не найдете, используйте ровные ветки деревьев средней толщины. Они плотно пригоняются друг к другу, а по концам прибиваются к нижней планке или соединяются между собой толстой проволокой.

— Кстати,— добавил Колобок,— когда вы разведете костер для смоления столбиков, не забудьте испечь картошку!

— А если в кустах случайно окажутся симпатичные съедобные грибы, можно, помыв и разрезав их, посолить, наколоть на ивовый прутик и поджарить прямо на костре, все время поворачивая прутик,— поделился рецептом и Винни.

Плот и флот

— У меня такое ощущение, что мы собираемся на пикник только ради того, чтобы вкусно поесть,— заметил Домовенок.

— Пожалуйста,— обиделся Колобок,— я могу вообще ничего с собой не брать...

— Не обижайся, Колобок,— попросил Домовенок.— Просто я хотел попросить всех подумать, чем заняться на пикнике, кроме бадминтона, волейбола и футбола...

— Очень просто сделать кораблик,— внес предложение Матроскин.— Из плотной бумаги, формой напоминающей подкову. Если капнуть внутрь такого кораблика масло или шампунь, он поплывет. Одной капли «горючего» хватит на метр пути.

— Можно даже гонки таких кораблей устраивать. Одна флотилия против другой! — воодушевился Домовенок.

— А судья может сидеть на специальном плоту,— предложил папа Карло.— Я знаю, как сделать легкий плот без досок и топора. Надо взять девять длинных воздушных шаров. В один шар поместить еще два и только тогда надувать. Так сделать и с остальными шарами. Получится как бы три надувные секции. Завязывать шары нужно не обыкновенной веревкой, а вставить в горловину кусочек резиновой трубки. Очень важно, чтобы диаметр трубки и отверстия совпадали.

Еще нужно сшить чехол. Можно сделать его из полиэтиленовой пленки. Для того чтобы пленка не рвалась под иглой швейной машинки, надо подложить вниз обыкновенный пластырь. Чехол разделить на три части — по размеру надутых шаров. Проверив, плотно ли закрыты все отверстия, плот можно спускать на воду.

— Теперь, по-моему, мы полностью готовы к пикнику,— объявил Винни-Пух, услышав про плот.— Только кто же нам записки написал?

Домовенок едва заметно улыбнулся:

— Главное, у нас будет праздник.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

30 коп. Индекс 70694.

Как много
В нашем мире красоты,
Которой часто мы не замечаем.
Все потому,
Что каждый день встречаем
Ее давно знакомые черты.
Мы знаем,
Что красивы облака,
Река, цветы,
Лицо любимой мамы,
И Пушкина летящая строка,
И то,
Что человек
Красив делами.
Но есть еще другая красота,
Которая не кажется красивой.
К примеру,
Красота крота.
— Крота?
— Да-да!
Или пчелы трудолюбивой.
Или змеи, лягушки и жука.
Или другого странного «народа».
Не зря
Все бесконечные века
Его ваяла
Мудрая природа.
Вглядись в лицо
Любого существа —
И ты увидишь,
Как она права!